

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

LOMONOSOV
PHILOLOGY
JOURNAL

Lomonosov Philology Journal

JOURNAL

founded in November 1946
by Moscow University Press

Series 9

PHILOLOGY

NUMBER FOUR

JULY - AUGUST

Published in 6 issues per year
on behalf of the Faculty of Philology
by Moscow University Press

Moscow University Press • 2024

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 9

ФИЛОЛОГИЯ

№ 4

ИЮЛЬ– АВГУСТ

Выходит один раз в два месяца

Издательство Московского университета • 2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор — **РЕМНЁВА Марина Леонтьевна**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой русского языка, президент филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по лингвистике — **КОБОЗЕВА Ирина Михайловна**, д.ф.н., проф. кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Зам. главного редактора по литературоведению — **ТОЛМАЧЁВ Василий Михайлович**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Отв. секретарь по лингвистике — **РАЗЛЮГОВА Елена Эмильевна**, д.ф.н., профессор кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Отв. секретарь по литературоведению — **ЗЫКОВА Галина Владимировна**, д.ф.н., проф. кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Оргсекретарь — **БЕЛАВИНА Екатерина Михайловна**, к.ф.н., доц. кафедры французского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ:

АЛЕКСАНДРОВА Ольга Викторовна, д.ф.н., проф., зав. кафедрой английского языкознания, зам. декана филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова по научной работе; **БЕЛИКОВ Александр Евгеньевич**, к.ф.н., доц. кафедры классической филологии, председатель Совета молодых ученых филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ВЕНЕДИКТОВА Татьяна Дмитриевна**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой общей теории словесности (теории дискурса и коммуникации) филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ИВИНСКИЙ Дмитрий Павлович**, д.ф.н., проф. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ИЗОТОВ Андрей Иванович**, д.ф.н., проф. кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **КОРОВИН Владимир Леонидович**, д.ф.н., проф. кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ПАХСАРЬЯН Наталья Тиграновна**, д.ф.н., проф. кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ПЕТРУХИНА Елена Васильевна**, д.ф.н., проф. кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **СОЛОПОВ Алексей Иванович**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; **ТАТЕВОСОВ Сергей Георгиевич**, д.ф.н., проф., зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АМАТУЦЦИ Антонелла (Antonella AmatuZZi), PhD, профессор (Италия, Туринский ун-т); **БАКЕС Жан-Луи (Jean-Louis Backès)**, д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, Ун-т Париж IV); **ВРАНЕШ Бранко (Branko Vraneš)**, д.ф.н., профессор (Сербия, Белградский ун-т); **ДАЙ Гуйцзюй (Dai Guiju)**, PhD, профессор (КНР, Пекинский ун-т иностранных языков); **ДЕМЬЯНКОВ Валерий Закиевич**, д.ф.н., профессор (Россия, ИЯ РАН); **ИНЬКОВА-МАНЗОТТИ Ольга Юрьевна (Olga Inkova-Manzotti)**, д.ф.н., профессор (Швейцария, Женевский ун-т); **КОЛЛАРОВА Эва (Eva Kollárová)**, PhD, профессор (Словакия, «Русский язык в центре Европы»); **ЛЕВЕРС Даниэль (Daniel Leuwers)**, д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, ун-т г. Тур); **МИРЧЕВСКА-БОШЕВА Биляна (Biljana Mirchevska Bosheva)**, д.ф.н., профессор (Северная Македония, Ун-т им. Свв. Кирилла и Мефодия); **МИРКУРБАНОВ Насирулла Мирсултанович (Nasirulla Mirkurbanov)**, к.ф.н., профессор (Узбекистан, Национальный университет Узбекистана им.М. Улугбек); **ПЕНЧЕВА Антония Иванова**, д.ф.н., доцент (Болгария, УНСС); **ПЕТРУХИНА Наталья Михайловна**, д.ф.н., профессор (Узбекистан, Узбекский государственный ун-т мировых языков); **ПОЛОНСКИЙ Вадим Владимирович**, д.ф.н., профессор, чл.-корр. РАН (Россия, ИМЛИ РАН); **РОВДО Иван Семенович (Ivan Rovdo)**, д.ф.н., профессор (Белоруссия, БГУ); **РЫЧКОВА Людмила Васильевна**, к.ф.н., профессор (Гродненский ГУ, Белоруссия); **СОКОЛОГОРСКАЯ Ирен (Irène Sokologorsky)**, д.ф.н., заслуженный профессор (Франция, Париж VIII); **СУВАЙДЖИЧ Бошко (Boško Suvajdzic)**, д.ф.н., профессор (Сербия, Белградский ун-т); **СУЛЕЙМЕНОВА Элеонара Дюсеновна**, д.ф.н., профессор (Казахстан, президент Казахстанской ассоциации рус. яз. и лит.); **ТЕРКУЛОВ Вячеслав Исаевич**, д.ф.н., профессор (Донецкий национальный университет); **УХЛИК Младен (Mladen Uhlík)**, PhD, доцент (Словения, ун-т Любляны); **ЦРВЕНКОВСКА Эмилия (Emilija Crvenkovska)**, д.ф.н., профессор (Северная Македония, Ун-т им. Свв. Кирилла и Мефодия)

Редактор *Т.А. Пирусская*

© Издательство Московского университета, 2024
© «Вестник Московского университета», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Герасимова А.А., Лютикова Е.А., Паско Л.И.* Языковая компетенция сквозь призму грамматической вариативности. Часть 1. Теоретические и методологические соображения 9
- Татевосов С.Г.* Теория лексической префиксации, актантная структура и асимметричное следование 23
- Дедова О.В., Краснова М.А.* Реализация глухости/звонкости шумных согласных перед интерконсонантными сонорными и [в] 45
- Давидюк Т.И.* Лично-числовое согласование с подлежащими, сочиненными одиночными и повторяющимися союзами, в русском языке 58
- Скрипка В.К.* Местоимение *тот* в «Истории управления настоящего Империи Оттоманской» П.А. Толстого 71
- Громова М.М.* Функционирование полных и клитических форм личных местоимений в словенских диалектах 81
- Уржа А.В.* Конструкции с глаголами речевого и физического действия в русских переводных текстах: аспектуальность, финитность, выдвижение 91
- Пархаева М.П.* Модели передачи семантики сравнения в древнегреческом языке (на примере трактата *Περὶ λήθων* Феофраста) 104
- Волошина А.В.* О сравнении ораторского и музыкального искусств у Дионисия Галикарнасского 116
- Магомедова Д.М.* Конвергенция культур как проблема поэтики (Вяч. Иванов. Стихотворный цикл “Rosarium”) 127
- Ван Люян, Михайлова М.В.* Повесть «Тридцать три урода» как прощество Л.Д. Зиновьевой-Аннибал о своей судьбе 136
- Хэ Цзиньхуа, Голубков М.М.* Мифологемы в творчестве Ю. Полякова 150
- Фисенко А.С.* Роман Эрскина Колдуэлла «Всю ночь напролет»: художественный текст между пропагандой и искусством 160
- Белавина Е.М.* Вызревание верлибра в просодическом тигле перевода 170

<i>Московская Д.С., Бакшаева Н.Ю.</i> Неизданный «Транспортный сборник» Московской Ассоциации пролетарских писателей как факт советской литературы (по архивным материалам ОР ИМЛИ РАН)	185
<i>Кулешова О.В.</i> Осмысление христианства в эмигрантском творчестве Д.С. Мережковского (на примере романа «Лютер»): традиция и ее преодоление	201

РЕЦЕНЗИИ

<i>Братчикова Н.С.</i> Рецензия на кн. «Через “чужое” к “своему”: диалог русской и венгерской культур»: монография / под редакцией М.А. Лаппо, В.В. Мароши. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2023. 240 с.	213
<i>Пауткин А.А.</i> Рец. на кн.: Чириков Евгений. Эхо войны / Сост. М.А. Чириков. Предисл. М.В. Михайловой, А.В. Назаровой. СПб.: Мамагов, 2023. 208 с., илл.	220

CONTENTS

ARTICLES

- Gerasimova A.A., Lyutikova E.A., Pasko L.I.* Linguistic Competence Through the Lens of Grammatical Variation. Part 1. Conceptual and Methodological Considerations 9
- Tatevosov S.G.* A Theory of Lexical Prefixation, Argument Structure and Symmetric Entailment 23
- Dedova O.V., Krasnova M.A.* Realisation of Voiced-Unvoiced of Obstruent Consonants Before Interconsonantal Sonorants and [v] 45
- Davidyuk T.I.* Person-Number Agreement with Subjects Containing Coordinating and Correlative Conjunctions in Russian 58
- Skripka V.K.* Demonstrative *tot* in *The History of the Present State of the Ottoman Empire* by Piotr Tolstoy 71
- Gromova M.M.* Functioning of Full and Clitic Forms of Personal Pronouns in Slovenian Dialects 81
- Urzha A.V.* Constructions with Verbs of Speech and Physical Action in Russian Translated Texts: Aspectuality, Finiteness, Foregrounding . . . 91
- Parkhaeva M.P.* Models of Expressing Similarity in Theophrastus' Περὶ λίθων 104
- Voloshina A.* On the Comparison of Rhetoric and Music in Dionysius of Halicarnassus 116
- Magomedova D.* The Convergence of Cultures as a Problem of Poetics (V. Ivanov, the Poetical Cycle "Rosarium") 127
- Wang Liuyang, Mikhailova M.* The Novel *Thirty-Three Abominations* as a Prophecy of L.D. Zinovieva-Annibal about Her Fate 136
- He Jinhua, Golubkov M.M.* Mythologems in the Works of Yury Polyakov . 150
- Fisenko A.S.* Erskine Caldwell's Novel *All Night Long: A Literary Text* Between Propaganda and Art 160
- Belavina E.* The Maturation of Vers Libre in the Prosodic Crucible of Translation 170

<i>Moskovskaya D.S., Bakshaeva N.Ju.</i> The Unpublished “Transport Collection” of the Moscow Association of Proletarian Writers as a Fact of Soviet Literature (Based on Archival Materials of the Department of Manuscripts of A.M. Gorky Institute of World Literature)	185
<i>Kuleshova O.V.</i> Comprehension of Christianity in D.S. Merezhkovsky’s Emigrant Work (On the Example of the Novel <i>Luther</i>): Tradition and Its Overcoming	201

REVIEWS

<i>Bratchikova N.S.</i> Through “Someone Else’s” to “One’s Own”: A Dialogue Between Russian and Hungarian Cultures	213
<i>Pautkin A.</i> Review of the Book: Chirikov, Evgeny. Echo of War / Ed. M.A. Chirikov. Preface by M.V. Mikhailova, A.V. Nazarova. St. Petersburg, Publishing House “Mamatov”, 2023. 208 p., ill.	220

СТАТЬИ

ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ВАРИАТИВНОСТИ. ЧАСТЬ 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ СООБРАЖЕНИЯ

А.А. Герасимова, Е.А. Лютикова, Л.И. Паско

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; anastasiagerasimova432@gmail.com, lyutikova2008@gmail.com,
paskolada@yandex.ru*

Аннотация: Эмпирическим проявлением языковой компетенции считается способность носителей языка отличать грамматичные предложения от неграмматичных и выносить суждения о приемлемости языкового выражения. Статья посвящена проблеме согласованности языковых данных о приемлемости, которая рассматривается в свете задачи по сравнению языковых компетенций человека и нейросети.

Высокое качество современных нейросетевых решений для обработки текста и речи позволяет предположить наличие у соответствующих нейронных систем языковой компетенции. Поскольку при обучении нейросетей на корпусах индивидуальные особенности носителей — авторов текстов сглаживаются, необходимо понять, насколько подобный эффект генерализации может искажать языковую действительность. В статье ставится цель установить, каким способом возможно определить эталон владения языком его носителями в оценках приемлемости.

В исследовании мы предлагаем обратиться к специфичному для естественного языка свойству внутриязыковой грамматической вариативности. Вариативные феномены предполагают более одного грамматически допустимого варианта, вследствие чего ожидаемая согласованность в ответах респондентов снижается. Для оценки согласованности предлагается два параметра. Во-первых, необходимо анализировать единодушие респондентов в языковой общности. Предполагается, что в языковой общности существуют подмножества носителей языка, которые имеют сходные представления об уровне приемлемости отдельных вариантов в ситуации вариативности. Ожидается, что реакции членов одного подмножества на экспериментальные условия будут мало различаться. Во-вторых, важно учитывать индивидуальную последовательность респондентов. Поскольку в рамках эксперимента представления о приемлемости у носителя языка меняться не должны, ожидается, что варьирование оценок для идентичных по структуре стимулов будет ограничено.

Для того чтобы определить допустимый диапазон суждений в ситуации вариативности, мы представляем таксономию вариативных феноменов, учи-

тывающую два измерения: дистрибуцию вариантов в зависимости от предикторов и относительный уровень приемлемости вариантов. Мы предлагаем рассмотреть две группы феноменов: ситуации с низкой вариативностью и однозначным выбором варианта в зависимости от предиктора и ситуации с высокой вариативностью, в которых предиктор не установлен или действует несколько разнонаправленных предикторов. Две группы феноменов представлены в статье четырьмя конструкциями, которые различаются ожидаемым распределением вариантов и типом грамматического взаимодействия. Дальнейший количественный анализ экспериментальных данных о представленных феноменах позволит задать ориентир для анализа вариативности в нейросетевых архитектурах.

Ключевые слова: грамматичность; суждения о приемлемости; согласованность; языковая компетенция; вариативность; нейронные сети; русский язык

Финансирование: Работа выполнена при поддержке Программы развития МГУ, проект № 23-Ш02-10 «Языковая компетенция носителей естественного языка и нейросетевых моделей».

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-04-1

Для цитирования: Герасимова А.А., Лютикова Е.А., Паско Л.И. Языковая компетенция сквозь призму грамматической вариативности. Часть 1. Теоретические и методологические соображения // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 4. С. 9–22.

LINGUISTIC COMPETENCE THROUGH THE LENS OF GRAMMATICAL VARIATION. PART 1. CONCEPTUAL AND METHODOLOGICAL CONSIDERATIONS

A.A. Gerasimova, E.A. Lyutikova, L.I. Pasko

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
anastasiagerasimova432@gmail.com, lyutikova2008@gmail.com,
paskolada@yandex.ru*

Abstract: The linguistic competence is revealed empirically in the ability of native speakers to distinguish grammatical sentences from ungrammatical ones and to make judgments about acceptability of a certain language expression. This paper discusses the problem of language data consistency, which is examined with respect to comparison between the language competencies of a native speaker and a neural network.

The high quality of modern neural network solutions for text and speech processing suggests that the corresponding neural systems have a form of a language competence. Since the individual characteristics of native speakers who are authors of texts collected in corpora are smoothed out when neural networks are trained, it is necessary to understand whether such a generalization can distort the linguistic

reality. The paper aims to establish how the standard of language proficiency by native speakers can be revealed in acceptability judgments.

In this study, we investigate the intralingual grammatical variation, which we consider to be a specific property of natural language. When speakers rate phenomena that display variation the expected consistency in their ratings decreases. In order to assess the consistency we propose two parameters. First, it is necessary to analyze the agreement of respondents within the linguistic community. We assume that within the linguistic community there are groups of speakers who have similar impressions on the acceptability of specific variants in the context of variation. Consequently, the ratings by the speakers from the same group are expected to vary in a rather small degree. Second, we consider the individual consistency within an experimental trial. As far as within one experiment the acceptability perception of a speaker does not change, we expect that variation within the scores for identical stimuli is restricted.

In order to identify the possible range of judgments in case of variation we propose a taxonomy of phenomena that display variation considering two dimensions: the distribution of variants with respect to predictors and the relative acceptability of variants. We suggest taking two types of phenomena as the material for the study: (i) phenomena with little variation and a univocal choice of the variant determined by a predictor; (ii) phenomena with high variation when predictors are not defined or in the presence of several differently directed predictors. The two groups are represented by four phenomena that vary with respect to the expected distribution of variants and the type of grammatical interaction. The further quantitative analysis of experimental data on the suggested phenomena will provide a baseline for the analysis of variation within neural network architectures.

Keywords: grammaticality; acceptability judgments; consistency; language competence; variation; neural networks; Russian

Funding: This work was supported by the MSU Program of Development, Project No 23-SCH02-10 “Linguistic Competence of Natural Language Speakers and Neural Network Models”.

For citation: Gerasimova A.A., Lyutikova E.A., Pasko L.I. (2024) Linguistic Competence Through the Lens of Grammatical Variation. Part 1. Conceptual and Methodological Considerations. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 9–22.

1. Введение

В современной лингвистике грамматика рассматривается как модель языковой компетенции носителей языка. Предполагается, что базовым проявлением языковой компетенции носителей языка является их способность отличать грамматичные предложения от неграмматичных [Chomsky 1957: 13]. Грамматичность, однако, является теоретическим конструктом; в реальных обстоятельствах использования языка носители могут охарактеризовать языковые

выражения в терминах приемлемости. Приемлемость языкового выражения зависит не только от языковой компетенции говорящего или слушающего, но и от поведенческих факторов, то есть обстоятельств использования языка. К таким факторам относят, например, эффекты частотности, вычислительной сложности, прагматической адекватности — иными словами, те особенности языкового выражения, которые определяются взаимодействием языкового модуля с другими когнитивными системами.

Современные диалоговые нейросетевые решения успешно имитируют человеческое речевое поведение, что позволяет предположить наличие у соответствующих нейронных систем языковой компетенции, близкой к человеческой, и аналогичных человеческим механизмов использования языка. Как можно было бы подтвердить или опровергнуть данный тезис? Очевидно, что среди представителей одной языковой общности ожидается определенное единство суждений о приемлемости и интерпретации относительно широкого класса языковых выражений. Следовательно, один из возможных способов проверки языковых способностей нейросети, то есть ее языковой компетенции и умения ее применять в коммуникативной ситуации, — это сопоставить ее суждения о приемлемости языковых выражений с человеческими.

В качестве материала для сравнения имеет смысл выбрать такие феномены, которые считаются специфичными именно для естественных языков. Далее в этой статье мы будем рассматривать один из таких феноменов — внутриязыковую грамматическую вариативность, то есть регулярное сосуществование в языке более одного грамматического варианта определенной конструкции¹. Модели внутриязыковой вариативности достаточно разнообразны. С одной стороны, такое варьирование может иметь социолингвистическую природу или быть функционально обусловленным: в таком случае соответствующие речевые произведения характеризуют с позиции диалекта или функционального стиля. С другой стороны, выбор варианта может определяться частными лицензирующими факторами в рамках одной языковой структуры или индивидуальной параметризацией грамматики.

Само наличие вариативности в языке обусловлено фундаментальным свойством коммуникативной системы — избыточностью

¹ Подчеркнем, что, помимо грамматической вариативности, в языке всегда представлена и лексическая вариативность, обусловленная, с одной стороны, регулярной многозначностью слов и их способностью получать актуальные значения в конкретных ситуациях речевого акта, а с другой стороны — наличием синонимичных и квазисинонимичных языковых выражений, взаимозаменяемых в определенных контекстах.

информационного кода. В связи с тем, что в процессе коммуникации может наблюдаться разный уровень зашумленности сигнала, в языке обеспечивается множественность каналов передачи информации для того, чтобы коммуникация успешно состоялась. Затруднение коммуникации при синонимичных языковых выражениях приводит к спецификации вариантов в отдельных контекстах и постоянно наблюдаемому в языке переходу от свободного варьирования к дополнительному распределению. Таким образом, можно ожидать, что внутриязыковая грамматическая вариативность окажется многофакторным динамическим феноменом, что особенно ценно в контексте обсуждаемой задачи.

Прежде чем приступить к сравнению языковых компетенций человека и нейросети в отношении грамматической вариативности, необходимо определить точку отсчета — базовые характеристики приемлемости вариативных феноменов для человека. Наряду с существованием нескольких равноприемлемых вариантов языкового выражения, которые могут предсказываться определенным набором грамматических предикторов или быть взаимозаменяемыми, возможно также варьирование непосредственно уровня приемлемости альтернативных конструкций. Варьированию второго рода могут способствовать факторы разного типа: как собственно факт наличия нескольких структурных альтернатив, так и более сложно определяемые особенности контекста употребления, например повышенная ресурсоемкость обработки языкового выражения. Поэтому в первую очередь необходимо понять, как выглядит эталон владения языком его носителями в оценках приемлемости и каков допустимый диапазон суждений.

Статья имеет две цели. Во-первых, мы хотим выявить контрольные характеристики приемлемости и соответствующие им количественные метрики, которые позволят оценить возможные распределения оценок приемлемости в суждениях носителей языка. Далее в работе мы предложим метрики внешней и внутренней согласованности, не связанные с абсолютными характеристиками суждений (напр., среднее, минимум, максимум), но описывающие диапазон варьирования. Центральным для количественной оценки станет вопрос о том, коррелирует ли предпочтение того или иного грамматического варианта с последовательностью в выборе оценки приемлемости. Вторая цель — наметить типологию грамматической вариативности, которая позволила бы в дальнейшем принять к рассмотрению различные классы вариативных феноменов. В статье мы представим четыре феномена, которые различаются уровнем вариативности: от однозначного выбора одного варианта в определенном

грамматическом контексте до равной доступности пары грамматических вариантов.

2. Параметры согласованности суждений

Чтобы оценить контрольные характеристики приемлемости для вариативных феноменов, мы обратимся к двум параметрам суждений. Мы будем выделять внешнюю согласованность суждений, характеризующую соотношение идиолектов языкового сообщества, и внутреннюю согласованность — характеристику отдельного идиолекта, выраженную в суждениях конкретного респондента.

Попытки количественно оценить согласованность экспериментальных лингвистических данных предпринимались в серии работ [Герасимова, Лютикова 2021; Gerasimova, Lyutikova 2020; Герасимова 2019, 2023]. Один из аспектов согласованности, которые выделили авторы, — единодушие респондентов — основывался на предположении, что от носителей одного языка ожидается сходная реакция на отдельные экспериментальные условия. В случае вариативных феноменов мы допускаем сосуществование отдельных вариантов грамматики, характеризующих подмножества носителей языка. Наличие таких групп может быть обусловлено различными факторами; например, оно может быть следствием диахронических изменений в языке, которые происходят не одновременно и распределяются неравномерно в языковом сообществе, постепенно охватывая все большее количество носителей [Blythe, Croft 2012].

Для анализа единодушия респондентов проводилось сопоставление того, как отдельные респонденты ранжируют рассматриваемые условия. Для этого для каждого респондента устанавливался индивидуальный порог значимости различий, задаваемый минимальным средним стандартным отклонением из посчитанных для каждой пары условий (при наличии более двух условий в эксперименте). В текущем исследовании мы планируем модифицировать подход к установлению индивидуальных различий. Мы будем постулировать различие между условиями для респондента в том случае, если интервалы, заданные отклонением от средней оценки приемлемости на величину стандартной ошибки, не пересекаются. Для анализа мы будем использовать нормализованные оценки, чтобы исключить влияние индивидуальных особенностей использования оценок на шкале.

Мы также принимаем во внимание тот факт, что наличие вариативности в языке может по-разному реализовываться в идиолекте отдельного носителя. В экспериментальном контексте подразумевается, что идентичные по уровню приемлемости стимулы располагаются в одних и тех же областях шкалы, однако респондент может

оценивать однотипные языковые выражения по-разному, допуская отклонения по шкале.

Динамика вынесения суждений о приемлемости в экспериментальном контексте исследовалась прежде всего в приложении к вопросу об эффекте синтаксического пресыщения. При увеличении частоты прочтения неграмматичной конструкции нередко наблюдается изменение в ее восприятии носителями как более приемлемой. Данный эффект, однако, далеко не всегда оказывается воспроизводим (ср. первое обсуждение эффекта в [Snyder 2000]) и противоположный результат при репликации эксперимента в [Sprouse 2007]). Оценить эффект позволяет разделение эксперимента на несколько блоков, внутри которых подсчитывается средняя оценка для условия: если при переходе от блока к блоку оценка значимо меняется в сторону повышения, постулируется эффект пресыщения.

В текущем исследовании мы заинтересованы в другом измерении индивидуальной стратегии оценивания — в устойчивости оценок индивида. Тем самым, мы игнорируем порядок представления стимулов в эксперименте и предполагаем, что даже при наличии эффекта пресыщения диапазон варьирования оценок в разных условиях будет сравнительно устойчивым. Для оценки индивидуальной последовательности мы вслед за [Герасимова, Лютикова 2021] будем использовать среднее стандартное отклонение в исходных оценках по шкале Ликерта².

Исследование [Герасимова, Лютикова 2021] продемонстрировало достаточно сложную комбинацию различных измерений согласованности суждений респондентов в контексте лингвистического эксперимента. На материале феномена лицензирования отрицательных местоимений было показано, что придерживаться основных (усредненных) наборов оппозиций может менее половины выборки, а часть респондентов может иметь противоположное распределение оценок, так что единоподушие респондентов будет оценено как низкое. Вместе с тем большая часть респондентов оказываются умеренно последовательными в своих индивидуальных стратегиях и допускают варьирование для одного условия в среднем от 1 до 2 баллов по шкале Ликерта 1–7.

² Размах подобных отклонений может характеризовать не только устойчивость представлений носителя о феномене, но и его индивидуальную стратегию вынесения оценок приемлемости. В данной работе мы абстрагируемся от индивидуальных особенностей работы со шкалами, поскольку не располагаем данными от одних и тех же носителей в разных экспериментальных контекстах и не имеем возможности контролировать указанный параметр.

Новизна текущего исследования состоит в том, что (обновленные) метрики согласованности планируется применять не к случайному грамматическому феномену, а к специальным образом отобранному пулу вариативных феноменов³. В следующем разделе мы опишем основные противопоставления, позволяющие охарактеризовать некоторый грамматический феномен как вариативный, и представим конкретные примеры исследованных нами вариативных феноменов.

3. Типология грамматической вариативности

Для того чтобы параметризовать грамматическую вариативность, обсудим возможное распределение вариантов в синхронном срезе языка. Мы предполагаем, что существует два основных измерения варьирования. С одной стороны, грамматические феномены различаются тем, как устроена дистрибуция вариантов. Спектр возможностей включает континуум от дополнительной дистрибуции в зависимости от предикторов до взаимозаменяемости вариантов в одном контексте. Предикторы могут включать внешние характеристики контекста как, например, разные структурные альтернативы, прагматический контекст употребления, ресурсоемкость конструкции при обработке. Допустима также зависимость распределения вариантов от внутренних характеристик конструкции, например различий, обусловленных признаковой спецификацией или сменой морфологической парадигмы. Важно отметить возможное взаимодействие эффектов, связанных с различными предикторами, а также разную степень воздействия (вес) предикторов, в результате чего выбор того или иного варианта становится неоднозначным. С этим связано другое измерение варьирования: варианты могут иметь различный уровень приемлемости. Комбинации предикторов могут задавать градуальность в оценках приемлемости, проявляющуюся в том, что обе альтернативные конструкции доступны, но одна из них оказывается значимо более приемлема.

³ Диверсификация рассматриваемых феноменов нацелена на то, чтобы получить более полное представление о возможных распределениях оценок приемлемости носителей языка для последующего сравнения с поведением нейросетей. Известно, что качество предсказаний приемлемости в нейросетевых языковых моделях отличается для разных классов синтаксических феноменов, например, оно существенно снижается в случае дистантных зависимостей и конструкций с нулевыми элементами [Warstadt, Bowman 2019]. Допустимый разброс в оценках приемлемости носителей может также меняться в зависимости от языкового материала, однако целенаправленных исследований таких метрик для разных феноменов до настоящего момента не было.

В исследовании мы хотели бы рассмотреть примеры вариативных феноменов, которые относятся к различным областям указанного спектра. Во-первых, мы рассмотрим ситуации с низкой вариативностью, когда ожидается однозначное предпочтение одного из теоретически доступных вариантов в присутствии предиктора. Во-вторых, мы обратимся к феноменам с высокой вариативностью. С одной стороны, мы рассмотрим ситуацию, когда выбор варианта предположительно свободен. С другой стороны, мы обратимся к феноменам, в которых возможные варианты характеризуются различным уровнем приемлемости в зависимости от нескольких разнонаправленных предикторов. Проиллюстрируем две группы феноменов ниже.

В качестве явления, характеризующегося малой вариативностью, рассмотрим **падежное варьирование в русских событийных номинализациях**. Внешний аргумент номинализации маркируется творительным падежом в том случае, когда номинализация образована от переходной основы. В случае же, когда номинализация образована от двухместной глагольной основы, управляющей лексическим падежом, кодирование внешнего аргумента творительным падежом также встречается (1a), хотя носители отдадут явное предпочтение использованию родительного падежа (1b) [Герасимова 2017; Pereltsvaig et al. 2018].

(1) [Герасимова 2017: (4)–(5)]

- a. *подражание человеком творческой мощи природы*
- b. *стиль подражания человека природе*

Второй феномен с явным предпочтением одного варианта — **предикативное согласование с сочиненным подлежащим, определяемым относительной клаузой** (2a) [Pasko 2023; Krejci 2020]. В отсутствие относительной клаузы заглагольные сочиненные подлежащие допускают согласование как по множественному, так и по единственному числу [Русская грамматика 1980: § 2246], в особенности при совпадении грамматических признаков конъюнктов, ср. (2b). С теоретической точки зрения согласовательная вариативность такого типа объясняется структурными альтернативами, стоящими за конструкциями в (2b), так что полное согласование по множественному числу соответствует сочинению именных групп, а частичное согласование по единственному числу соответствует сочинению более крупных составляющих, включающих глагол, который затем подвергается эллипсису [Кодзасов 1987]. Предполагается, что наличие общей относительной клаузы будет предиктором согласования по множественному числу, так как именные группы, не образующие составляющую, не могут иметь общее определение (2c).

- (2) а. *Не менее пяти минут продолжались свист и топот, которые затем неожиданно перешли в скандирующие хлопки.* [НКРЯ⁴]
 б. *Не менее пяти минут продолжались / продолжался свист и топот.*
 в. *В пруду утонули / *утонул шарф и варежка, которые связала мать.* [Krejci 2020: (532)]

Далее, рассмотрим случай свободной конкуренции вариантов — **предикативное согласование в относительных клаузах, определяющих личное местоимение**, где относительное местоимение *который* находится в позиции подлежащего ([Лютикова 2015; Холодилова 2015]). Согласование предиката вложенной клаузы возможно как по признакам относительного местоимения (3а), так и по признакам личного местоимения (3б) — предположительно две взаимозаменяемые стратегии.

(3) [Лютикова 2023: (5b)–(6a)]

- а. *Иногда я, конечно, думаю, что я, который держит всё в себе, могу умереть раньше.*
 б. *Не понимаю, как ты, которая не боишься жизни, боишься воды.*

Наконец, мы обратимся к **отрицательным конструкциям с инфинитивными оборотами, содержащими отрицательное местоимение**. Лицензирование отрицательного местоимения возможно через границу инфинитивного оборота, при этом оно может занимать различные линейные позиции в предложении [Lyutikova, Gerasimova 2023]. В случае равносубъектных инфинитивов в результате реструктурирования возможен подъем отрицательного местоимения из базовой позиции в инфинитивном обороте в позицию перед предикатом главной клаузы (4). При разносубъектных инфинитивах помимо базовой позиции отрицательное местоимение может занимать позицию перед вложенным инфинитивом: просодически обусловленное передвижение в предглагольную позицию в целом характерно для местоименных дополнений в русском языке (5). Таким образом, приемлемость вариантов не равна и определяется как структурными, так и коммуникативными факторами.

- (4) а. *Но в ее полете не чувствовалось уверенности, как если бы она и не хотела причинять никому неудобства.* [НКРЯ]
 б. *Я никого не хочу обидеть, никому не пытаюсь польстить.* [НКРЯ]
 (5) а. *Я ему не велела ничего говорить!* [НКРЯ]
 б. *Я не велел тревожить никого до утра.* [НКРЯ]

Итак, четыре предложенных к рассмотрению феномена имеют различный ожидаемый уровень вариативности и вместе с тем охва-

⁴ Пример из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru).

тывают грамматические взаимодействия различного типа: падежное маркирование в случае событийных номинализаций, согласование в предложениях с определительными придаточными и передвижение в отрицательных конструкциях с инфинитивными оборотами. Тем самым при оценке параметра согласованности мы получим возможность обобщить действие сходных факторов варьирования приемлемости в различных синтаксических конструкциях.

4. Заключение

В этой статье мы поставили задачу выявления эмпирического материала и его количественных характеристик, на которые могло бы опираться сравнение языковых компетенций человека и нейросетей. Было предложено обратиться к специфичному для естественного языка свойству внутриязыковой грамматической вариативности и оценить допустимый диапазон суждений с помощью двух параметров: единодушия респондентов в языковой общности и индивидуальной последовательности респондентов. Минимальная типология вариативных феноменов учитывает ожидаемое распределение вариантов (контекстное распределение на основе сильного предиктора vs относительно свободное варьирование в отсутствие сильных предикторов) и тип грамматического взаимодействия.

В своей совокупности таксономия вариативных феноменов и метрики, характеризующие согласованность суждений носителей, позволяют спланировать и провести полномасштабное обследование языкового поведения носителей языка в задаче вынесения суждения применительно к грамматической вариативности. Полученная таким образом модель языковой компетенции человека может быть использована в качестве эталона для оценки языкового поведения нейросети в аналогичной или альтернативной задаче.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Герасимова А.А.* Падежное варьирование в русских событийных номинализациях: дипломная работа; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Москва, 2017.
2. *Герасимова А.А.* Варьирование согласовательных характеристик в русской именной группе: выпускная квалификационная работа магистра; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Москва, 2019.
3. *Герасимова А.А.* Количественные методы исследования грамматических ограничений (на материале вариативного согласования в русском языке): Дисс. ... канд. филол. наук; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Москва, 2023.
4. *Герасимова А.А., Лютикова Е.А.* Лингвистический эксперимент на платформе Яндекс. Толока: оценка исследовательских возможностей // *Zeitschrift für Slavische Philologie*. 2021. В. 78, N. 1. S. 175–206.

5. *Лютикова Е.А.* Согласование, признаки и структура именной группы в русском языке // *Русский язык в научном освещении*. 2015. № 30(1). С. 44–74.
6. *Лютикова Е.А.* О согласовательной вариативности в русском языке // *Русский язык в научном освещении*. 2023. № 2. С. 200–219.
7. *Кодзасов С.В.* Число в сочинительных конструкциях // *Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах* / А.Е. Кибрик, А.С. Нариньяни (ред.). М., 1987. С. 204–219.
8. *Русская грамматика*: В 2 т. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980.
9. *Холодилова М.А.* Согласование с вершиной относительных конструкций и обособленных именных оборотов в русском языке // *Русский язык в научном освещении*. 2015. № 30 (2). С. 74–97.
10. *Blythe R.A., Croft W.* S-curves and the Mechanisms of Propagation in Language Change // *Language*. 2012. Vol. 88. № 2. P. 269–304.
11. *Chomsky N.* Syntactic Structures. The Hague; Paris, 1957. 117 p.
12. *Gerasimova A., Lyutikova E.* Intralingual Variation in Acceptability Judgments and Production: Three Case Studies in Russian Grammar // *Frontiers in Psychology*. 2020. Vol. 11. Art. 348. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2020.00348/full> (retrieved: 01.02.2021).
13. *Krejci B.* Syntactic and Semantic Perspectives on First Conjunct Agreement in Russian. PhD thesis. Stanford University, 2020.
14. *Lyutikova E., Gerasimova A.* Negative Concord and Locality in Russian // *Canadian Journal of Linguistics/Revue canadienne de linguistique*, 2023. Vol. 68. № 1. P. 31–73.
15. *Pasko L.* Symmetry, Postposition, and Hydras: Experimental Evidence against ATB-Analysis of Partial Agreement in Russian // *The First Theoretical and Experimental Linguistics Workshop*. Károli Gáspár University of the Reformed Church in Hungary. Budapest, Hungary, 25–26 October 2023.
16. *Pereltsvaig A., Lyutikova E., Gerasimova A.* Case marking in Russian eventive nominalizations: inherent vs. dependent case theory // *Russian Linguistics*. 2018. Vol. 42. P. 221–236.
17. *Snyder W.* An Experimental Investigation of Syntactic Satiation Effects // *Linguistic Inquiry*. 2000. Vol. 31. № 3. P. 575–582.
18. *Sprouse J.* Continuous Acceptability, Categorical Grammaticality, and Experimental Syntax // *Biolinguistics*. 2007. Vol. 1. P. 123–134.
19. *Warstadt A., Bowman S.R.* Linguistic Analysis of Pretrained Sentence Encoders with Acceptability Judgments // *arXiv preprint arXiv:1901.03438*. 2019. 23 p. URL: <https://arxiv.org/abs/1901.03438> (retrieved: 20.03.2021).

REFERENCES

1. Gerasimova A.A. Padezhnoe var'irovanie v russkikh sobytiinykh nominalizatsiyakh [Case Variation within Russian Event Nominalizations]. BA Thesis. Lomonosov Moscow State University. Moscow, 2017. (In Russ.)
2. Gerasimova A.A. Var'irovanie soglasovatel'nykh kharakteristik v russkoi imennoi gruppe [Variation in Agreement Features in Russian Nominals]. MA Thesis. Lomonosov Moscow State University. Moscow, 2019. (In Russ.)
3. Gerasimova A.A., Lyutikova E.A. Lingvisticheskiy eksperiment na platforme Yandeks. Toloka: otsenka issledovatel'skikh vozmozhnostei [A Linguistic Experiment on the Yandex. Toloka Crowdsourcing Platform: An Evaluation of Its Research Capacity]. *Zeitschrift für Slavische Philologie*. 2021, B. 78, N. 1, S. 175–206. (In Russ.)
4. Gerasimova A.A. Kolichestvennye metody issledovaniya grammaticheskikh ograniichenii (na materiale variativnogo soglasovaniya v russkom yazyke) [Quantitative Methods of Research of Grammatical Restrictions (on the Material of Variative Agreement in Russian)]

- tative Methods of Investigating Grammar (a Case Study of Agreement Variation in Russian)]. PhD Thesis. Lomonosov Moscow State University. Moscow, 2023. (In Russ.)
5. Lyutikova E.A. Soglasovanie, priznaki i struktura imennoi gruppy v russkom yazyke [Features, Agreement, and Structure of the Russian Noun Phrase]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], 2015, № 30, pp. 44–74. (In Russ.)
 6. Lyutikova E.A. O soglasovatel'noi variativnosti v russkom yazyke [On Agreement Variation in Russian]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory]. 2023, № 2, pp. 200–219. (In Russ.)
 7. Kodzasov S.V. Chislo v sochnitel'nykh konstruksiyakh [Number in Coordinated Constructions]. Modelirovanie yazykovoï deyatel'nosti v intellektual'nykh sistemakh / A.E. Kibrik, A.S. Narin'yani (eds.). Moscow, Nauka, 1987, pp. 204–219.
 8. Russkaya grammatika [Russian Grammar]. 2 vol. Ed. by N.Yu. Shvedova. Moscow, 1980. (In Russ.)
 9. Kholodilova M.A. Soglasovanie s vershinoi odnositel'nykh konstruksii i obosoblen'nykh imennykh oborotov v russkom yazyke [Agreement with the Head of Russian Relative Constructions and Detached Attributive Phrases]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory]. 2015, № 30 (2), pp. 74–97.
 10. Blythe R.A., Croft W. S-curves and the Mechanisms of Propagation in Language Change. *Language*. 2012, vol. 88, № 2, pp. 269–304.
 11. Chomsky N. Syntactic Structures. The Hague; Paris, 1957. 117 p.
 12. Gerasimova A., Lyutikova E. Intralingual variation in Acceptability Judgments and Production: Three Case Studies in Russian Grammar. *Frontiers in Psychology*. 2020, vol. 11, art. 348. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2020.00348/full> (retrieved : 01.02.2021).
 13. Krejci B. Syntactic and Semantic Perspectives on First Conjunct Agreement in Russian. PhD Thesis. Stanford University. 2020.
 14. Lyutikova E., Gerasimova A. Negative Concord and Locality in Russian. *Canadian Journal of Linguistics/Revue canadienne de linguistique*. 2023, vol. 68, № 1, pp. 31–73.
 15. Pasko L. Symmetricity, Postposition, and Hydras: Experimental Evidence against ATB-Analysis of Partial Agreement in Russian. The First Theoretical and Experimental Linguistics Workshop. Károli Gáspár University of the Reformed Church in Hungary. Budapest, Hungary, 25–26 October 2023.
 16. Pereltsvaig A., Lyutikova E., Gerasimova A. Case Marking in Russian Eventive Nominalizations: Inherent vs. Dependent Case Theory. *Russian Linguistics*. 2018, vol. 42, pp. 221–236.
 17. Snyder W. An Experimental Investigation of Syntactic Satiation Effects. *Linguistic Inquiry*. 2000, vol. 31, № 3, pp. 575–582.
 18. Sprouse J. Continuous Acceptability, Categorical Grammaticality, and Experimental Syntax. *BiLinguistics*. 2007, vol. 1, pp. 123–134.
 19. Warstadt A., Bowman S.R. Linguistic Analysis of Pretrained Sentence Encoders with Acceptability Judgments. arXiv preprint arXiv:1901.03438. 2019. 23 p. URL: <https://arxiv.org/abs/1901.03438> (retrieved: 20.03.2021).

Поступила в редакцию 02.11.2023
Принята к публикации 16.04.2024
Отредактирована 20.05.2024

Received 02.11.2023
Accepted 16.04.2024
Revised 20.05.2024

ОБ АВТОРАХ

Герасимова Анастасия Алексеевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ имени М.В. Ломоносова; anastasiagerasimova432@gmail.com

Лютикова Екатерина Анатольевна — доктор филологических наук; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ имени М.В. Ломоносова; lyutikova2008@gmail.com

Паско Лада Игоревна — студент магистратуры отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; paskolada@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Anastasia A. Gerasimova — PhD, Researcher, Research Computing Center, Lomonosov Moscow State University; anastasiagerasimova432@gmail.com

Ekaterina A. Lyutikova — Prof. Dr. Habil., Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Leading Researcher, Research Computing Center, Lomonosov Moscow State University; lyutikova2008@gmail.com

Lada I. Pasko — MA student, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; paskolada@yandex.ru

ТЕОРИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ПРЕФИКСАЦИИ, АКТАНТНАЯ СТРУКТУРА И АСИММЕТРИЧНОЕ СЛЕДОВАНИЕ¹

С.Г. Татевосов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; tatevosov@gmail.com

Аннотация: В статье предлагается несколько обобщений о семантике лексических префиксов в русском языке и обсуждаются их теоретические следствия. Лексические префиксы — один из двух основных классов славянских префиксов, которые эксплицитно выделяются в литературе начиная с [Babko-Malaya 1999]. Обобщения, излагаемые в статье, опираются на данные об отношении асимметричного логического следования, связывающего префиксальные и беспрефиксальные конфигурации, и соотносят валентность префикса и тип его интерпретации. Мы предполагаем, что глагольные группы, создаваемые глаголами с лексическими префиксами, описывают отношение между событиями и результирующими состояниями. Префиксы имеют собственную актантную структуру и подразделяются на одновалентные и двухвалентные. Одновалентные префиксы обозначают результирующее состояние непосредственно. Двухвалентные префиксы имеют пространственно-направительную интерпретацию и описывают отношение между фигурой и фоном. Это отношение далее интерпретируется как результирующее состояние. Их соединение с глагольной основой подчиняется регулярным правилам семантической композиции. Дополнительно могут задействоваться семантические операции из очень ограниченного репертуара, в частности каузативный сдвиг или экзистенциальное закрытие. Каузативный сдвиг преобразует дескрипцию результирующих состояний в отношении между состояниями и каузирующими их событиями. Экзистенциальное закрытие связывает квантором существования исходный актант глагольной основы. Затем проекция префикса и подвергшаяся экзистенциальному закрытию основа соединяются с помощью правила композиции, известного как идентификация событий. На событийный компонент отношения между каузирующими событиями и результирующими состояниями накладывается дополнительное условие, а именно: события, составляющие этот компонент, должны удовлетворять предикату, обозначаемому основой.

Ключевые слова: префиксация; актантная структура; структура события

¹ Автор глубоко признателен Р. Шимику и Б. Герке, а также рецензентам «Вестника Московского университета» за обсуждение и комментарии.

Финансирование: Исследование поддержано грантом РФФ 22-18-00285, реализуемым в МГУ имени М.В. Ломоносова.

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-04-2

Для цитирования: *Татевозов С.Г. Теория лексической префиксации, актантная структура и асимметричное следование // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 4. С. 23–44.*

A THEORY OF LEXICAL PREFIXATION, ARGUMENT STRUCTURE AND ASYMMETRIC ENTAILMENT

Sergei Tatevosov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; tatevosov@gmail.com

Abstract: The article offers a few generalizations about the meaning of lexical prefixes in Russian and addresses their theoretical implications. Lexical prefixes are one of the two main classes of Slavic prefixes, which have been explicitly identified in the literature at least since [Babko-Malaya 1999]. The generalizations, which are based on the data on asymmetric entailment from prefixed to prefixless configurations, connect the argument structure of a lexical prefix to the type of its interpretation. I assume that the verb phrase projected by a verb with a lexical prefix denotes a relation between events and result states. Prefixes possess argument structure and fall into two types, monadic and dyadic, depending on the number of their individual arguments. Monadic prefixes denote result states directly. Dyadic prefixes describe a spatial relation between Figure and Ground. This relation is further identified as the result state of an eventuality denoted by the verb stem. Combining the projection of a prefix with the verb stem is subject to regular rules of semantic composition. Additionally, semantic operations from a very limited repertoire can be utilized, in particular, causative shift and existential closure. Causative shift takes a description of result states and makes a relation between states and causing events out of it. Existential closure binds the internal argument of the verb stem and outputs a predicate of events. After existential closure, the stem and the projection of a prefix are put together by the rule of construal known as event identification.

Keywords: prefixation; argument structure; event structure

Funding: The research is supported by the Russian Science Foundation, grant number 22-18-00285, realized at the Lomonosov Moscow State University.

For citation: Tatevosov S.G. (2024) A Theory of Lexical Prefixation, Argument Structure and Symmetric Entailment. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 23–44.

1. Лексические префиксы и результирующие состояния

Лексические префиксы — один из двух основных классов славянских префиксов, которые эксплицитно выделяются в литературе начиная с [Babko-Malaya 1999]. Эти классы показаны в (1):

(1) Лексические и супралексические префиксы

- а. Супралексические: инцептивный *за-* (*запеть*), терминативный *от-* (*отмучиться*), комплетивный *до-* (*дозаписать*), делимитативный *по-* (*подежурить*), пердуративный *про-* (*прождать*), репетитивный *пере-* (*перезаписать*), аттенуативные *при-* и *под-* (*призадуматься* и *подустать*), дистрибутивные *пере-* и *по-* (*перестрелять*, *побросать (камни в воду)*), кумулятивный *на-* (*надарить (кучу подарков)*).
- б. Лексические: все остальные префиксы, в том числе перечисленные в (1а) в других «значениях».

Опознать супралексические префиксы можно по нескольким свойствам: они семантически композициональны; при супралексической префиксации состав и семантические роли актантов не меняются; если в основе имеются и лексический префикс и супралексический, первый располагается ближе к корню, а второй — на левой периферии основы. За подробностями мы отсылаем читателя к [Татевосов 2009; Татевосов 2013].

Последующее изложение касается лексических префиксов, то есть префиксов, не являющихся супралексическими. Несколько таких префиксов в комбинации с основой *писа-* показано в (2).

(2) Лексическая префиксация

- в-писать* (новый пункт в договор)
- вы-писать* (цитату из книги)
- за-писать* (разговор, лекцию, кассету)
- ис-писать* (ручку; тетрадь стихами)
- над-писать* (книгу)
- на-писать* (письмо)
- о-писать* (сцену преступления, новый вид растений)
- под-писать* (договор)
- с-писать* (предложение с доски)

...

С семантической точки зрения лексические префиксы образуют, по-видимому, естественный класс, принадлежность к которому определяется свойством (3).

(3) Обобщение о семантике глагольных групп с лексическими префиксами

Глагольные группы, создаваемые глаголами с лексическими префиксами, описывают отношение между событиями и результирующими состояниями.

В более формальных терминах (3) можно сформулировать как (4). (4) представляет собой анализ, использующий метаязык семантики событий ([Davidson 1967] и последующая литература).

- (4) **Глагольная группа, проецируемая глаголом *написать* с лексическим префиксом *на-***
 $\| [_{VP} \text{на-писа-письмо}] \| = \lambda s. \lambda e. \text{write}(\text{letter})(e) \wedge \text{cause}(s)(e) \wedge \text{na}(\text{letter})(s)$
s — переменная, пробегающая по состояниям;
e — переменная, пробегающая по (динамическим) событиям;
write — отношение между индивидами и событиями;
na — отношение между индивидами и состояниями;
cause — отношение (непосредственной) каузации;
именная группа *письмо* для простоты анализируется как индивидная константа.

Согласно (4), глагольная группа вида *написа-письмо* обозначает отношение между событиями *e* и *s* такое, что письмо подвергается написанию в событии *e* и в результате вступает в состояние ‘быть написанным’.

(3)–(4) дополняются гипотезой в (5), идентифицирующей источник результирующего состояния — префикс.

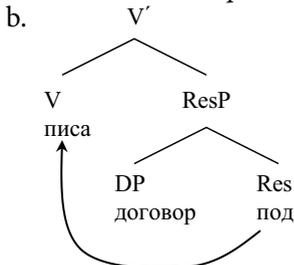
(5) **Обобщение о семантике лексического префикса**

Результирующее состояние — семантический вклад лексического префикса.

Эмпирическое обоснование (4)–(5), предложенное, например, в [Татевосов 2015, 2016], опирается на многочисленные факты, показывающие, что только в префиксальной конфигурации два подсобытия могут участвовать в разнообразных семантических событиях относительно независимо друг от друга.

Переходя от семантической стороны лексической префиксации к морфосинтаксической, в качестве отправной точки мы используем анализ в (6), наиболее распространенный в формальной литературе.

(6) а. *подписа- договор*

В (6) подходе префикс рассматривается как отдельная синтаксическая вершина. Она возглавляет составляющую, которая присоединяется как комплемент глагольной вершины V (или составляю-

щую внутри такой составляющей). Обычно ее обозначают как R (от *result*), а ее фразовую проекцию — как RP. Фонологически корректная цепочка /подписа-/ получается в результате операции, известной как передвижение вершины (в (6) показана стрелкой). Ниже в разделе 4 мы покажем, что (6) описывает лишь одну, хотя и самую пространственную, группу префиксов. Для анализа другой мы будем предполагать более разветвленную структуру составляющей ResP.

В дальнейшем мы примем антилексикалистский взгляд на морфологию («аффиксы — элементы синтаксической деривации») без дополнительного обсуждения. С точки зрения композициональной семантики этот взгляд дает одно безусловное преимущество: правила семантической интерпретации синтаксических структур известны заранее, их относительно немного, и они всегда одни и те же. В прочих отношениях, мы надеемся, сказанное ниже совместимо с широким диапазоном альтернативных допущений об устройстве лексически префигированных глаголов.

В следующих разделах мы сосредоточимся на одной из самых существенных характеристик глаголов с лексическими префиксами — их актантной структуре, которая как известно, при лексической префиксации может претерпевать серьезные изменения. Наша задача — попытаться построить несколько более систематическую картину имеющихся возможностей, чем обычно можно найти в литературе по предмету.

Материалом для наблюдений и обобщений будут преимущественно переходные глагольные основы в комбинации с лексическим префиксом. Распространение сказанного на одноместные глагольные основы — более техническая, чем содержательная задача. Подробные наблюдения о поведении основ разных классов, в том числе неэргативов и неаккузативов, можно найти в [Romanova 2006].

2. Валентности глагола и валентности префикса²

Мы исходим из предположения, что семантика глагольной основы выглядит так, как показано в (7).

(7) Семантика глагольной основы

|| писа- || = $\lambda x.\lambda e.write(x)(e)$

В (7) основа имеет два аргумента — индивидуальный и событийный. Мы исходим из того, что внутренний аргумент не вводится тематическим отношением типа пациенс; основа сама по себе представля-

² Соображения, сформулированные в этом разделе, в огромной степени вдохновлены наблюдениями, обобщениями и анализом Е.Е. Романовой, изложенными в работе [Romanova 2006], которая, на наш взгляд, стала важнейшим достижением в анализе русского глагола в XXI веке и представляет собой работу настолько же выдающуюся, насколько и недооцененную.

ет собой имя такого отношения [Kratzer 2003]. Внешний аргумент не является элементом аргументной структуры основы [Kratzer 1996].

Вслед за Е.Е. Романовой [Romanova 2006] и многими другими авторами мы придерживаемся гипотезы о том, что собственную аргументную структуру имеют не только основы, но и префиксы. С опорой на эту гипотезу характер взаимодействия актантных структур префикса и основы можно предсказать, манипулируя значениями двух параметров в (8):

- (8) **Параметры варьирования актантной структуры префикса**
- a. Количество аргументов: {1, 2}
 - b. Идентичность аргумента префикса внутреннему аргументу основы: {да, нет}

Параметр (8a) выделяет среди префиксов одновалентные и двухвалентные³. Принадлежность к этим типам определяется количеством участников результирующего состояния, которое описывает префикс, в соответствии с (9):

- (9) **Валентности префикса**
- a. Одновалентные префиксы: результирующие состояния с единственным участником, носителем состояния.
 - b. Двухвалентные префиксы: результирующие состояния, соответствующие отношению между двумя сущностями, фигурой и фоном.

Мы используем простейшую эвристику для различения двухвалентных и одновалентных глаголов. Как двухвалентные мы рассматриваем те префиксы, которые проецируют второй аргумент в синтаксисе. Если этого не происходит, префикс признается одновалентным. Примеры тех и других показаны в (10).

- (10) a. **Глаголы с одновалентными префиксами**
написать (письмо), *подписать* (договор), *записать* (лекцию)
- b. **Глаголы с двухвалентными префиксами**
приписать (несколько строк к письму), *выписать* (цитату из книги)

³ Параметр (8a) подчеркивает параллелизм структуры префиксов со структурой других классов естественных языковых предикатов, обладающих семантическими валентностями, в первую очередь глаголов и прилагательных. В этой связи возникает вопрос о том, как далеко простирается этот параллелизм. Возможны ли, например, трехвалентные префиксы, аналогичные глаголам изменения обладания типа 'дать' (кто, что, кому) или так называемым баллистическим глаголам типа 'бросать' (кто, что, куда)? Для ответа на этот вопрос релевантно следующее наблюдение: стативные предикаты естественного языка не более чем двухвалентны. Большее количество валентностей предполагает многокомпонентное устройство значения, где стативный предикат — лишь один из элементов. Например, 'Володя дал Наде мандат' = 'Володя сделал так, что [у Нади есть мандат]'.

Аргументная структура глаголов типа *приписать* (что к чему) и *выписать* (что откуда) содержит не только пациентивный актанта, который реализуется как прямое дополнение. У них есть и дополнительный актанта, выражаемый в (10b) предложной группой. Он задает источник (*выписать*) или конечную локализацию (*приписать*) пациенса: ‘цитата находится вне книги’ и ‘несколько строк находятся в письме’. Появлением этих актантов глаголы *приписать* и *выписать*, очевидно, обязаны префиксу: беспрефиксальный *писать* с такими актантами структурами не совместим, ср. *писать* {*несколько строк к письму / #цитату из книги}.

У глаголов в (10a) количество актантов после присоединения префикса не увеличивается, а значит, предполагать, что у префикса есть вторая валентность, нет эмпирических оснований.

В качестве теоретической альтернативы обобщению о варьировании в актантами структуре префикса (один актанта vs. два актанта) в литературе циркулирует идея о том, что любые префиксы двухвалентны, но второй аргумент может оставаться имплицитным, см., в частности, [Babko-Malaya 1999; Biskup 2019]. При таком взгляде на вещи результирующее состояние всегда представляет собой отношение между фигурой и фоном. Например, результирующее состояние для *подписать* в таком случае — не ‘письмо подписано’, а ‘подпись (фигура) находится под письмом (фоном)’. Для *написать* надо будет предположить состояние ‘письмо (фигура) находится на носителе записи (например, на бумаге) (фоне)’ и так далее.

Ответ на вопрос о том, различаются ли эмпирические предсказания двух подходов, в конечном итоге зависит от наших представлений об имплицитных аргументах и их ожидаемом поведении (см., в частности, [Bhatt, Pancheva 2017; Landau 2010]).

3. Одновалентные префиксы

В этом разделе мы обсудим свойства одновалентных лексических префиксов и характер их взаимодействия с глагольной основой. Мы исходим из того, что семантическое описание префикса должно включать в себя минимум два компонента в (11):

(11) Минимальная семантика префикса

Минимальный семантический анализ префикса должен включать дескриптивные свойства состояния и задавать носителя этого состояния.

Сообразно (11), мы предлагаем, например, для префикса *под-* в глаголах типа *подписать* семантическое представление в (12):

(12) Семантика *под-* λx.λs. pod(x)(s)

Смысл (12) состоит в том, что отношение *pod* между индивидом *x* и состоянием *s* имеет место ровно в том случае, если *x* находится в состоянии ‘быть подписанным’. Это определяет и дескриптивные свойства состояния и состав актантов префикса — индивидный *x* и стативный *s*. Заполнение индивидной позиции создает предикат над состояниями, носителем которых выступает индивидный аргумент.

В этом месте, конечно, возникает один из основных вопросов, связанных с лексической семантикой префиксов: как объяснить, что *pod* описывает состояние ‘быть подписанным’ только в комбинации с основой *писа-*, тогда как например, в комбинации с основой *руби-* возникает дескрипция состояния ‘быть подрубленным’? Обсуждение возможных механизмов, вычисляющих эти дескриптивные свойства, см. в [Tatevosov 2024]. В разделах 4–5 мы полностью выносим этот сюжет за скобки, принимая минималистичное (но, как кажется, эмпирически адекватное) допущение: благодаря этим механизмам, каковы бы они ни были, дескриптивные свойства состояния каждый раз известны.

Следующий вопрос — как индивидный аргумент префикса соотносится с внутренним аргументом глагольной основы. Это параметр (8b), выделяющий две основополагающие возможности:

- (13) **Актантная структура префикса и актантная структура основы**
- (Внутренний) аргумент основы совпадает с аргументом префикса
 - (Внутренний) аргумент основы не совпадает с аргументом префикса

С содержательной стороны различие между (13a) и (13b) определяется тем, вступает ли в результирующее состояние та же сущность, которая участвует в динамической части сложного события, или какая-то другая сущность. В *написать письмо* письмо участвует в ситуации написания и входит в результирующее состояние ‘быть написанным’. Письмо — это и объект писания, т. е. внутренний аргумент основы *писа-*, и носитель результирующего состояния. В *подписать договор* носитель состояния и пациенс писания — разные сущности: договор входит в состояние ‘быть подписанным’, но не подвергается написанию; написанию подвергается подпись, которая не является актантом производного глагола.

Мы будем называть глаголы, похожие на *написать*, которые относятся к типу (13a), **глаголами с общим актантом** (префикса и основы). Такие глаголы, как *подписать*, у которых актанты префикса и основы различны, (13b), будут обозначены как **глаголы с префиксальным актантом**.

Определить принадлежность префиксального глагола к одному из этих типов можно с помощью простой эвристики, опирающейся на отношение асимметричного логического следования между предложениями с беспрефиксальным и префиксальным глаголами.

Если верно, что X написал письмо, верно и то, что в некоторый момент X писал письмо, и то же можно сказать о других глаголах с общим актантом. Для глаголов с префиксальным актантом это не так: если X подписал письмо, из этого не вытекает, что в некоторый момент X писал письмо:

(14) Отношения логического следования

- a. X написал письмо \rightarrow (в некоторый момент) X писал письмо
- b. X подписал письмо \nrightarrow (в некоторый момент) X писал письмо

Согласно (14a), любое событие, которое ведет письмо в состояние 'быть написанным', — это событие, в котором письмо пишется. Напротив, не всякое событие, приводящее к появлению под письмом подписи, — это событие, в котором письмо пишется; чтобы подписать письмо, не требуется писать письмо, (14b).

В литературе существует консенсус по поводу следующего описательного обобщения о взаимодействии аргументных структур префикса и основы: если внутренний аргумент основы и аргумент префикса различаются, первый получает экзистенциальную интерпретацию, второй синтаксически реализуется в качестве дополнения [Babko-Malaya 1999; Romanova 2006; Gehrke 2008; Author 2015; Biskup 2019]. Таким образом, обсуждавшиеся еще классиками русской аспектологии случаи, когда префиксация приводит к изменению модели управления глагола (см., например, [Карцевский 2004: 110–114]), — это замена актанта глагола актантом префикса.

Теория лексической префиксации должна ответить по меньшей мере на два вопроса о глаголах с префиксальным актантом. Во-первых, как интегрируется в общую структуру проекция префикса — предикат, обозначающий состояния. Во-вторых, что происходит с внутренним (= субкатегоризованным) аргументом основы.

При рассмотрении этих вопросов становится существенным параллелизм префиксальных конфигураций, обсуждаемых в этой статье, и результативных конструкций в языках типа английского или немецкого. Последние иллюстрируются в (15a-c):

(15) Результативные конструкции в германских языках

- a. They drank the pub dry [Levin, Rappaport Hovav 2001].
- b. Er hat seine Familie magenkrank gekocht [Kratzer 2005].
- c. John sang the baby asleep [Rothstein 2004].

(15a-с) отличаются от русских префиксальных глаголов тем, что внедрение в структуру результирующего состояния и его дескрипции обеспечивается не префиксом, а адъективом — соответственно *dry, magenkrank, asleep*. В прочих отношениях структура и интерпретация (15) существенно не отличается от лексически префиксальной. В частности, у всех результитивов в (15) актант приносится дескрипцией результирующего состояния. Прямым дополнением становятся его носители *the pub, seine Familie, the baby*, которые возникают благодаря адъективу и не являются актантами основы, ср. аномальность предложений в (16a-с):

(16) **Результитивные конструкции в германских языках**

- a. ^{??}They drank the pub.
- b. ^{??}Er hat seine Familie gekocht.
- c. ^{??}John sang the baby.

Соответственно, можно ожидать, что эмпирические обобщения и возможности теоретического анализа, предложенные для германских результитивов, распространяются и на славянские глаголы с лексическими префиксами.

Два основных ингредиента конструкции с лексическим префиксом, как и у результивной конструкции, — глагольная основа, повторяемая в (17), и предикат над состояниями в (18), который образуется после соединения префикса в (12) со своим актантом, носителем состояния.

(17) **Глагольная основа**

|| *nisa-* || = $\lambda x.\lambda e.$ write(x)(e)

(18) **Префикс со своим актантом**

|| *письмо под-* || = $\lambda s.$ pod(letter)(s)

Семантика конструкции после соединения компонентов в (17) и (18) известна. События, которые составляют часть денотата глагольной основы и состояния, описываемые проекцией префикса, так же, как и их результивные аналоги в (15), понимаются как связанные каузальным отношением. Состояние ‘быть подписанным’ у договора — **результат** деятельности, которая описывается как ‘писать’.

Соответственно, имеющиеся теории предполагают, что неотъемлемым этапом деривации выступает появление в структуре каузального отношения между состояниями и событиями. Вот возможный вариант реализации этой процедуры, предполагающий скрытую каузативизацию, или каузативный сдвиг (causative shift, CS):

(19) **Скрытая каузативизация**

- a. $\| \text{CS} \| = \lambda P. \lambda s. \lambda e. P(s) \wedge \text{cause}(s)(e)$
- b. $\| \text{CS} [\text{письмо под-}] \| = \lambda s. \lambda e. \text{pod}(\text{letter})(s) \wedge \text{cause}(s)(e)$

Скрытая каузативизация в (19a) — операция, которая обеспечивает соединение событийного и стативного компонентов сложной дескрипции. Она применяется к стативному предикату в (18) и создает отношение между событиями и состояниями в (19b), где те и другие связаны каузальным отношением.

В том или ином виде такая операция неизбежна при деривации как результивной конструкции, так и префиксальной конфигурации. Однако частные ее воплощения, обсуждаемые в литературе, существенно варьируют. Можно выделить две основные линии анализа. Во-первых, скрытая каузативизация понимается как **часть правила композиции**, соединяющего глагольную основу и стативную составляющую. Эта линия прослеживается, в частности, в [Rappaport Hovav, Levin 2001; Rothstein 2004; Gehrke 2008]. Отметим важную презумпцию, стоящую за таким подходом: соединение глагольной основы и результивного компонента — очень специальная ситуация, которая не подвластна регулярным правилам семантической композиции (например, правилу применения функции к аргументу) и нуждается в особой композиционной процедуре.

Во-вторых, скрытую каузативизацию можно рассматривать как денотат **фонологически пустого грамматического элемента**. Эта идея представлена в [Kratzer 2005; Babko-Malaya 1999: 53; Biskup 2019, Ch. 3]. (19) устроена в этом же духе: проекция префикса соединяется с грамматическим элементом, имеющим регулярную каузативную семантику и использующим регулярное правило применения функции к аргументу. Семантика в (19) совместима более чем с одним синтаксическим анализом элемента CS и оставляет открытыми все возможности, обсуждающиеся в литературе. Решающих эмпирических аргументов в пользу одной из них нам не известно.

Второй существенный компонент анализа результивных и префиксальных конфигураций — допущение о том, что происходит с индивидуальным аргументом основы в (17). Для этого случая можно предположить операцию экзистенциального закрытия, которая показана в (20a), а результат ее применения к основе — в (20b).

(20) **Экзистенциальное закрытие**

- a. $\| \exists_x \| = \lambda R. \lambda e. \exists x [R(x)(e)]$
- b. $\| \exists_x \text{писа-} \| = \lambda e. \exists x [\text{write}(x)(e)]$

В соответствии с (20), основа в (17), которая обозначает отношение между индивидами и событиями, преобразуется в событийный

предикат. Это происходит посредством связывания переменной, соответствующей индивиду аргументу основы, квантором существования. Предикат в (20b) получает максимально широкую интерпретацию: в его экстенционал входят все события, в которых что-то написано. Поскольку связывание аргумента квантором делает его семантически неактивным, он теряет возможность получить синтаксическую реализацию, которая остается за аргументом префикса.

Анализ в таком же духе — с локальным экзистенциальным закрытием индивиду аргумента глагольной основы — можно найти в [Rothstein 2004] для результативных конструкций в английском языке, а также в [Babko-Malaya 1999: 53] для русских результативных лексических префиксов.

После того как с дескрипцией состояния происходит скрытая каузативизация в (19a), а основа подвергается экзистенциальному закрытию индивиду аргумента в (20a), образуются отношение между событиями и состояниями в (19b) и событийный предикат в (20b). Эти компоненты затем соединяются при помощи правила композиции, известного как идентификация событий [Kratzer 1996]:

$$(21) \quad \begin{aligned} & \parallel [\exists_x \text{письма-}] [\text{CS} [\text{письмо под-}]] \parallel = \lambda s. \lambda e. \\ & \exists x [\text{write}(x)(e) \wedge \text{pod}(\text{letter})(s) \wedge \text{cause}(s)(e)] \end{aligned}$$

С содержательной точки зрения идентификация событий состоит в том, что на событийный компонент отношения в (19b) накладывается дополнительное условие. А именно: события, составляющие этот компонент, должны удовлетворять предикату в (20b). В результате в (21) события, которые каузируют переход письма в состояние ‘быть подписанным’, идентифицируются с событиями, в которых нечто пишется.

По всей видимости, если теория предполагает, что у переходных глаголов лексически задан внутренний аргумент, его экзистенциальное закрытие едва ли не единственная возможность. В противном случае невозможно объяснить, почему он никогда синтаксически не реализуется. Поэтому в качестве альтернативы в литературе обсуждается только один вариант анализа: такой, когда у основы вовсе нет внутреннего аргумента и она обозначает событийный предикат. В таком духе выстроен анализ А. Кратцер [Kratzer 2005] для германских результативов и П. Бискупа [Biskup 2019] для славянских лексических префиксов.

Оба варианта анализа — с экзистенциальным закрытием и полным отсоединением внутреннего аргумента от основы — не лишены уязвимостей. Последний делает труднообъяснимыми селективные ограничения, которые глаголы регулярно накладывают на прямое

дополнение и другие семантические асимметрии между внутренним и внешним аргументами (см., например, [Kratzer 2003]). Кроме того, в такой теории в значительной степени стирается различие между переходными глаголами и неэргативами, поскольку и те и другие представляют собой лишенные индивидуальных аргументов событийные предикаты. Эмпирические потери, которые могут из этого последовать, кажутся весьма существенными.

Теории, опирающиеся на экзистенциальное закрытие, не сталкиваются с явными эмпирическими проблемами. На них, однако, ложится бремя объяснения того, что делает эту процедуру необходимым элементом деривации. В отсутствие независимого обоснования она начинает выглядеть теоретически проблематичной, но в рамках этой статьи нет возможности обсуждать пути решения проблемы.

Описанный выше семантический сценарий тривиальным образом распространяется на неэргативные глаголы, у которых при лексической префиксации создается внутренний аргумент, отсутствующий у исходной основы. Это случай типа *работать* — *заработать деньги*. Деривация *заработать* показана в (22):

(22) **Деривация *заработать деньги***

- a. $\| \text{ работа-} \| = \lambda e. \text{work}(e)$
- b. $\| \text{ за-} \| = \lambda x. \lambda s. \text{za}(x)(s)$
- c. $\| \text{ деньги за-} \| = \lambda s. \text{za}(\text{money})(s)$
- d. $\| \text{CS [деньги за-]} \| = \lambda s. \lambda e. \text{za}(\text{money})(s) \wedge \text{cause}(s)(e)$
- e. $\| \text{ [работа-] [CS [деньги за-]]} \| = \lambda s. \lambda e. [\text{work}(e) \wedge \text{za}(\text{money})(s) \wedge \text{cause}(s)(e)]$

Этот случай отличается от предыдущего отсутствием индивидуального актанта у глагольной основы, что избавляет от необходимости проводить его экзистенциальное закрытие; основа соединяется с проекцией префикса непосредственно. Все прочие шаги устроены так же, как для *подписать*. В результате образуется (22e), отношение между событиями работы и состояниями ‘быть заработанным’, в которые вступают деньги.

Рассмотрим глаголы с общим актантом. Для них открывается две возможности в (23). Первая состоит в том, что актант префикса, как и предполагает название, идентичен актанту основы. Это показано в (23a). Вторая опирается на более сильное допущение: событийная структура всех глаголов с лексическими префиксами устроена одинаково, а значит, актант основы подвергается экзистенциальному закрытию не только у глаголов с префиксальным актантом, но и у глаголов с общим актантом. Этот вариант представлен в (23b).

(23) **Возможности анализа глаголов с общим актантом**

- a. Общая переменная у событийного и стативного компонентов;
 $\| [_{VP} \text{ написа- письмо }] \| = \lambda s. \lambda e. \text{ write(letter)(e) } \wedge \text{ na(letter)(s) } \wedge \text{ cause(s)(e)}$;
'письмо подвергается написанию и входит в состояние 'быть написанным'.
- b. Такая же структура, как у глаголов с префиксальным актантом;
 $\| [_{VP} \text{ написа- письмо }] \| = \lambda s. \lambda e. \exists x [\text{ write(x)(e) } \wedge \text{ na(letter)(s) } \wedge \text{ cause(s)(e)}]$;
'есть такая сущность, которая подвергается написанию, и в результате письмо входит в состояние 'быть написанным'.

Успех теории в духе (23a) зависит от допущений, которые она должна принять по поводу синтаксической структуры и семантической композиции. Основная проблема, которую надо решить, состоит в том, что основа и префикс — две независимые лексические единицы. Чтобы отождествить их актанты, требуется специальная операция, и теория должна прояснять характер этой операции. Можно, например, допустить, что идентичность актантов обеспечивается передвижением именной группы из одной позиции в другую, как в [Ramchand 2008] (см. также [Svenonius 2016]), а все конечные позиции интерпретируются как переменные, которые связываются из конечной позиции. Тогда (23a) деривируется без серьезных затруднений; его структура показана в (24):

(24) **Деривация через передвижение и связывание**

[... письмо λ_1 ... [t_1 писа- [t_1 на-]]]

Альтернатива в (23b) предполагает, что прямое дополнение префиксального глагола с общим актантом — аргумент только префикса. Анализ в этом духе можно найти, в частности, в [Romanova 2006; Biskup 2019].

(23b) привлекателен тем, что сводит все конфигурации с одновалентными лексическими префиксами к общему анализу, однако он страдает от очевидной уязвимости. (23b) предсказывает семантику 'есть такой объект, который подвергся написанию и в результате письмо вошло в состояние 'быть написанным'', но ничто не гарантирует, что подвергшаяся написанию сущность — это письмо. Глагол *написать* должен быть совместим с ситуацией, когда письмо вступает в состояние 'быть написанным' в результате написания, например, оперы. Это слишком слабая семантика.

Возможно, впрочем, что идентичность актантов при анализе в (23b) следует из дескриптивных свойств состояния и знаний о мире, в частности знаний о каузальных зависимостях между событиями и состояниями. Префикс обозначает состояния 'быть написанным',

в которых находится письмо. Они каузированы событиями, в которых что-то пишется. Однако из всех событий, в которых что-то пишется, в состояние 'письмо написано' ведут только те, где подвергающийся написанию объект — письмо. Другие события попросту не входят в экстенционал каузального отношения в нашем мире и мирах, устроенных как наш.

Если это так, анализ в (23b) перестает выглядеть эмпирически неадекватным, и на первый план выходит его главное преимущество: возможность единообразно анализировать все глаголы с лексическими префиксами.

4. Двухвалентные префиксы

Как мы видели выше, определяющее свойство глаголов с двухвалентными префиксами — появление дополнительного актанта, отсутствующего в беспрефиксальных конфигурациях:

- (25) а. *Володя вписал дополнительное условие в договор.*
б. *??Володя писал дополнительное условие в договор*⁴.

Симметричный паттерн иллюстрируется в (26):

- (26) а. *Володя тащил рюкзак (в комнату).*
б. *Володя затащил рюкзак ?? (в комнату).*

В (26a) предложная группа *в комнату* факультативна и имеет, по-видимому, статус обстоятельства — направительного адъюнкта. В (26b) указание на конечную точку перемещения понимается как необходимый компонент значения предложения, и та же самая предложная группа получает статус актанта. Если фонологически выраженная предложная группа отсутствует, локализация рюкзака по завершении ситуации должна быть ясна из контекста, что заставляет предположить в таких случаях нулевой анафорический элемент. Одна из возможностей показана в (27), где он обозначен как *pro*, а идентичность числового индекса указывает на кореферентность.

- (27) *Все вошли в комнату₅ и расселись, а затем Володя затащил рюкзак pro₅.*
'...затащил рюкзак в эту комнату || ?? в любое другое место'

И дополнительный актант в (25) и обязательность актанта в (26) — следствие того, что результирующее состояние имеет более сложную структуру, чем у глаголов с одновалентными префиксами. В (25a) события написания вызывают состояние 'условие (находится) в до-

⁴ Снижение приемлемости (25b) происходит именно благодаря предложной группе *в договор*, а не потому, что лексическая сочетаемость *писать* не включает *условие*. Хотя *условие* — не самое частотное дополнение при глаголе *писать*, в корпусах соответствующие примеры представлены в значительных количествах.

говоре', а в (25b) события перетаскивания — результирующее состояние 'рюкзак находится в комнате'.

У двухвалентных префиксов есть важное общее свойство: они имеют значительно большее дескриптивное содержание, чем одновалентные. Такие префиксы неизменно задают **пространственное отношение** между двумя сущностями — фигурой и фоном. В (25)–(26) фигура, перемещение и локализация которой выступает основным содержанием сообщения, — это 'дополнительное условие' и 'рюкзак'. Фон, объект по отношению к которому задаются пространственные характеристики фигуры, — 'договор' и 'комната'. Обобщения такого типа независимым образом сделаны в нескольких работах, в частности в [Svenonius 2004, 2008; Romanova 2006; Gehrke 2008; Biskup 2019]⁵.

Эта особенность двухвалентных префиксов препятствует механическому распространению на них анализа для одновалентного случая. Вариант такого анализа показан в (28):

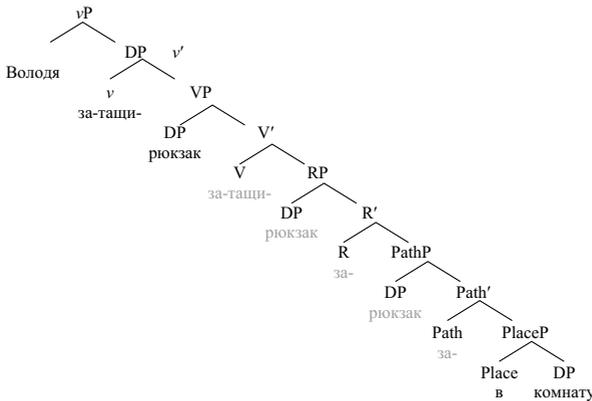
(28) **Проекция двухвалентного префикса**

$|| [условие [v- [в договор]]] || = \lambda s.v(\text{agreement})(\text{condition})(s)$

(28) обозначает состояния s , в которых условие и договор находятся ровно в том случае, если второй располагается внутри первого.

Однако для двухвалентных префиксов нужна структура, отражающая интерпретацию всех компонентов пространственной конфигурации. (29), где воспроизводятся основные идеи анализа Е.Е. Романовой, иллюстрирует такую структуру для (26).

(29)

⁵ Двухвалентные префиксы можно рассматривать как аналоги двухвалентных глаголов. И те и другие описывают отношения, в которые вступают два индивида. Естественно говорить о том, что один из аргументов двухвалентного префикса — внутренний, а другой — внешний. В (29), в частности, группа PlaceP — компонент префикса, то есть внутренний аргумент.

В (29) вершина R соединяется с составляющей $PathP$, реализующей пространственно-направительную семантику. $PathP$ можно понимать как результат декомпозиции классического элемента P , «предлога» (см. [Asbury et al. 2007; Gehrke 2008; Svenonius 2010]). Нижний элемент, помеченный как $PlaceP$, обозначает локализацию относительно фигуры ‘комната’, в первом приближении — ‘внутри комнаты’. Верхний элемент, $PathP$, обозначает путь, который продельвается по отношению к локализации, обозначенной составляющей $PlaceP$. Во многих языках такая структура имеет более прозрачную морфологическую реализацию, чем в русском; достаточно вспомнить системы пространственных форм в дагестанских языках (см., например, [Кибрик 2003]).

Роль префикса *за-* в (29), согласно теории Е.Е. Романовой, состоит в том, чтобы обеспечить реализацию вершины $Path$. В этом качестве *за-* обозначает путь, соединяющий исходную позицию фигуры и локализацию $PlaceP$. Возникая в структуре в позиции $Path$, префикс затем последовательно перемещается в R и V , где соединяется с глагольной основой.

Семантическая функция вершины R в таком случае — подавать пространственную конфигурацию как состояние. В качестве аргумента R принимает Q , отношение между индивидами и путями, и возвращает отношение между индивидами и состояниями. Любое состояние, вводящее в экстенционал R , заключается в том, чтобы находиться в конечной точке некоторого пути из экстенционала Q .

(30) Семантика результативного элемента

$$\| R \| = \lambda Q_{\langle e, \langle \pi, t \rangle \rangle} . \lambda x . \lambda s . \exists p [s = \text{loc}(x)(\text{goal}(p)) \wedge Q(p)]$$

где π — логический тип путей

Предикат Q , к которому $\| R \|$ в (30) применяется как к аргументу, выступает денотатом $PathP$, компонента R . Опираясь на [Татевосов 2019] и опуская промежуточные шаги деривации, семантику глагольной группы можно представить как (31):

(31) Глагольная группа с двухвалентным префиксом

$$\| [\text{затащи- рюкзак в комнату}] \| = \lambda s . \lambda e . \exists p \exists x [\text{pull}(x)(e) \wedge \text{cause}(s)(e) \wedge s = \text{loc}(\text{bag})(\text{goal}(p)) \wedge \exists l \exists l' [\text{source}(l')(p) \wedge \text{goal}(l)(p) \wedge \text{move}(\text{bag})(p) \wedge \text{inside}(\text{room})(l)]]$$

Глагольная группа *затащи- рюкзак в комнату* обозначает отношение между состояниями s и событиями e такими, что e — это событие, в котором осуществляется перетаскивание (“pull”), а s — состояние, вызываемое к жизни событием e . Состояние s заключается в том, что рюкзак локализован (“loc”) в конечной точке (“goal”) пути p ; p представляет собой путь с некоторой исходной (“source”)

локализацией l' . Конечная локализация l (“goal”) — внутри комнаты (“inside(room)(l)”) ⁶. Путь p вступает с пациентом в отношение ‘перемещаться по’ (“move”). Отношение move можно определить через общеинкрементальное прирастание пройденной части пути, см. необходимые для этого определения в [Krifka 1998].

Одновалентные и двухвалентные структуры в (6) и (29) имеют по крайней мере одно принципиальное различие и одно не менее принципиальное сходство. Различаются они функцией префикса. В (6) он вводит результирующее состояние, в (29) — реализует грамматический элемент с директивной семантикой.

Обе структуры объединяет наличие синтаксической вершины R и стативного аргумента в семантическом представлении. Одновалентный префикс вводит результирующее состояние непосредственно. В (29), как мы предполагаем вслед за Е.Е. Романовой, вершина R с ее семантикой, создающей дескрипцию состояний, опосредует PathP, обозначающий пути, и глагольную вершину V, обозначающую события. А именно: она определяет локализацию в конечной точке пути как результирующее состояние события.

Если анализ, изложенный выше, верен, возникает следующая общая картина. Все глаголы и глагольные группы с лексическими префиксами содержат в себе результирующее состояние. Однако грамматическая функция одновалентных и двухвалентных префиксов не полностью идентичны. Двухвалентные префиксы встраиваются в пространственную конфигурацию, описывающую расположение и перемещение фигуры по отношению к фону. Эта конфигурация формирует дескрипцию результирующего состояния. Одновалентные префиксы имеют более абстрактную семантику: они непосредственно обозначают отношение между результирующим состоянием и его носителем.

Несмотря на кажущуюся необычность такого подхода к анализу префиксов, в действительности он вполне соответствует традиционным представлениям о них как о продуктах грамматикализации показателей, обозначающих ориентацию и перемещение в пространстве. Присоединение в позиции Path и в позиции R — это разные ступени грамматикализации. Их семантические корреляты — утрата пространственного значения и сопутствующий ей переход от дескрипции отношения между двумя сущностями к дескрипции состояния единственной сущности. Переход сопровождается трансформацией двухвалентной актантажной структуры в одновалентную.

⁶ Ср. анализ префикса *пере-*, предложенный М.А. Кронгаузом [Кронгауз 1998], и недавние идеи О. Каган в [Kagan 2015] по поводу этого же префикса.

5. Сумма наблюдений

Изложенные выше наблюдения, как кажется, дают более или менее ясную картину того, как устроена лексическая префиксация в русском языке. Она описывается следующими пятью обобщениями:

1. Глаголы и глагольные группы всегда содержат в своем семантическом представлении результирующее состояние, которое реализуется с помощью префикса.

2. Префиксы имеют собственную актантную структуру и подразделяются на одновалентные и двухвалентные.

3. Их соединение с глагольной основной подчиняется регулярным правилам семантической композиции. Дополнительно могут задействоваться семантические операции из очень ограниченного репертуара, в частности каузативный сдвиг или экзистенциальное закрытие.

4. Одновалентные префиксы обозначают результирующее состояние непосредственно.

5. Двухвалентные префиксы имеют пространственно-направительную интерпретацию и описывают отношение между фигурой и фоном. Это отношение далее интерпретируется как результирующее состояние.

Завершая статью, мы хотели бы с благодарностью процитировать рецензента «Вестника Московского университета», наметившего несколько сюжетов для дальнейшего обсуждения. Это соотношение предложенного выше анализа префиксальных глаголов, во-первых, с «их описанием с позиций функциональной грамматики в части категории аспектуальности», во-вторых, с «их трактовкой в теории Генеративного Лексикона Дж. Пустейовского, в частности, в связи с механизмами преобразования типа, выборочного связывания и ко-композиции» и, в-третьих, с «корреляцией значений префикса и предлога (или зависимой предложной конструкции) в составе глагольной группы».

ЛИТЕРАТУРА

1. Карцевский С.И. Из лингвистического наследия. Том 2. М., 2004.
2. Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. СПб., 2003.
3. Кронгауз М.А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М., 1998.
4. Татевосов С.Г. Множественная префиксация и анатомия русского глагола // Корпусные исследования по русской грамматике / Под ред. К.Л. Киселева, В.А. Плунгян, Е. Рахилина, С.Г. Татевосов. М., 2009. С. 92–156.
5. Татевосов С.Г. Множественная префиксация и ее следствия // Вопросы языкознания. 2013. № 3. С. 42–89.
6. Татевосов С.Г. Акциональность в лексике и грамматике. М., 2015.
7. Татевосов С.Г. Глагольные классы и типология акциональности. М., 2016.

8. *Asbury A., Gehrke B., Hegedűs V.* 2007. One Size Fits All: Prefixes, Particles, Adpositions and Cases as Members of the Category P // *UiL OTS Yearbook 2006* / Keskin C. (ed.). Utrecht, 2007. P. 1–17.
9. *Babko-Malaya O.* Zero Morphology: A Study of Aspect, Argument Structure, and Case. Doctoral dissertation. Rutgers University, 1999.
10. *Bhatt R., Pancheva R.* Implicit Arguments // *The Wiley Blackwell Companion to Syntax*. Second Edition / Everaert M., van Riemsdijk H (eds.) Oxford, 2017. P. 1–35.
11. *Biskup P.* Prepositions, Case and Verbal Prefixes: The case of Slavic. John Benjamins, 2019.
12. *Davidson D.* The Logical Form of Action Sentences // *The Logic of Decision and Action* / Rescher N (ed.) University of Pittsburg Press, 1967. P. 81–95.
13. *Gehrke B.* Ps in Motion: On the Semantics and Syntax of P Elements and Motion Events. PhD Dissertation. Utrecht University, 2008.
14. *Kagan O.* Scularity in the Verbal Domain: The Case of Verbal Prefixation in Russian. Cambridge University Press, 2015.
15. *Kratzer A.* Severing the External Argument from Its Verb // *Phrase Structure and the Lexicon* / Rooryck J., Zaring L. (eds.). Kluwer, 1996. P. 109–137.
16. *Kratzer A.* Building Resultatives // *Event Arguments in Syntax, Semantics, and Discourse* / Maienbaum C., Wollstein-Leisen A. (eds). Tübingen, 2005.
17. *Kratzer A.* The Event Argument and the Semantics of Verbs. Ms. UMass-Amherst, 2003.
18. *Krifka M.* The Origins of Telicity // *Events and Grammar* / Rothstein S. (ed.). Kluwer, 1998. P. 197–235.
19. *Landau I.* The Explicit Syntax of Implicit Arguments // *Linguistic Inquiry*. 2010. № 41. P. 357–388.
20. *Parsons T.* Events in the Semantics of English: A Study of Subatomic Semantics. MIT Press, 1990.
21. *Ramchand G.* Verb Meaning and the Lexicon: A First Phase Syntax. Cambridge, 2008.
22. *Rappaport Hovav M., Beth Levin B.* An Event Structure Account of English Resultatives // *Language*. 2001. № 77. P. 766–797.
23. *Romanova E.* Constructing Perfectivity in Russian. PhD Dissertation. University of Tromsø, 2006.
24. *Rothstein S.* Structuring Events: A Study in the Semantics of Lexical Aspect. Blackwell, 2004.
25. *Svenonius P.* Slavic Prefixes Inside and Outside VP // *Nordlyd*. Special issue on Slavic prefixes. 2004. № 32 (2). P. 323–361. [Www.ub.uit.no/munin/nordlyd](http://www.ub.uit.no/munin/nordlyd).
26. *Svenonius P.* Russian Prefixes are Phrasal // *Proceedings of Formal Descriptions of Slavic Languages 5* / Zybatow G., Szucsich L., Junghanns U., Meyer R. (eds.). Peter Lang, 2008. P. 526–537.
27. *Svenonius P.* Spatial P in English // *Mapping spatial PPs: The Cartography of Syntactic Structures*. Vol. 6 / Cinque G., Rizzi L. (eds.). Oxford University Press, 2010. P. 127–160.
28. *Svenonius P.* Complex Predicates as Complementation Structures // *Approaches to Complex Predicates* / Nash L., Samvelian P. (eds.). Brill, 2016. P. 212–247.
29. *Tatevosov S.* Event Structure and Derivational Morphology. A Few Reflections on the System of Russian. Ms, 2024.

REFERENCES

1. Kartsevskii S.I. *Iz lingvisticheskogo naslediiia* [From Linguistic Legacy]. Vol. 2. Moscow, Iazyki Slavianskoi Kul'tury Publ., 2004. (In Russ.)

2. Kibrik A.E. *Konstanty i peremennye iazyka* [Constants and Variables of the Language]. Saint Petersburg, Aleteia Publ., 2003. (In Russ.)
3. Krongauz M.A. *Pristavki i glagoly v russkom iazyke: semanticheskaja grammatika* [Prefixes and Verbs in Russian: Semantic Grammar]. Moscow, Iazyki Slavianskoi Kul'tury Publ., 1998. (In Russ.)
4. Tatevosov S.G. Mnozhestvennaia prefiksatsiia i anatomiiia russkogo glagola [Multiple Prefixation and the Anatomy of the Russian Verb]. In *Korpusnye issledovaniia po russkoi grammatike* [Corpus Studies in Russian Grammar]. Ed. by K.L. Kiseleva, V.A. Plungian, E. Rakhilina, S.G. Tatevosov. Moscow, Probel Publ., 2009. P. 92–156. (In Russ.)
5. Tatevosov S.G. Mnozhestvennaia prefiksatsiia i ee sledstviia [Multiple Prefixation and Its Consequences]. In *Voprosy iazykoznaviia*, 2013, no. 3. P. 42–89. (In Russ.)
6. Tatevosov S.G. *Aktsional'nost' v leksike i grammatike* [Actionalism in Lexicon and Grammar]. Moscow, Iazyki Slavianskoi Kul'tury Publ., 2015. (In Russ.)
7. Tatevosov S.G. *Glagol'nye klassy i tipologiia aktsional'nosti* [Verb Classes and Typology of Actionality]. Moscow, Iazyki Slavianskoi Kul'tury Publ., 2016. (In Russ.)
8. Asbury A., Gehrke B., Hegedűs V. One Size Fits All: Prefixes, Particles, Adpositions and Cases as Members of the Category P. In *Uil OTS Yearbook 2006* / Keskin C. (ed.). Utrecht, 2007. P. 1–17.
9. Babko-Malaya O. *Zero Morphology: A Study of Aspect, Argument Structure, and Case*. Doctoral dissertation. Rutgers University, 1999.
10. Bhatt R., Pancheva R. Implicit Arguments. In *The Wiley Blackwell Companion to Syntax*. Second Edition / Everaert M., van Riemsdijk H (eds.) Oxford, 2017. P. 1–35.
11. Biskup P. *Prepositions, Case and Verbal Prefixes: The Case of Slavic*. John Benjamins, 2019.
12. Davidson D. The Logical Form of Action Sentences. In *The Logic of Decision and Action* / Rescher N (ed.) University of Pittsburg Press, 1967. P. 81–95.
13. Gehrke B. *Ps in Motion: On the Semantics and Syntax of P Elements and Motion Events*. PhD Dissertation. Utrecht University, 2008.
14. Kagan O. *Scalarity in the Verbal Domain: The Case of Verbal Prefixation in Russian*. Cambridge University Press, 2015.
15. Kratzer A. Severing the External Argument from Its Verb. In *Phrase Structure and the Lexicon* / Rooryck J., Zaring L. (eds.). Kluwer, 1996. P. 109–137.
16. Kratzer A. Building Resultatives. In *Event Arguments in Syntax, Semantics, and Discourse* / Maienbaum C., Wollstein-Leisen A. (eds). Tübingen, 2005.
17. Kratzer A. *The Event Argument and the Semantics of Verbs*. Ms. UMass-Amherst, 2003.
18. Krifka M. The Origins of Telicity. In *Events and Grammar* / Rothstein S. (ed.). Kluwer, 1998. P. 197–235.
19. Landau I. The Explicit Syntax of Implicit Arguments. In *Linguistic Inquiry*, 2010, no. 41. P. 357–388.
20. Parsons T. *Events in the Semantics of English: A Study of Subatomic Semantics*. MIT Press, 1990.
21. Ramchand G. *Verb Meaning and the Lexicon: A First Phase Syntax*. Cambridge, 2008.
22. Rappaport Hovav M., Beth Levin B. An Event Structure Account of English Resultatives. In *Language*, 2001, no. 77. P. 766–797.
23. Romanova E. *Constructing Perfectivity in Russian*. PhD Dissertation. University of Tromsø, 2006.
24. Rothstein S. *Structuring Events: A Study in the Semantics of Lexical Aspect*. Blackwell, 2004.

25. Svenonius P. Slavic Prefixes Inside and Outside VP. In *Nordlyd. Special Issue on Slavic Prefixes*, 2004, no. 32 (2). P. 323–361. [Www.ub.uit.no/munin/nordlyd](http://www.ub.uit.no/munin/nordlyd).
26. Svenonius P. Russian Prefixes are Phrasal. In *Proceedings of Formal Descriptions of Slavic Languages 5* / Zybatow G., Szucsich L., Junghanns U., Meyer R. (eds.). Peter Lang, 2008. P. 526–537.
27. Svenonius P. Spatial P in English. In *Mapping spatial PPs: The Cartography of Syntactic Structures*. Vol. 6 / Cinque G., Rizzi L. (eds.). Oxford University Press, 2010. P. 127–160.
28. Svenonius P. Complex Predicates as Complementation Structures. In *Approaches to Complex Predicates* / Nash L., Samvelian P. (eds.). Brill, 2016. P. 212–247.
29. Tatevosov S. *Event Structure and Derivational Morphology. A Few Reflections on the System of Russian*. Ms, 2024.

Поступила в редакцию 02.04.2024

Принята к публикации 11.06.2024

Отредактирована 21.06.2024

Received 02.04.2024

Accepted 11.06.2024

Revised 21.05.2024

ОБ АВТОРЕ

Tatevosov Сергей Георгиевич — заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; tatevosov@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Sergei Tatevosov — Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; tatevosov@gmail.com

РЕАЛИЗАЦИЯ ГЛУХОСТИ/ЗВОНКОСТИ ШУМНЫХ СОГЛАСНЫХ ПЕРЕД ИНТЕРКОНСОНАНТНЫМИ СОНОРНЫМИ И [В]

О.В. Дедова, М.А. Краснова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; ov-dedova@yandex.ru; mary.krasnova2010@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается ассимиляция шумных согласных по глухости/звонкости в начальной позиции в консонантных сочетаниях «шумный + сонорный или [в] + шумный». Целью проведенного исследования было выявление «прозрачности» сонорных и [в] в подобных группах, то есть возможности дистантного ассимилятивного воздействия последнего шумного на первый. Доказывается, что в звукосочетаниях «шумный + сонорный или [в] + шумный» интерконсонантные сонорные не препятствуют регрессивному ассимилятивному взаимодействию двух шумных согласных, то есть сонорные и [в] «пропускают» через себя ассимиляцию по глухости/звонкости.

В статье представлены результаты экспериментального фонетического исследования реализации шумных согласных в указанной позиции внутри и на стыках фонетических слов в современном русском литературном языке. Полученные в ходе исследования данные подтверждают, что в сочетаниях «глухой шумный + сонорный или [в] + звонкий шумный» в пределах одного фонетического слова (*от льдинок* [ад-л'д'ин'гк], *от мгновения* [ад-мгн'в'ён'ьб]) начальный согласный озвончается под воздействием звонкого, и наоборот, — в сочетаниях «звонкий шумный + сонорный + глухой шумный» (*из Мициска* [ис-мц'ёнск'ь], *из ртуты* [ис-рт'ут'ь]), начальный согласный оглушается. На стыке фонетических слов наблюдается озвончение конечного шумного первого слова (*факультет МГИМО* [ф'эк'ул'т'эд'мг'им'о]).

В статье также анализируется артикуляционная, акустическая и функциональная специфика [в], совмещающая в себе характерные признаки как шумных, так и сонорных согласных. Функционирование мягкого [в'] в интерконсонантной позиции в указанных группах в статье не рассматривается, так как лексически это не представлено.

Ключевые слова: фонетика современного русского литературного языка; динамика орфоэпической нормы; ассимиляция по глухости/звонкости; «прозрачность» сонорных и [в]

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-04-3

Для цитирования: Дедова О.В., Краснова М.А. Реализация глухости/звонкости шумных согласных перед интерконсонантными сонорными и [в] // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 4. С. 45–57.

REALISATION OF VOICED-UNVOICED OF OBSTRUENT CONSONANTS BEFORE INTERCONSONANTAL SONORANTS AND [V]

O.V. Dedova, M.A. Krasnova

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; ov-dedova@yandex.ru;
mary.krasnova2010@yandex.ru*

Abstract: The article deals with the assimilation of obstruent consonants in initial position in consonantal combinations “obstruent + sonorant or [v] + obstruent”. The aim of the study was to reveal the “transparency” of sonorants and [v] in such groups, i.e. the possibility of distant assimilative influence of the last obstruent on the first one. It is proved that in the sound combinations “obstruent + sonorant or [v] + obstruent” the interconsonantal sonorants do not prevent the regressive assimilative interaction of two obstruent consonants, i.e. the sonorants and [v] “pass through” the assimilation by voiced-unvoiced.

The article presents the results of an experimental phonetic study of the realisation of obstruent consonants in the specified position within and at the junctions of phonetic words in the modern Russian literary language. The data obtained in the course of the study confirm that in the combinations “unvoiced obstruent + sonorant or [v] + voiced obstruent” within one phonetic word (*от льдинок* [ад-л’д’инък], *от мгновения* [ад-мгнав’ён’ь]), the initial consonant is voiced under the influence of the voiced consonant, and, on the contrary, in combinations “voiced obstruent + sonorous + unvoiced obstruent” (*из Миценка* [ис-мцёнскъ], *из ртути* [ис-рт’ут’ь]), the initial consonant is unvoiced. At the junction of phonetic words, there is a voicing of the final obstruent of the first word (*факультет МГИМО* [ф’ькул’т’эд м’гимó]).

The article also analyses the articulatory, acoustic and functional specificity of [v], which combines the characteristic features of both obstruent and sonorous consonants. The functioning of soft [v'] in interconsonantal position in the above groups is not considered in the article, as it is not lexically represented.

Keywords: phonetics of the Modern Russian Literary Language; dynamics of orthoepic norm; assimilation by voiced-unvoiced; “transparency” of sonorants

For citation: Dedova O.V., Krasnova M.A. (2024) Realisation of Voiced-Unvoiced of Obstruent Consonants Before Interconsonantal Sonorants and [v]. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 45–57.

Введение

В современном русском литературном языке (далее — СРЛЯ) реализация шумных согласных в звукосочетаниях «шумный + сонорный + шумный» внутри и на стыке фонетических слов изучена недостаточно. Согласно правилу определения сильных и слабых позиций согласных фонем по глухости/звонкости, положение перед сонорным согласным является сильным (*крот* [крóт] — *грот* [грóт]).

Однако в русской речи встречаются звукосочетания «глухой шумный + сонорный + звонкий шумный», где сонорный оказывается в окружении двух шумных согласных, разных по качеству (наличию/отсутствию) голоса (например, *от мгновения, факультет МГИМО*). Н.А. Еськова предположила, что в таких сочетаниях положение сонорных аналогично присутствию звука [в] в интерконсонантной позиции [Еськова 2011: 154]. В словах типа *к вдове, от вдовы*, когда звук [в] находится между двумя согласными, регрессивная ассимиляция по звонкости начинается с конечного (звонкого) согласного в группе, проходит «сквозь» звук [в], в итоге глухой первый шумный озвончается, например, *к вдове [г-вдав'э], от вдовы [ад-вдавы]*. И в таком случае позиция перед звуком [в] не является сильной.

Как известно, звуки [в], [в'] по своим акустическим характеристикам близки сонорным согласным. Они обладают и функциональной спецификой в современном русском языке: позиция перед ними является сильной по глухости/звонкости для парных шумных согласных (но при этом [в], [в'] имеют глухие корреляты и оглушаются в позиции конца слова). На этом основании Р.О. Якобсон пришел к выводу о том, что [в], [в'] следует отнести к классу сонорных, и предложил задуматься о положении этих единиц в системе всех звуков русского языка [Jacobson 1956: 505–509].

Функциональная специфика является следствием артикуляционно-акустических характеристик. Звонкие щелевые согласные акустически характеризуются рисунком, содержащим частоту основного тона и высокочастотный шум согласного. Данный шум может быть довольно сильным (например, для [з]) или сравнительно слабым, что типично для русского [в]. Рисунок осциллограммы и спектрограммы звонкого щелевого [в] может приближаться к рисунку сонантов или даже к рисунку гласных, так как шумовые составляющие едва видны, а интенсивность колебаний основного тона, наоборот, относительно большая [Бондарко 1977: 39].

Основываясь на представленных лингвистических наблюдениях, логично предположить, что сонорные звуки могут, как и звук [в], «пропускать» через себя ассимиляцию по глухости/звонкости, то есть проявлять себя как «прозрачные» звуки.

Мы сделали предположение, что внутри фонетических слов (например, *от мгновения, от льдинок, с МГИМО, от ржаного*) и на стыках фонетических слов (*факультет МГИМО, таких мгновений, из этих льдинок*), первый глухой согласный будет озвончаться под влиянием звонкого, стоящего после сонорного. А в таких фонетических словах, как *из Мценска, из «Мстителей», из ртуты, под мшистыми, под мчащимися*, согласный перед сонорным будет

оглушаться под влиянием последующего глухого шумного при неслоговой реализации сонанта. В настоящей статье представлены результаты исследования реализации сонорных согласных в интерконсонантной позиции.

Артикуляторно-акустические свойства сонорных согласных

В современном русском литературном языке выделяется класс сонорных согласных, или сонантов, которые имеют близкую к гласным спектральную картину, образуются одновременно с помощью специфического типа преграды и голоса.

Сонанты по сравнению с шумными согласными занимают более близкую к гласным позицию на шкале сонорности (звучности). Это означает, что в определенных случаях они могут быть слогообразующими (особенно это касается плавных). В некоторых современных славянских языках плавные [r], [l] регулярно (на уровне системы языка) выполняют слогообразующую функцию (например, в чешском), в других же языках они могут спонтанно появляться в определенных фонетических контекстах, например, в немецком глагол *haben* (иметь) принято транскрибировать как [h'a-b_m] [Bose, Hirschfeld 2013: 58].

В современном русском языке ситуация с сонорными-слогоносителями несколько иная: слоговость реализуется не за счет дополнительной вокализации сонорного, а в результате развития гласного пазвука внутри консонантной группы «шумный + сонорный» в словах типа *Пётр, театр* [п'ó-т^бр], [т'и-á-т^бр] [Дедова 2001]. Тем не менее инновационная слоговость появляется именно из-за артикуляционно-акустических характеристик сонорных, что доказывает их особый статус в фонетической системе современного русского языка.

С артикуляционной точки зрения сонорные (как и другие согласные) характеризуются наличием локализованного места образования, то есть при их описании можно точно сказать, какая часть языка задействована: передняя, средняя или задняя. Однако большинство сонорных отличаются от шумных способом образования, то есть характером преграды и способом ее преодоления, так как при их образовании одновременно создается смычка и наличествуют артикуляционные условия, обеспечивающие относительно свободный проход воздушной струи. Укажем при этом, что высокая степень вокализованности [j] обусловлена местом образования звука (среднеязычная средненебная зона).

Целевая артикуляция сонорных не связана с формированием шумообразующей преграды, а направлена на формирование резонансных свойств речевого тракта, подобно артикуляции гласных.

В то же время артикуляционные преграды, которые создаются при их произнесении, приводят к энергетическим потерям. В итоге звуковые колебания у сонорных, как правило, менее интенсивны, чем у гласных [Кодзасов, Кривнова 2001: 61].

При артикуляции дрожащих смычка образуется на столь краткое время, что ее нарушение не вызывает шума. При образовании звуков [л] и [л'] создается сужение аппроксимантного типа. Согласный [j] в СРЛЯ характеризуется, помимо голосового, турбулентным источником, который, однако, может и отсутствовать в случае недостаточного артикуляторного сужения между средней частью спинки языка и твердым небом — в этом случае среднеязычный сонант и артикуляторно, и акустически сближается с гласным [и]. Спектр согласного [j] близок спектру этого гласного, но может иметь небольшие шумовые составляющие в высокочастотных областях [Князев, Пожарицкая 2012: 105].

Носовые и плавные сонанты имеют на осциллограммах рисунок, очень похожий на рисунок гласных. Их сближает наличие выраженной формантной структуры, но амплитуда сонорных значительно меньше, чем у гласных. Такое различие наблюдается преимущественно в ударных слогах, например, *мир* [м'и́р], *нос* [но́с]. В безударных слогах относительная интенсивность сонанта может быть равна или даже больше интенсивности гласного *мировой* [м'ьравой], *носовой* [н'ьсавой], что затрудняет визуальное определение границы между сонорным и редуцированным гласным.

Артикуляционно-акустическая природа сонорных, их высокая степень вокализованности (что проявляется в возможности развивать инновационную слоговость) продуцирует их функциональную специфику. С фонологической точки зрения, в СРЛЯ позиция перед сонорными, равно как и перед гласными, является сильной для различения звонких и глухих согласных: *с нами* [сна́м'ь] — *из нас* [изна́с] — не имея парных коррелятов, они не оглушаются на конце слова. Однако в этой позиции сонорные могут подвергаться оглушению под воздействием фонетического контекста. В таком случае, с точки зрения МФШ, они реализуются в вариациях, а не в вариантах, так как нет нейтрализации, т. е. они качественно не совпадают с реализациями других фонем (*воплъ* [во́пл'], *Пётр* [п'ётр], *министр* [м'ин'истр]).

Таким образом, артикуляционно-акустически и функционально сонорные согласные близки к гласным звукам. С точки зрения теории восходящей звучности сонорные обладают меньшей звучностью, чем гласные, но большей, чем остальные шумные.

Описание материалов и хода эксперимента

Еще одним проявлением специфики сонорных может стать предполагаемая нами «прозрачность» в сочетании «шумный + сонорный + шумный», то есть то, что интерконсонантные сонорные не препятствуют регрессивному ассимилятивному взаимодействию двух шумных согласных. Подобное описано для [в] [Jacobson 1962: 505–509; Еськова 2011: 152–154], однако способность сонорных «пропускать» регрессивное воздействие одного шумного согласного на другой практически не была исследована. До настоящего времени экспериментального исследования, в полной мере подтверждающего или опровергающего свойство «прозрачности» сонорных, в русской научной литературе представлено не было.

Материалом эксперимента были слова и словосочетания, содержащие комбинации согласных звуков «шумный + сонорный + шумный». При этом варьировались характеристики шумных согласных, стоящих до и после сонорного, — их место и способ образования. Шумные согласные в пределах одной консонантной группы противопоставлялись по наличию и отсутствию голоса:

1. «Глухой шумный + сонорный + звонкий шумный» (*от мгновения, таких мгновений*);

2. Звонкий шумный + сонорный + глухой шумный (*из ртути, под мшистыми*).

Данные звуко сочетания находились внутри фонетических слов, то есть в сочетаниях словоформ с предлогами (*от мгновения, от льдинок, с МГИМО*), а также на стыках фонетических слов при отсутствии паузы в произношении (*лес Ржева; уносит мглу; навес льда; таких мгновений; адрес МГИМО*). Не рассматривались примеры с сочетаниями, построенные по модели «звонкий шумный + сонорный + глухой шумный» на стыке двух фонетических слов в случае, когда первая звонкая согласная фонема группы находилась в позиции конца фонетического слова, а следующее слово начиналось с сонорного в позиции перед шумным: *фасад МХАТа* [фасáт мхáтъ]; *город Ржев* [гóрът ржэ́ф], *распад ртути* [распáт рту́тъ] и т. п.). В данном случае невозможно было бы определить причины оглушения первой звонкой фонемы: влияет ли это позиция конца фонетического слова, или же это результат воздействия последнего глухого шумного согласного в группе.

Для исследуемых примеров были выбраны следующие сонорные согласные: билабиальный носовой, твердый согласный [м] (*от мглы*), альвеолярный дрожащий, твердый согласный [р] (*от Ржева*), боковые аппроксиманты — твердый [л] (*вот дгун*) и мягкий [л'] (*от*

двудинок). Группы с сонорными [н], [н'], [м'], [р'] и [j] лексически практически не представлены в СРЛЯ.

Исследуемым сонорным предшествовали парные по глухости/звонкости шумные согласные: переднеязычные зубные твердые взрывные — глухой [т] (*от МГИМО*), звонкий [д] (*под мишустыми*); переднеязычные зубные твердые щелевые — звонкий [з] (*из ртутти*), глухой [с] (*с рдеющими*); заднеязычный задненебный твердый щелевой глухой [х] (*таких мгновений*). Данные звуки находились после различных гласных.

Следующие за сонорными звуки также были различными: заднеязычные задненебные твердые взрывные — звонкий [г] (*от мглы*), глухой [к] (*над МКАДом*); заднеязычный задненебный твердый щелевой глухой [х] (*над МХАТом*); переднеязычные зубные взрывные — глухой твердый [т] (*из ртутти*), звонкий твердый [д] (*навес льда*), звонкий мягкий [д'] (*лес рдеет*); переднеязычные зубные твердые щелевые — звонкий [з] (*взнос мзды*), глухой [с] (*из «Мстителей»*); переднеязычные передненебные твердые щелевые — глухой [ш] (*из мишустых*), звонкий [ж] (*лес Ржева*); аффрикаты — глухой переднеязычный зубной твердый звук [ц] (*из Мценска*), глухой переднеязычный передненебный мягкий [ч'] (*под мчащимися*). Следующий после группы фонетический контекст не учитывался; указанные звуки могли находиться перед гласными или согласными.

Также нами учитывалось положение фонетических слов с исследуемыми группами по отношению к фразовым ударениям: каждый пример был представлен и в сильной, и в слабой позициях.

Примеры, которые составляли одно фонетическое слово, оказывались в сильной позиции в том случае, когда фразовый акцент полностью реализовывался на данном слове. В примерах, состоящих из двух фонетических слов, фразовый акцент всегда оказывался на втором слове, поскольку при нейтральном произнесении он реализуется на ударном гласном последнего слова в синтагме. Исследуемые примеры были включены в искусственно созданные тексты и предложены информантам для чтения в естественном темпе.

В эксперименте приняли участие 10 информантов в возрасте от 18 до 35 лет, москвичи, носители орфоэпической нормы. Количество исследованных сильных и слабых позиций с примерами для одного информанта составляло 92. Если информант ошибался при прочтении, то его просили заново перечитать отрывок на несколько предложений выше.

Запись материала производилась в студии звукозаписи, обеспечивающей звукоизоляцию. Тексты были записаны, а затем проанализированы с помощью программы профессионального фонетического анализа речи Praat [<https://www.fon.hum.uva.nl/praat/>], что

позволило инструментально выявить глухость/звонкость исследуемых согласных. Необходимым критерием релевантности произнесенных примеров было отсутствие слогового произношения сонорных или же их оглушения, что также устанавливалось в результате анализа спектральных данных. Согласный интерпретировался как звонкий, если в своем спектре он имел частоту огибающего тона (ЧОТ) и нулевую форманту (F_0).

С целью выявления диалектных особенностей произношения в речи информантов в один из текстов было включено словосочетание *город Воронеж*. Известно, что в некоторых современных южно-русских говорах отсутствует оглушение конечных шумных парных согласных в позиции перед сонорными и [в], если за [в] следует сонорный или гласный [Пожарицкая 2005].

Результаты исследования

В ходе эксперимента было проанализировано качество по глухости/звонкости шумных согласных, предшествующих сонорным. Общее количество проанализированных примеров составило 920 (480 сильных и 440 слабых фразовых позиций).

На спектрограммах 1, 2 представлены результаты озвончения первого согласного группы под воздействием конечного звонкого шумного, а на спектрограммах 3, 4 обратное явление — оглушение первого звонкого согласного под воздействием конечного глухого. Это убедительно доказывает потенциальную «прозрачность» сонорного в указанной позиции для регрессивного ассимилятивного воздействия по глухости/звонкости.

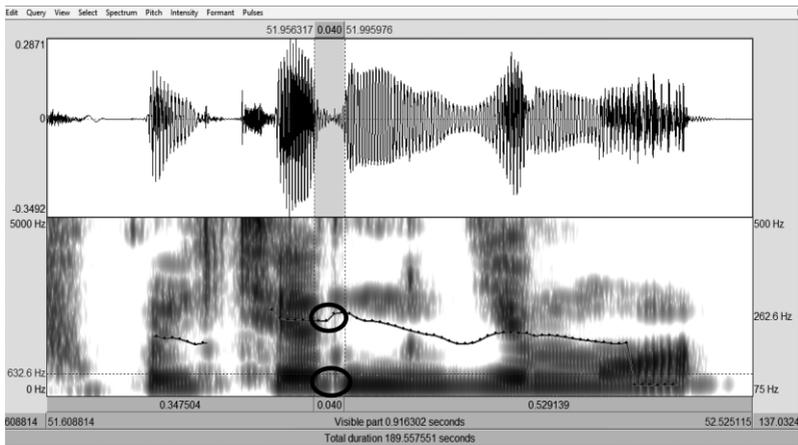

Рис. 1. Осциллограмма и спектрограмма словосочетания *факультет МГИМО* (сильная позиция). Шумный согласный, выделенный курсорами, имеет длительность 40 мс и является звонким (овалами отмечена огибающая ЧОТ и F_0)

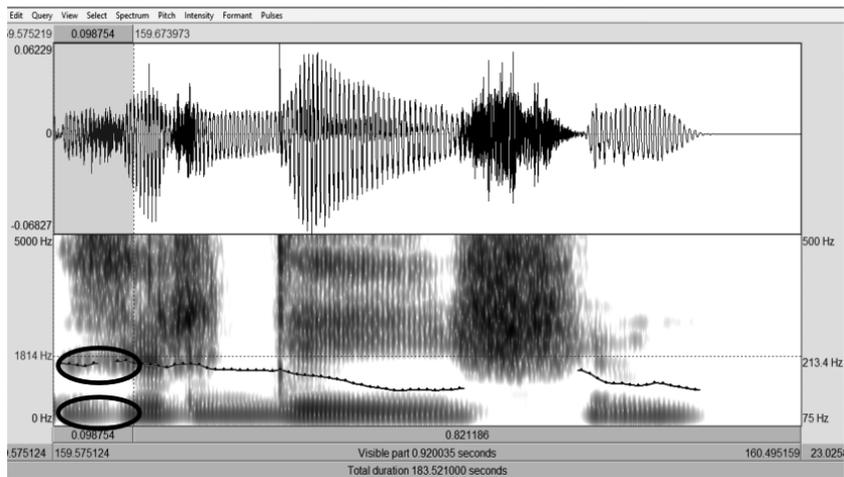

Рис. 2. Осциллограмма и спектрограмма фонетического слова с *рдеюцим* (сильная позиция). Шумный согласный, выделенный курсорами, имеет длительность 98 мс и является звонким (овалами отмечена огибающая ЧОТ и F_0)

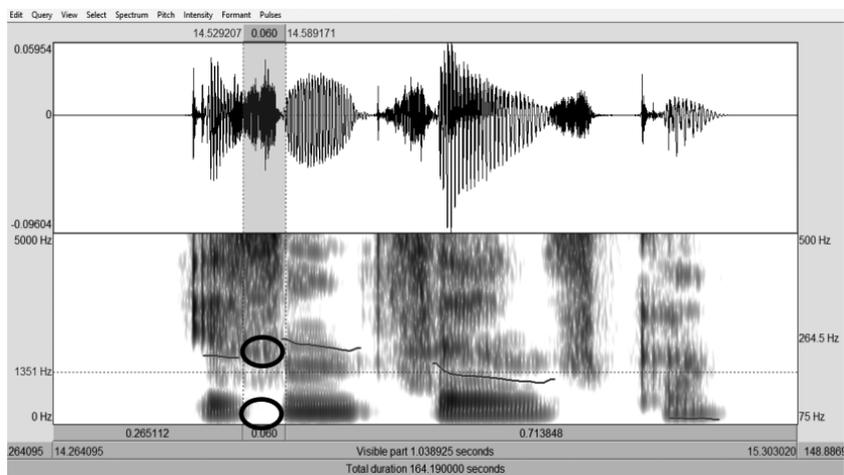

Рис. 3. Осциллограмма и спектрограмма фонетического слова из *Мценска* (сильная позиция). Шумный согласный, выделенный курсорами, имеет длительность 60 мс и является глухим (овалами отмечены участки спектра, где отсутствуют огибающая ЧОТ и F_0)

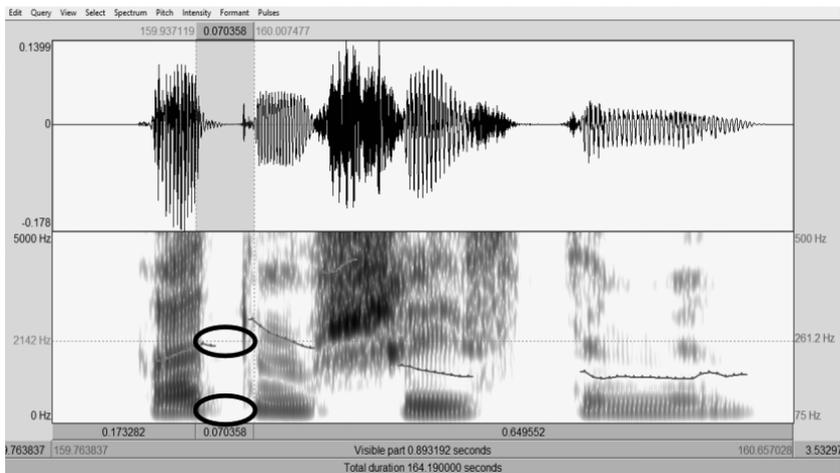

Рис. 4. Осциллограмма и спектрограмма фонетического слова *под мыштыми* (сильная позиция). Шумный согласный, выделенный курсорами, имеет длительность 70 мс и является глухим (овалами отмечены участки спектра, где отсутствуют огибающая ЧОТ и F_0)

По данным эксперимента, из исследуемых 920 сильных и слабых позиций 187 отражали «прозрачность» сонорных, что составляет 20,3 % от общего числа произнесенных примеров. Это были результаты и оглушения, и озвончения согласных. Несмотря на то, что большее количество примеров (79,7 %) соответствовало современным представлениям об орфоэпической норме (позиция перед сонорным сильная по глухости/звонкости для парных шумных согласных), это указывает на специфику свойств сонорных и их особого статуса в фонетической системе современного СРЛЯ. Полученные экспериментальные данные, отражающие нарушение современной орфоэпической нормы, доказывают возможную «прозрачность» сонорных.

В ходе эксперимента было установлено, что внутри фонетических слов процессы ассимиляции совершались более активно, чем на стыке фонетических слов, вне зависимости от фразовой позиции, — соответственно 153 и 34 примера. Также процессы оглушения в звукосочетаниях «звонкий шумный + сонорный + глухой шумный» совершались чаще (111 внутри фонетических слов), чем процессы озвончения в сочетаниях «глухой шумный + сонорный + звонкий шумный» (42 внутри и 34 на стыках слов).

В целом в таких фонетических словах, как *из ртути* (17), *под ртутью* (14), *из мыштых* (10), *под мыштыми* (9), *из мчащегося* (8), *из Мценска* (7), *факультет МГИМО* (6), *от мгновения* (6), *таких*

мгновений (4), случаи оглушения и озвончения встречались чаще, чем в остальных словах. В скобках указано количество ассимиляций для каждого примера в сильной и слабой фразовой позиции.

В сильной фразовой позиции количество упомянутых явлений ассимиляции больше, чем в слабой (всего отмечено 110 в сильной и 77 в слабой позициях). Это связано с тем, что реализации фонетических слов в слабой фразовой позиции сопутствует ряд артикуляторно-акустических явлений (убыстрение темпа, падение интенсивности, менее четкое артикулирование сегментов), и поэтому достоверно оценить качество анализируемых согласных по глухости/звонкости не всегда представлялось возможным.

Выводы

В ходе исследования было установлено:

1. В звукосочетаниях «шумный + сонорный + шумный» возможна дистантная регрессивная ассимиляция по глухости/звонкости. Сонорные в данном звуковом окружении не препятствуют регрессивному ассимилятивному взаимодействию шумных и являются «прозрачными» звуками.

2. Утверждение о том, что позиция по глухости/звонкости перед сонорными всегда сильная, является в определенных случаях неверным и требует дополнения. Так, например, потенциально слабыми могут быть позиции начальных шумных согласных в составе трехкомпонентных консонантных групп в парах слов типа *с Миценском — из Миценска, с ртутью — из ртути, от льдинок — над льдинками*, подобно паре слов *с нами — из нас*, так как возможно произношение [ис-мцѐнскъ], [ис-ртут'ь], [над-л'д'инкѐм'ь].

3. Внутри фонетических слов с сочетаниями «звонкий + сонорный + глухой» (*из Миценска, из ртути, из «Мицыри»*) происходит дистантная регрессивная ассимиляция по глухости при звонкой реализации сонанта. Данное ассимилятивное явление, актуальное для фонетики СРЛЯ, исследуется и описывается впервые.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарко Л.В. Звуковой строй современного русского языка. М., 1977.
2. Еськова Н.А. К вопросу о свойствах сонорных согласных в русском языке // Избранные работы по русистике: фонология, морфонология, морфология, орфография, лексикография. М., 2011. С. 153–157.
3. Дедова О.В. К вопросу о слоговых согласных в современном русском языке // Языковая система и ее развитие во времени и пространстве (Сборник научных статей к 80-л. проф. К.В. Горшковой). М., 2001. С. 302–312.
4. Князев С.В., Пожарицкая С.К. Современный русский литературный язык: фонетика, графика, орфография, орфоэпия. М., 2012.
5. Кодзасов С.В., Кривнова О.Ф. Общая фонетика. М., 2001.

6. Панов М.В. Русская фонетика. М., 1967.
7. Пожарицкая С.К. Русская диалектология. М., 2005.
8. Bose I., Hirschfeld U. Einführung in die Sprechwissenschaft. Tübingen, 2013.
9. Jacobson R. Die Verteilung der stimmhaften und stimmlosen Geräuschlaute im Russischen. // Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag. Wiesbaden, Berlin, 1956.
10. Praat <http://www.fon.hum.uva.nl/praat/>.

REFERENCES

1. Bondarko L.V. *Zvukovoj stroj sovremennogo russkogo yazyka* [Sound System of the Modern Russian Language]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1977. 175 p. (In Russ.)
2. Es'kova N.A. K voprosu o svojstvah sonornyh soglasnyh v russkom yazyke [On the Question of the Properties of Sonorant Consonants in the Russian Language] // *Izbrannye raboty po rusistike: fonologiya, morfonologiya, morfologiya, orfografiya, leksikografiya* [Selected Works on Russian Studies: Phonology, Morphology, Morphology, Spelling, Lexicography]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2011, pp. 153–157. (In Russ.)
3. Dedova O.V. K voprosu o slogovykh soglasnyh v sovremennom russkom yazyke [On the question of syllabic consonants in the modern Russian language] // *Yazykovaya sistema i ee razvitie vo vremeni i prostranstve (Sbornik nauchnyh statej k 80-l. prof. K.V. Gorshkovej)* [Language system and its development in time and space (Collection of scientific articles for the 80th anniversary of Prof. K.V. Gorshkova)]. Moscow: Moscow State University Publ., 2001, pp. 302–312. (In Russ.)
4. Knyazev S.V., Pozharickaya S.K. *Sovremennyj russkij literaturnyj yazyk: fonetika, grafika, orfografiya, orfoepiya* [Modern Russian Literary Language: Phonetics, Graphics, Orthography, Orthoepy]. Moscow: Akademicheskij proekt Publ., 2012. 430 p.
5. Kodzasov S.V., Krivnova O.F. *Obshchaya fonetika* [General Phonetics]. Moscow: Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet Publ., 2001. 592 p.
6. Panov M.V. *Russkaya fonetika* [Russian Phonetics]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1967. 340 p.
7. Pozharickaya S.K. *Russkaya dialektologiya* [Russian Dialectology]. Moscow: Akademicheskij proekt Publ., 2005. 256 p.
8. Bose I., Hirschfeld U. *Introduction to speech science*. Tuebingen: Narr Publ., 2013. 391 p.
9. Jacobson R. Die Verteilung der stimmhaften und stimmlosen Geräuschlaute im Russischen // *Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag*. Wiesbaden, Berlin, 1956.
10. Praat <http://www.fon.hum.uva.nl/praat/>.

Поступила в редакцию 16.04.2024

Принята к публикации 11.06.2024

Отредактирована 22.07.2024

Received 16.04.2024

Accepted 11.06.2024

Revised 22.07.2024

ОБ АВТОРАХ

Дедова Ольга Викторовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; ov-dedova@yandex.ru

Краснова Марина Александровна — аспирант кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова;
mary.krasnova2010@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Olga Dedova — Prof. Dr., Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; ov-dedova@yandex.ru

Marina Krasnova — PhD Student, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; mary.krasnova2010@yandex.ru

ЛИЧНО-ЧИСЛОВОЕ СОГЛАСОВАНИЕ С ПОДЛЕЖАЩИМИ, СОЧИНЕННЫМИ ОДИНОЧНЫМИ И ПОВТОРЯЮЩИМИСЯ СОЮЗАМИ, В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Т.И. Давидюк

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания РАН, Москва, Россия; rachekit@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена корпусному и экспериментальному исследованию лично-числового согласования в русском языке в контексте сочиненного подлежащего, чьи элементы различаются по признаку лица. В экспериментальных и корпусных исследованиях было показано, что в подобных конструкциях с сочинительным союзом *и* в дополнение к согласованию по правилам разрешения возможно согласование по 3-му лицу множественного числа *и* (при порядке слов VS) с ближайшим конъюнктом. Данная работа призвана проиллюстрировать вариативность лично-числового согласования с подлежащими, которые сочинены и другими союзами, а именно союзами *и ... и, или и или ... или*. В статье описываются результаты корпусного исследования и четырех лингвистических экспериментов. Лингвистические эксперименты на оценку приемлемости, в частности, призваны дополнить корпусные данные по исследуемым конструкциям, которые в некоторых случаях оказались немногочисленными. Результаты исследования выявили большую вариативность в согласовании с конструкциями с дизъюнктивными союзами по сравнению с аналогичными конструкциями с конъюнктивными союзами. Наиболее частотным и приемлемым вариантом согласования во всех случаях является согласование по правилам разрешения. Также была обнаружена возможность согласования по 3-му лицу множественного числа, зафиксированная в предыдущих экспериментальных исследованиях и в корпусном материале. Другие возможные стратегии согласования для конструкций с дизъюнктивными союзами — это согласование с ближайшим дизъюнктом и (для конструкций с порядком дизъюнктов *X или я / или X, или я*) согласование по 3-му лицу единственного числа.

Ключевые слова: согласование; признак лица; дизъюнкция; русский язык

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00037, реализуемого в МГУ имени М.В. Ломоносова, <https://rscf.ru/project/22-18-00037/>

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-04-4

Для цитирования: Давидюк Т.И. Лично-числовое согласование с подлежащими, сочиненными одиночными и повторяющимися союзами, в русском языке // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 4. С. 58–70.

PERSON-NUMBER AGREEMENT WITH SUBJECTS CONTAINING COORDINATING AND CORRELATIVE CONJUNCTIONS IN RUSSIAN

T.I. Davidyuk

Lomonosov Moscow State University; Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia; rachekit@yandex.ru

The article describes a corpus and experimental study of the variability of person-number agreement in Russian in the context of coordinated subjects, whose elements differ in person. Experimental and corpus studies have demonstrated that in such constructions with the conjunction *и* ‘and’, in addition to resolved agreement, 3rd person plural agreement and (for VS word order) closest conjunct agreement are possible. This work aims to illustrate the variability of person-number agreement with coordinated subjects that involve other conjunctions, namely *и ... и* ‘both ... and’, *или* ‘or’ and *или ... или* ‘either ... or’. The article describes the results of a corpus study and four linguistic experiments. The acceptability judgement experiments aim to complement corpus data on the investigated constructions, which, in some cases, were found to be limited. The results revealed greater variability in agreement with constructions containing disjunctive conjunctions compared to analogous constructions with conjunctive conjunctions. The most frequent and acceptable agreement option in all cases is resolved agreement. The possibility of 3rd person plural agreement was also discovered, as documented in previous experimental studies and corpus data. Other possible agreement strategies for constructions with disjunctive conjunctions include closest disjunct agreement and (for disjunct order *X или я* ‘X or I’ / *или X, или я* ‘either X or I’) 3rd person singular agreement.

Keywords: agreement; person feature; disjunction; Russian language

Funding: This research is supported by Russian Science Foundation, RSF project 22-18-00037 realized at Lomonosov Moscow State University, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00037/>

For citation: Davidyuk T.I. (2024) Person-Number Agreement with Subjects Containing Coordinating and Correlative Conjunctions in Russian. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 58–70.

1. Введение

Данная работа посвящена исследованию лично-числового согласования с подлежащими, сочиненными союзами *и*, *и ... и*, *или* и *или ... или*, чьи элементы различаются по признаку лица. Нормативные грамматики и справочники по русскому языку [РГ 1980:

243–244; Розенталь и др. 1994: 272] предписывают для таких случаев согласование по правилам разрешения (англ. resolution rules)¹ — согласование по множественному числу, при этом конфликт признаков лица разрешается на основании иерархии лиц $1 > 2 > 3$. Действие иерархии лиц в русском языке проиллюстрировано в примере (1), где конъюнкты не совпадают по признаку лица, и для значения признака лица глагола выбирается 1-е, а не 3-е лицо, так как оно находится выше в иерархии лиц. В основном в упомянутых источниках приводятся примеры с союзом *и*, однако есть примеры и на конструкции с другими союзами, тогда как в реальности согласование по правилам разрешения не является единственной стратегией даже при «обычных» союзах. Конструкции с союзом *и* и рассогласованием конъюнктов по признаку лица рассматривались в корпусном исследовании [Подлеская 2012]. В данном исследовании было показано, что в таких конструкциях возможно как согласование по правилам разрешения, так и согласование с ближайшим конъюнктом при порядке слов VS. Экспериментальное и корпусное исследование, представленное в [Белова, Давидюк 2023], подтвердило выводы В.И. Подлеской и выявило еще одну стратегию — согласование по 3 л. мн. ч. (2).

(1) *Я и он придём.*

[РГ 1980: 244]

(2) *Секретный код знают только я и Сергей Петрович².*

[НКРЯ. Андрей Ростовский. По законам волчьей стаи (2000)]

Для конструкций с повторяющимся союзом *и ... и* экспериментальные исследования не проводились. В корпусном исследовании [Пекелис 2013], которое рассматривает сочетание существительных с различными повторяющимися союзами, были обнаружены примеры согласования только с одним из конъюнктов при обычном порядке слов для конструкций с союзом *и ... и*. Однако такие примеры ограничены неодушевленными и нереферентными одушевленными нарицательными существительными.

Согласование с конструкциями с дизъюнктивными союзами в русском языке исследовано недостаточно. Корпусные данные согласования с конструкциями с союзом *или ... или* представлены в уже упомянутой работе [Пекелис 2013], где показано, что при конструкциях с данным союзом возможно согласование как по

¹ Правила разрешения применяются, когда предикат (или другая согласующаяся единица) должен согласовываться с двумя или более именными группами, которые могут различаться по согласовательным признакам. Обзор работы правил разрешения в разных языках мира представлен в [Corbett 1983].

² Здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка (ruscorp.ru).

мн. ч., так и по ед. ч.; однако случаи, когда конъюнкты не совпадают по лицу, в данной работе не рассматриваются. Имеются экспериментальные исследования на материале других индоевропейских языков по данной теме, см., в частности, [Keung, Staub 2018; Foppolo, Staub 2021; Marušič, Shen 2021]. Наиболее близкой к нашему исследованию является работа [Himmelreich, Hartmann 2023], в которой предметом анализа становится согласование с дизъюнктивно сочиненными подлежащими, не совпадающими по признаку лица (наряду с сочиненными подлежащими, не совпадающими по числу), в немецком языке. Исследование показало, что при несовпадении подлежащих по лицу предпочтительно согласование по 3 л. мн. ч.; также возможны согласование по правилам разрешения (по множественному числу, с выбором лица в соответствии с иерархией лиц $1 > 2 > 3$) и согласование с ближайшим дизъюнктом.

Таким образом, конструкции с исследуемыми союзами, в которых элементы различаются по признаку лица, демонстрируют вариативное согласование. Однако точный набор возможных стратегий согласования в таких конструкциях требует уточнения, что и является целью нашего корпусного и экспериментального исследования.

2. Корпусное исследование³

Мы провели корпусное исследование согласования с сочиненными конструкциями, содержащими союзы *и ... и, или и или ... или*⁴, в которых элементы различаются по признаку лица. Исследование базировалось на материале основного подкорпуса Национального корпуса русского языка. Из анализа были исключены: 1) конструкции с *и ... и* без запятой между конъюнктами; 2) предложения с более чем двумя конъюнктами или дизъюнктами. Для сопоставления с результатами экспериментального исследования (см. раздел 3) мы ограничились предложениями с обычным порядком слов.

В Таблицах 1–3 приведены количественные данные по конструкциям с исследуемыми союзами, одним из элементов которых является личное местоимение *я*⁵. В строках «Согласование по лицу и числу» указано количество примеров с глаголами в настоящем и будущем времени с различными вариантами согласования.

³ Исследование проведено на материале текстов Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru).

⁴ Конструкции с союзом *и* не были включены в корпусное исследование, поскольку по ним уже существует несколько корпусных исследований (см. раздел 1).

⁵ Мы сосредоточились на конструкциях, где одним из конъюнктов или дизъюнктов является личное местоимение *я*, чтобы сопоставить результаты с экспериментальным исследованием (см. раздел 3), в котором также использовалось исключительно личное местоимение *я*.

Согласование с подлежащими с союзом *и ... и*⁶

Конструкция	<i>и я, и X</i>	<i>и X, и я</i>
Согласование по лицу и числу	1 л. мн. ч.: 48 3 л. мн. ч.: 5	1 л. мн. ч.: 37 2 л. мн. ч.: 1

Для подлежащих, сочиненных союзом *и ... и* (см. Таблицу 1), преобладает согласование по правилам разрешения (3). Кроме того, было зафиксировано пять примеров с согласованием по 3 л. мн. ч. Из них три можно расценивать как согласование с ближайшим конъюнктом, так как последним конъюнктом является именная группа 3 л. мн. ч. (4)–(6); остальные два случая (один из них представлен в (7)) не могут быть отнесены к согласованию с ближайшим конъюнктом. Согласование с первым конъюнктом зафиксировано в одном примере (8).

(3) *Причем и я, и он **знаем**, что он умер, что его уже нет.*

[Юрий Лепский. В поисках Бродского // Дальний Восток, 2019]

(4) *Но и я, и все мои знакомые девушки **обращают** особое внимание на парней, которые пахнут туалетной водичкой.*

[Форум: Фэндомная Правда (2011)]

(5) *Вообще и я, и, по-видимому, все **чувствуют**, что замещение должности Главного Геолога ведущего Управления несовместимо с лицом, находящимся вне рядов официальной партии.*

[Б.И. Вронский. Дневник (1948)]

(6) *Но самые рефераты и прения после них, где и я, и ученицы **выступают** уже как равные друг другу люди, элементы самостоятельности, творчества, свободы — все это невольно привлекает меня к этому делу, заставляя забывать об усталости.*

[Н.Ф. Шубкин. Дневник (1914)]

(7) *Но помимо всего этого и я, и группа **имеют** собственные особенности.*

[Иэн Гиллан, Макс Хаген. «Ты не можешь быть классиком, пока не умер» (24.10.2008) // <http://www.rbcdaily.ru/2008/10/24/lifestyle/387361.shtml>, 2008]

(8) *И вы, и я **имеете** долг перед христианским отечеством всех народов.*

[А.К. Виноградов. Повесть о братьях Тургеневых (1932)]

⁶ Структуры запросов в корпусе: 1) *и + я*, на расстоянии от 1 до 1 от Слова 1 + *и*, на расстоянии от 1 до 1 от Слова 2 + (S | SPRO) & *пом*, на расстоянии от 1 до 5 от Слова 3; 2) *и + (S | SPRO) & пом*, на расстоянии от 1 до 5 от Слова 1 + *и*, на расстоянии от 1 до 1 от Слова 2 + *я*, на расстоянии от 1 до 1 от Слова 3, где S — существительное, SPRO — местоименное существительное, *пом* — именительный падеж.

Согласование с подлежащими с союзом *или*⁷

Конструкция	я или X	X или я
Согласование по лицу и числу	1 л. мн. ч.: 27 3 л. ед. ч.: 6 3 л. мн. ч.: 3	1 л. мн. ч.: 14

Для конструкций с одиночным союзом *или* (см. Таблицу 2) также преобладает согласование по правилам разрешения (9). Также для конструкции вида *я или X* в корпусе обнаруживается согласование с ближайшим дизъюнктом — 6 примеров на согласование по 3 л. ед. ч. (один из них представлен в (10)). Два из трех предложений с согласованием по 3 л. мн. ч. могут быть рассмотрены как согласование с ближайшим дизъюнктом (так как последний дизъюнкт 3 л. мн. ч.) (11)–(12); оставшийся пример, приведенный в (13), не является таким случаем.

(9) — *Еще я или Ричард можем рискнуть, но Алиса — ни за что.*

[Кир Булычев. Девочка с Земли (1971)]

(10) *А вот я или моя контора «Пупкин и сыновья» сделает все по высшему разряду, не то, что другие.*

[Как распознать хорошего риэлтора (2014.11)]

(11) — *Позволь! дело не в том, как я или они полагают, а в том, чем они ограничивают свои домогательства!*

[М.Е. Салтыков-Щедрин. Благонамеренные речи (1872–1876)]

(12) — *Нынѣ В. В., [войдя въ ниже] [приявъ] принявъ въ уваженіе сіи мои [пред] изволили приказать мнѣ обращаться къ [Вамъ съ] В.В. съ тѣми моими стихотв. которыя я или журналисты **пожелаютъ** напечатать <...>*

[А.С. Пушкин. Письмо А.Х. Бенкендорфу (1832.02.24)]

(13) *Я или кто-нибудь из товарищей дадут знать, что с ней делать, а, может быть, пока она пригодится и в Камыньске, ты и Анна сами будете печатать.*

[Б.А. Пильняк. Соляной амбар (1937)]

⁷ Структуры запросов в корпусе: 1) я + или, на расстоянии от 1 до 1 от Слова 1 + (S | SPRO) & пом, на расстоянии от 1 до 5 от Слова 2; 2) (S | SPRO) & пом + или, на расстоянии от 1 до 1 от Слова 1 + я, на расстоянии от 1 до 1 от Слова 2, где S — существительное, SPRO — местоименное существительное, пом — именительный падеж.

Согласование с подлежащими с союзом *или ... или*⁸

Конструкция	<i>или я, или X</i>	<i>или X, или я</i>
Согласование по лицу и числу	1 л. мн. ч.: 3 2 л. ед. ч.: 1	1 л. мн. ч.: 3

Исследуемых конструкций с союзом *или ... или* в корпусе немного (см. Таблицу 3), но имеющиеся данные позволяют сделать следующие выводы. Снова преобладают примеры с согласованием по правилам разрешения (14). В одном случае было зафиксировано согласование по 2 л. ед. ч. — это явный пример согласования с ближайшим дизъюнктом (15).

(14) *Потом или я, или Ширяев скажем: «Пора».*

[Виктор Некрасов. В окопах Сталинграда (1946)]

(15) *Или я, или ты **положишь** голову на плаху.*

[К.П. Масальский. Стрельцы (1832)]

Корпусные данные показывают, что в большинстве конструкций преобладает согласование по правилам разрешения. Согласование с ближайшим конъюнктом или дизъюнктом встречается в нескольких примерах как для конструкций с союзом *и ... и*, так и для конструкций с дизъюнктивными союзами. Также спорадически возникает согласование по 3 л. мн. ч. Так как на некоторые стратегии согласования нами было обнаружено не так много примеров, экспериментальное исследование представляется перспективным направлением.

3. Экспериментальное исследование

Мы провели четыре эксперимента: эксперименты 1а и 1б направлены на исследование предикативного согласования с сочиненными подлежащими вида *я и X / и я, и X и X и я / и X, и я*, эксперименты 2а и 2б — на исследование предикативного согласования с подлежащими вида *я или X / или я, или X и X или я / или X, или я*. На основе данных предыдущих исследований и корпуса (Разделы 1 и 2) мы выдвинули следующие гипотезы: 1) при союзе *и ... и*, в отличие от союза *и*, возможно согласование с ближайшим конъюнктом; 2) для дизъюнктивных союзов также доступно согласование с ближай-

⁸ Структуры запросов в корпусе: 1) *или + я*, на расстоянии от 1 до 1 от Слова 1 + *или*, на расстоянии от 1 до 1 от Слова 2 + (S | SPRO) & *пом*, на расстоянии от 1 до 5 от Слова 3; 2) *или + (S | SPRO) & пом*, на расстоянии от 1 до 5 от Слова 1 + *или*, на расстоянии от 1 до 1 от Слова 2 + *я*, на расстоянии от 1 до 1 от Слова 3, где S — существительное, SPRO — местоименное существительное, *пом* — именной падеж.

шим конъюнктом; 3) согласование по правилам разрешения возможно для конструкций с дизъюнктивными союзами, в том числе для конструкций с союзом *или ... или*, выражающим строгую дизъюнкцию; 4) согласование по 3 л. мн. ч. приемлемо во всех конструкциях.

Эксперименты проводились на платформе PCIBex [Zehr, Schwarz 2018] с использованием методики оценки приемлемости по шкале 1–7. Набор респондентов осуществлялся через платформу «Яндекс.Толока»; участники разных экспериментов не пересекались. Ответы отдельных респондентов исключались из анализа на основании трех метрик: 1) значительные отклонения ответов этих респондентов на грамматичные и неграмматичные филлеры от предполагаемых оценок и оценок, данных другими респондентами; 2) наличие нескольких «быстрых» ответов (длительность ответа менее 300 миллисекунд); 3) половина или более ответов на контрольные вопросы были неверными (каждый эксперимент включал 4 контрольных вопроса после конкретных 4 грамматичных филлеров).

Мы использовали линейные смешанные модели для статистического анализа результатов. После выбора оптимальной модели мы проводили множественные попарные сравнения при помощи теста Тьюки для условий, включенных в модель. Все предложения содержали переходные глаголы совершенного вида непрошедшего времени и имели порядок слов SVO. Каждый эксперимент включал две независимые переменные: тип союза (обычный/повторяющийся) и тип глагольного согласования (1 л. ед. ч. / 1 л. мн. ч. / 3 л. ед. ч. / 3 л. мн. ч.). Примеры лексикализаций для каждого эксперимента приведены в (16). Каждый эксперимент содержал 32 экспериментальных предложения.

(16) 1а. [Я и Максим / И я, и Максим] [сделаю/сделаем/сделает/сделают] домашнее задание.

1б. [Максим и я / И Максим, и я] [сделаю/сделаем/сделает/сделают] домашнее задание.

2а. [Я или Кирилл / Или я, или Кирилл] [прополю/прополю/прополет/прополют] эту⁹ капустную грядку.

2б. [Кирилл или я / Или Кирилл, или я] [прополю/прополю/прополет/прополют] эту капустную грядку.

Каждый эксперимент включал 16 грамматичных и 16 неграмматичных филлеров. Грамматичные филлеры содержали сочиненную группу в позиции прямого дополнения или не включали ее вовсе.

⁹ Указательное местоимение было добавлено в группу прямого дополнения в экспериментах 2а и 2б с дизъюнктивными союзами в целях попытки зафиксировать у союза *или* интерпретацию строгой дизъюнкции, к которой тяготеет союз *или ... или*.

Неграмматичные филлеры экспериментов 1а и 1б включали ошибку в предикативном согласовании (*Андрей и Федя поймаем крупную рыбу*) или ошибку в атрибутивном согласовании между прилагательным и существительным (*Федя выразит всеобщие недовольство*). Неграмматичные филлеры экспериментов 2а и 2б также содержали ошибку в предикативном согласовании (*Дима или Ваня протрем эту грязную полку*) или ошибку в атрибутивном согласовании между указательным местоимением, прилагательным и существительным (*Артем раскритикует эту плохой картину*).

В эксперименте 1а поучаствовало 79 респондентов (были исключены ответы 6 респондентов), а в эксперименте 1б — 80 респондентов (были исключены ответы 6 респондентов). Результаты обоих экспериментов представлены на рис. 1 в виде графиков взаимодействия. На графике для филлеров мы разделили оценки для двух типов неграмматичных филлеров. Оказалось, что предложения с ошибкой в атрибутивном согласовании получили более высокие оценки по сравнению с предложениями с ошибкой в предикативном согласовании. Возможно, это объясняется тем, что некоторые респонденты были более внимательны к предикативному согласованию и могли пропустить ошибки в атрибутивном согласовании.

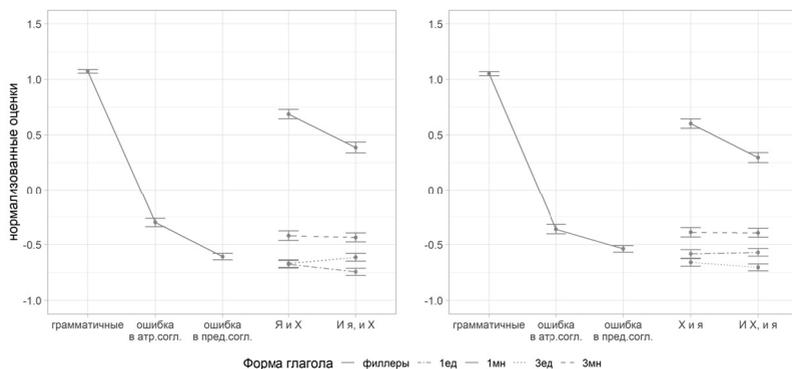

Рис. 1. Эксперименты 1а и 1б: графики взаимодействия

Наиболее высоко в обоих экспериментах оценивается согласование по правилам разрешения, но при повторяющемся союзе оценки для него понижаются ($p = 0,0003$ для эксперимента 1а и $p < 0,0001$ для эксперимента 1б). Согласование по 3 л. мн. ч. оценивается выше, чем неграмматичные филлеры с ошибкой в предикативном согласовании (эксперимент 1а: $p = 0,0003$ для конструкций с союзом *и*, $p = 0,0005$ для конструкций с союзом *и ... и*; эксперимент 1б: $p = 0,004$ для конструкций с союзом *и*, $p = 0,004$ для конструкций с союзом

и ... и). Остальные варианты согласования оцениваются на уровне неграмматичных филлеров.

В экспериментах 2а и 2б поучаствовало по 84 респондента (из эксперимента 2а были исключены ответы 10 респондентов, из эксперимента 2б — ответы 8 респондентов). Результаты обоих экспериментов представлены на рис. 2 в виде графиков взаимодействия.

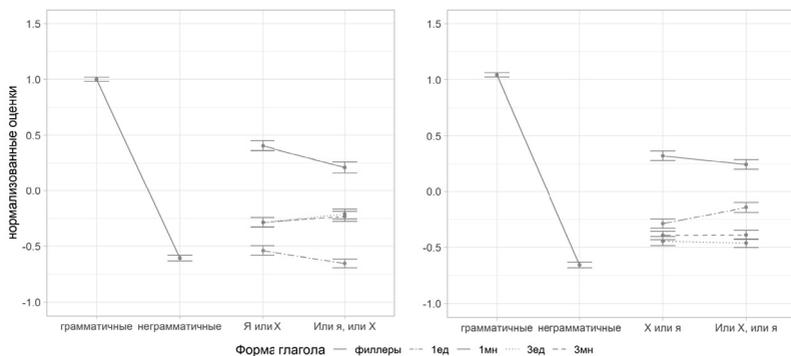

Рис. 2. Эксперименты 2а и 2б: графики взаимодействия

В обоих экспериментах наивысшую оценку получило согласование по правилам разрешения, при этом тип союза оказался незначимым. В обоих экспериментах согласование по 3 л. мн. ч. и 3 л. ед. ч. значимо не различаются. Оценки для согласования по 1 л. ед. ч. в эксперименте 2а значимо не отличаются от оценок для неграмматичных филлеров ($p = 0,1793$ для конструкций с союзом *или*, $p = 0,326$ для конструкций с *или ... или*), но в эксперименте 2б оно оценивается выше неграмматичных филлеров.

Таким образом, большинство выдвинутых нами гипотез было подтверждено результатами экспериментов. Гипотеза 2 о возможности согласования с ближайшим дизъюнктом подтверждается результатами экспериментов 2а и 2б. Гипотеза 3 о приемлемости стратегии согласования по правилам разрешения для конструкций с дизъюнктивными союзами также нашла подтверждение в результатах экспериментов 2а и 2б. Гипотеза 4 о возможности согласования по 3 л. мн. ч. для всех исследуемых конструкций была подтверждена результатами всех экспериментов. Неподтвержденной оказалась гипотеза 1 о том, что в конструкциях с союзом *и ... и*, в отличие от конструкций с союзом *и*, будет проявляться согласование с ближайшим конъюнктом: несмотря на наличие нескольких примеров такого согласования в корпусе (см. раздел 2), эксперименты 1а и 1б показали его неприемлемость.

Дополнительно стоит отметить стратегию согласования по 3 л. ед. ч. в эксперименте 2б, так как она не является стратегией согласования с первым дизъюнктом, поскольку согласование с первым дизъюнктом в эксперименте 2а — согласование по 1 л. ед. ч. — оценивается на уровне неграмматичных филлеров. Подобная стратегия для конструкций *X или я / или X, или я* не была зафиксирована нами в корпусном материале. Тем не менее носители оценивают ее как приемлемую. Такое согласование, как и согласование по 3 л. мн. ч., представляет собой нарушение иерархии лиц и нуждается в дальнейшем исследовании и объяснении.

3. Заключение

С использованием корпусных и экспериментальных данных были исследованы стратегии лично-числового согласования с конструкциями с различными союзами (*и; и ... и; или; или ... или*), в которых элементы различаются по признаку лица. Было показано, что наиболее предпочтительной для всех исследуемых конструкций, включая конструкции с дизъюнктивными союзами, является стратегия согласования по правилам разрешения. Кроме того, для всех типов конструкций приемлемым оказывается согласование по 3 л. мн. ч. Для конструкций с дизъюнктивными союзами обнаруживаются также дополнительные стратегии согласования — это согласование с ближайшим дизъюнктом и (для конструкций *X или я / или X, или я*) согласование по 3 л. ед. ч., которое не является случаем согласования с первым дизъюнктом и которое не было зафиксировано нами в корпусном материале.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белова Д.Д., Давидюк Т.И. Согласование с сочиненным подлежащим, содержащим личное местоимение: экспериментальное исследование на материале русского языка // *Rhema*. Рема. 2023. № 2. С. 53–88.
2. Пекелис О.Е. «Частичное согласование» в конструкции с повторяющимся союзом: корпусное исследование основных закономерностей // *Вопросы языкознания*. 2013. № 4. С. 55–86.
3. Подлесская В.И. Структурная и линейно-просодическая целостность именных групп по данным корпусного исследования: сочиненные и комитативные группы с личным местоимением первого лица в русском языке // *Вопросы языкознания*. 2012. №1. С. 42–65.
4. Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1994.
5. Русская грамматика / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). М., 1980.
6. Corbett G. Resolution Rules: Agreement in Person, Number, and Gender // *Order, Concord and Constituency* / G. Gazdar, E. Klein, G.K. Pullam (eds.). Dordrecht, 1983. P. 175–205.
7. Foppolo F., Staub A. The Puzzle of Number Agreement with Disjunction // *Cognition*. 2020. 198. P. 1–20.

8. *Himmelreich A., Hartmann K.* Agreement with Disjoined Subjects in German // *Glossa*. 2023. 8. P. 1–44.
9. *Keung L., Staub A.* Variable Agreement with Coordinate Subjects Is Not a Form of Agreement Attraction // *Journal of Memory and Language*. 2018. № 103. P. 1–18.
10. *Marušič F., Shen Zh.* Gender Agreement with Exclusive Disjunction in Slovenian // *Acta Linguistica Academica*. 2021. № 68. P. 516–535.
11. *Zehr J., Schwarz F.* PennController for Internet Based Experiments (IBEX). 2018.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. *Савчук С.О., Архангельский Т.А., Бонч-Осмоловская А.А., Донина О.В., Кузнецова Ю.Н., Ляшевская О.Н., Орехов Б.В., Подрядчикова М.В.* Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития // *Вопросы языкознания*. 2024. № 2. С. 7–34.

REFERENCES

1. Belova D.D., Davidyuk T.I. Soglasovanie s sochinennym podlezhashchim, sodershashchim lichnoe mestoimenie: ehksperimental'noe issledovanie na materiale russkogo yazyka [Agreement with Coordinated Subjects Containing a Personal Pronoun: Experimental Data from Russian]. *Rhema*. 2023, no. 2, pp. 53–88. (In Russ.)
2. Pekelis O.E. «Chastichnoe soglasovanie» v konstruktssii s povtoryayushchimsya soyzom: korpusnoe issledovanie osnovnykh zakonomernosti [Partial Agreement with Subjects Linked by a Correlative Conjunction: A Corpus-Based Study of Main Regularities]. *Voprosy jazykoznanija*. 2013, no. 4, pp. 55–86. (In Russ.)
3. Podlesskaya V.I. Strukturnaya i linejno-prosodicheskaya celostnost' imennykh grupp po dannym korpusnogo issledovaniya: sochinennye i komitativnye gruppy s lichnym mestoimeniem pervogo lica v russkom yazyke [Structural, Linear and Prosodic Integrity of NPs: Coordinate and Comitative Constructions with 1st sg Personal Pronouns in Russian (a Corpus-Based Study)]. *Voprosy jazykoznanija*. 2012, no. 1, pp. 42–65. (In Russ.)
4. Rozental' D.E., Dzhandzhakova E.V., Kabanova N.P. *Spravochnik po pravopisaniyu, proiznosheniyu, literaturnomu redaktirovaniyu* [A Guide to Spelling, Pronunciation, Literary Editing]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR, 1994. (In Russ.)
5. Shvedova N. Yu. (ed.) *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Moscow, Izdatel'stvo Nauka, 1980. (In Russ.)
6. Corbett G. Resolution Rules: Agreement in Person, Number, and Gender // G. Gazdar, E. Klein, G.K. Pullam (eds.). *Order, Concord and Constituency*. Dordrecht, Foris, 1983, pp. 175–205.
7. Foppolo F., Staub A. The Puzzle of Number Agreement with Disjunction. *Cognition*. 2020, no. 198. pp. 1–20.
8. *Himmelreich A., Hartmann K.* Agreement with Disjoined Subjects in German. *Glossa*, 2023, no. 8, pp. 1–44.
9. *Keung L., Staub A.* Variable Agreement with Coordinate Subjects Is Not a form of Agreement Attraction. *Journal of Memory and Language*. 2018, no. 103, pp. 1–18.
10. *Marušič F., Shen Zh.* Gender Agreement with Exclusive Disjunction in Slovenian. *Acta Linguistica Academica*. 2021, no. 68, pp. 516–535.
11. *Zehr J., Schwarz F.* PennController for Internet Based Experiments (IBEX). 2018.

SOURCES OF EXAMPLES

1. Savchuk S.O., Arhangel'skij T.A., Bonch-Osmolovskaya A.A., Donina O.V., Kuznetsova Yu.N., Lyashevskaya O.N., Orekhov B.V., Podryadchikova M.V. Nacional'nyj korpus ruskogo yazyka 2.0: novye vozmozhnosti i perspektivy razvitiya [Russian National Corpus 2.0: New Opportunities and Development Prospects]. *Voprosy jazykoznanija*. 2024, no. 2, pp. 7–34. (In Russ.)

Поступила в редакцию 18.04.2024

Принята к публикации 11.06.2024

Отредактирована 23.07.2024

Received 18.04.2024

Accepted 11.06.2024

Revised 23.07.2024

ОБ АВТОРЕ

Давидюк Татьяна Игоревна — аспирант кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; программист НИВЦ МГУ имени М.В. Ломоносова; младший научный сотрудник Института языкознания РАН; rachekit@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Tatiana Davidyuk — PhD student, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; programmer, Research Computing Center, Lomonosov Moscow State University; Junior Researcher, Institute of Linguistics RAS; rachekit@yandex.ru

МЕСТОИМЕНИЕ *ТОТ* В «ГИСТОРИИ УПРАВЛЕНИЯ НАСТОЯЩАГО ИМПЕРИИ ОТТОМАНСКОЙ» П.А. ТОЛСТОГО

В.К. Скрипка

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия;
vkskripka@yandex.ru*

Аннотация: В статье рассмотрено употребление указательного местоимения *тот* в сочинении «Гистория управления настоящего Империи Оттоманской» (рукопись БАН, 31.3.22), которое перевел П.А. Толстой с итальянского языка в начале XVIII в. Найденные примеры употребления *тот* были сгруппированы по синтаксическим и семантическим функциям и сопоставлены с итальянским оригиналом. Если для указательных местоимений *сей, оный, такой* в тексте перевода можно найти относительно устойчивые итальянские параллели, то местоимение *тот* используется для перевода любых итальянских анафорических местоимений, что свидетельствует о его немаркированности в качестве средства анафоры. Указательная группа с *тот* часто выступает эквивалентом сочетания существительного с определенным артиклем, однако в этих случаях в предшествующем тексте можно найти антецедент и местоимение является средством анафоры; если же антецедента не было, то переводчик использовал другие средства перевода. Это может свидетельствовать в пользу того, что указательное местоимение *тот* не было в рассматриваемый период полным аналогом определенного артикля. Во многих случаях *тот* не имеет местоименного соответствия в итальянском тексте, что свидетельствует о его разнообразных грамматических функциях; например, в функции детерминатива оно активно употребляется в русском тексте, являясь средством перевода разных итальянских синтаксических конструкций. Можно выделить устойчивые наречные сочетания и составные союзы, в которые входило местоимение-субстантив *то*; они использовались для перевода однословных итальянских наречий и союзов или сочетаний слов, не имеющих в своем составе указательных местоимений.

Ключевые слова: указательные местоимения; определенный артикль; составные союзы; Петровская эпоха; переводы с итальянского языка; переводческая техника

Финансирование: Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 23-28-00314 «Языковая личность в Петровскую эпоху: П.А. Толстой как переводчик».

Для цитирования: Скрипка В.К. Местоимение *tot* в «Истории управления настоящего Империи Оттоманской» П.А. Толстого // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 4. С. 71–80.

DEMONSTRATIVE *TOT* IN THE HISTORY OF THE PRESENT STATE OF THE OTTOMAN EMPIRE BY PIOTR TOLSTOY

Veronika K. Skripka

Lomonosov Moscow State University, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; vkskripka@yandex.ru

Abstract: The article examines the use of the demonstrative pronoun *tot* in the language of *The History of the Present State of the Ottoman Empire* (manuscript BAN, 31.3.22), which was translated by Piotr Tolstoy from Italian at the beginning of the 18th century. The examples of *tot* are grouped by syntactic and semantic functions and compared to the Italian original. While some Italian-Russian parallels for other demonstratives are merely constant (such as *quello* — *онь*, *questo* — *сеи*, *tale*, *tanto* — *також*), the demonstrative *tot* can be used to translate any Italian anaphoric demonstrative, which indicates that it was being unmarked as a means of anaphora. The noun + *tot* group often serves as the equivalent of a noun with a definite article, but in these cases an antecedent can be found in the preceding text and therefore the demonstrative is a means of anaphora; if an antecedent cannot be found, the translator has to use another grammar construction. This implies that the demonstrative *tot* was not a complete analogue of the definite article. In many cases *tot* does not have a corresponding demonstrative in the Italian text: the fact that reveals the various grammatical functions of *tot*. For example, as a determiner, it is widely used in the Russian text to translate different Italian syntactic constructions; some adverbial collocations and compound conjunctions with *tot* are used to translate Italian adverbs and conjunctions that do not contain demonstratives.

Keywords: demonstrative pronouns; definite article; compound conjunctions; Petrine era; translations from Italian; translation technique

Funding: This research is supported by the Russian Science Foundation, project № 23-28-00314: “Linguistic Personality in the Petrine Era: Peter Tolstoy as a Translator”.

For citation: Skripka V.K. (2024) Demonstrative *tot* in *The History of the Present State of the Ottoman Empire* by Piotr Tolstoy. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 71–80.

В 1702–1714 гг., будучи послом в Константинополе, П.А. Толстой перевел трактат Поля Рико *The Present State of the Ottoman Empire*

[Николаев 2020: 387]. «Гистория управления настоящего Империи Оттоманской» была переведена с итальянского языка и сохранилась в двух рукописях [Пентковская, Шикина 2022]. В качестве материала для анализа употребления указательных местоимений нами была взята рукопись с автографом (предположительно) П.А. Толстого и указанием источника перевода — БАН, 31.3.22 («Преведена с' Италіанскаго на Русскій языкъ Сіяте^лнѣ^иши^м Графо^м <...> Петро^м Андрѣвиче^м Толсты^м в' Царѣградѣ», л. 262 об.). При цитировании этой рукописи после цитаты указан номер листа, сохраняется орфография источника; знаки препинания и заглавные буквы добавлены нами, полужирным шрифтом набрано рассматриваемое местоимение, пунктиром подчеркнуты слово, словосочетание или клауза, к которым отсылает местоимение. Приведены также итальянские параллели, указан номер страницы по изданию [Rusault 1672], сохраняется орфография оригинала.

Система указательных местоимений в языке памятника отличается большим разнообразием: многократно используются местоимения *сей, оный, тот, такой*, реже встречаются *таковой* (например, л. 244 об.), *сицевый* (л. 217, 217 об.) и даже *етот* (л. 219). Во многих случаях можно отметить постоянные соответствия русских местоимений итальянским: так, обычными парами являются *quello* — *оный*; *questo* — *сей*; *tale, tanto* — *такой*, например: **di quel Paese** 243 — **оной страны** 223, **in quel luogo** 249 — **оново мѣста** 225 об., **quelli, che...** 234 — **оные, каторые...** 215 об.; **questo assioma** 233 — **сія пословица** 216, **queste parti** 250 — **сие па^рти^и** 227; **in tal considerazione** 251 — **въ такой надежди** 227 об.; **tali disordini** 255 — **о таки^х нестроенияхъ** 230; **tanti abusi, e tanta licenza** 235 — **такое злоупотреб^ление // і вольность** 217–217 об.

В свете вышесказанного большой интерес представляет роль местоимения *tot*, которое не имеет постоянного соответствия в системе итальянских местоимений. При этом в памятниках XVII — начала XVIII вв. оно численно преобладает над всеми остальными [Майоров 2004: 230].

Местоимение-атрибутив *tot* в тексте «Гистории» в анафорической функции может заменять разные итальянские местоимения: и *questo*, и *quello*, и *tale*:

Царство Египетское в^ручено дв^надесятимъ бѣямъ <...> кожды **ис техъ беевъ...** 229 (**di questi Bei** 254);

Паши... имѣють драки, подобные бунтамъ лета 1664 <...> оныя смущения такъ **в то время** умножились, что могли произойти въ бунт^ь 229 об. (**in quel tempo** 255);

Заимы свободѣются о^Т служѣбы мо^Рскои дене^Жнымъ число^М, въ кн̄ га^Х са^Лтанскихъ написанны^М. **Тѣми денѣгами** платятъ неско^Лко са^Лдать 220 (**di tal denaro** 239).

Такая универсальность местоимения *tot* может быть объяснена тем, что оно выступает в качестве средства нейтральной анафоры и не маркировано по признаку близости к говорящему. В этом состоит его отличие от современного русского литературного языка, в котором «местоимение *tot* выражает дальнюю анафору (“дальняя” здесь не связано с пространством, имеется в виду “психологическое” расстояние)» [Падучева, §2.1.1].

Встречаются и контексты, в которых указательная группа с *tot* не имеет соответствия в исходном тексте:

Особы знатные и³ турокъ, которые **на тои акціи** пропали: и³маиль <...> 254 (*Le persone di qualità, che perderono li Turchi, sono Ismael* 287).

Ранее в тексте описывается поражение турок; не употреблено существительное, которое можно было бы считать антецедентом указательной группы. Видимо, при помощи установления анафорической связи указательной группы с описанной прежде ситуацией П.А. Толстой пытался разрешить неопределенность итальянского текста.

В случаях, когда в оригинальном тексте употреблен определенный артикль, он также может переводиться при помощи *tot*, если до этого рассматриваемый предмет был упомянут и местоимение могло бы выступить в анафорической функции:

Цар̄ство Египет̄ц<к>ое в̄ручено двѣнадцатимъ бѣямъ... Сіи двенатцать беевъ — двенатцать капитановъ, которые имѣють по^Л своею кома^Ндою дватцать тысящъ члв̄къ к̄валеріи на и^Ждивениі **тои страны** 229 (*mantenuti à spese del paese* 254);

<...> приехали мы въ **Θилипо**//по^Л. <...> Греки с̄уть такъ просты і̄ неучены, которые **въ томъ горо^Дѣ** родились 257 (*che sono nati nella Città* 290).

Однако, видимо, для переводчика указательное местоимение не являлось в полной мере аналогом определенного артикля, поэтому, если в предшествующем тексте не содержался антецедент и невозможно было установить анафорическую связь, одного указательного местоимения не было достаточно для передачи смысла исходного выражения и переводчику приходилось добавлять некоторые пояснения от себя, например в виде придаточного предложения:

<...> которые бѣрутъ жалова^нные грамоты о^т бѣгле^рбеовъ **тои страны**, въ которой о^брѣтаются 219 об. (li quali prendono le loro lettere dal Beiglerbeij **del Paese** 238).

В приведенном предложении местоимение отсылает не к предшествующему тексту, а к придаточному предложению, то есть выполняет роль соотносительного слова, или детерминатива: помечает вершину рестриктивного придаточного предложения (термин «детерминатив» заимствован нами из «Русской корпусной грамматики» [Холодилова 2017]).

Местоимение-атрибутив *tot* регулярно употребляется в функции детерминатива. В этой роли в итальянском тексте обычно выступает местоимение *quello*, которое в большинстве случаев переводится Толстым как субстантивированный атрибутив *оний*:

Сѡные, которые сѣтъ взяты із малья іли и³ большіе камары дому са^птанского 232 об. (**Quelli** che sono cauati dalla picciola, ò gran Camera del Serraglio del Gransignore 258).

Однако вместо *оний* в качестве перевода *quello* в этой функции встречается указательная группа с *tot*, в которую существительное добавлено переводчиком исходя из смысла:

Онѣя имения сѣло умножаются промысломъ и хитростию о^бладатели, того ради са^птанъ онѣими дарить другихъ **в' тои ценѣ**, въ которой о^брель 222 об. (il Principe gli dona ad'altri **per quello** che vagliano effettivamente 241).

Местоимение *tot* в функции детерминатива используется Толстым, даже если в итальянском тексте в качестве вершины придаточного предложения употреблена не указательная группа, а сочетание существительного с определенным артиклем:

<...> для исполнения **те^x людей**, которыхъ повинны с собою привести 222 (per riempire il numero **de gli huomini**, che sono obbligati à corrispondere 240);

<...> упо^требляютъ онѣя ядра **в' те^x фо^ртецахъ**, которые естъ при море 246 об. (non si seruono di quelle Palle, saluo che **nelle Castelli**, che sono sopra il Mare 278);

Тоѣ ноци, когда войско турецкое перешло чре³ рекъ 252 об. (**La notte** dopo che l'armata de Turchi hebbe passato il Fiume 285);

<...> для воровъ, которые имѣють тамъ многіе пещеры таинные и не боят^ся нимало **те^x людей**, которые на нихъ посылают^ся 257 об. (li Malandrini <...> che non temono punto **le Truppe**, che sono inuiate contro di loro 290).

Местоимение — субстантивированный атрибутив *tot* (термин Е.В. Падучевой [Падучева]) используется практически исключительно

но в функции детерминатива, в соответствии с *quello, colui* или в других конструкциях без прямого местоименного коррелята, обозначающая людей:

<...> бросалися бє³ра³судно въ во^ду. И каторые не умели плава^т, х^вталися за те^х, каторые умели 253 об. (Quelli che s'affogauano, si afferrauano à **quelli**, che sareuano nuotare 286);

<...> по мл^сти вези^рской или **того**, у каво бываютъ регистры жалованья 232 об. (per fauore del Visir, ouero **di colui** che tiene li registri 258);

<...> продать **том**х, кто болши дастъ дн^гъ 228 об. (vende à chi gli da più 253).

Местоимение-субстантив среднего рода *то*, как и местоимение *это* в современном русском языке, в анафорической функции может отсылать к прежде упомянутой ситуации и часто не имеет прямого местоименного соответствия в итальянском тексте:

[описывается поражение турок] <...> было незадо^лто пре^д тем^ь по^лное зат^мение луны (**то** всегда не^счастливо т^уркам^ь) 254 — vn Ecclesisse di tutta la Luna intiera era accaduta **vn poco auanti** (**ch**'è sempre fatale alli Turchi) 287.

В этой функции местоимение *то* регулярно используется для перевода итальянских наречий, образуя с другими словами наречные сочетания: пре^жде тово 228 — **prima** 252, пре^жде того 243 — **all'ora** 271; ме^жд^у тем^ь 235 — **in tanto** 261; против^но то^{му} 243, том^х проти^в 243 об. — **al contrario** 273 (дважды).

Более 40 раз используется Толстым наречное сочетание *того ради*, распространенное еще в древнерусских текстах (например, в «Пчеле», по данным Древнерусского корпуса, оно употреблено 12 раз [Национальный корпус русского языка]). С его помощью Толстой переводит разные итальянские наречия и союзы: **того ради** 221, 239 об., 242 об., 246 — **onde** 240, 266, 271, 277; **того ради** 244 — **però** 272; **того ради** 234 об. — **perche** 260; **того ради** 231 об, 248 об. — **così** 258, 280 — или же он добавляет *того ради* для прояснения смысла, без соответствия в оригинале:

<...> их^ь жалованье не дово^лно им^ь к соде^ржанию себя и свои^х оомилеи, **того ради** им^ь по^зволено прил^тжать ко вс^яком^у ремесл^у 243 (la loro paga non è basteuole per mantenerli, e sostentar le loro famiglie, e loro è permesso d'applicarsi à lauorare in ogni mestiere 273);

<...> выиграла баталию. И **того ради** въ во^здаяние такой знатной услуги <...> 231 (poterono chiamarsi vincitori della battaglia. In ricompensa d'vn seruiggio così segnalato 257);

<...> імператори отама^нские были принуждены дать великие привилегии са^лдатамъ и во^буждать о^т времени до времени в^них смѣлость во^даяниемъ и знаками чести и **того ради** были принуждены о^тпускать имъ погрешения 243 (gli Imperadori sono stati costretti à donare gran priuilegij alli soldati, ed eccitare di tempo in tempo il loro coraggio con ricompense, con segni d'onore, e con vna forzata indulgenza, de loro delitti 271).

В функции детерминатива местоимение *то* в качестве вершины придаточного предложения отсылает к ситуации, описанной в придаточном предложении:

Жены <...> не пріе^млють и не де^ржатъ прое^жихъ никогда, кроме **того**, когда ихъ м^жья бывають в поле 257 об. (ne trattengono li forastieri, solo all'ora, che li loro Mariti sono alla Campagna 291).

Особый интерес вызывает местоимение *то* в таких сочетаниях слов, которые в грамматике современного русского языка принято называть составными союзами [Апресян, Пекелис, §2.1.1]. Эти сочетания используются Толстым для перевода итальянских подчинительных союзов: **за темъ что** 222 об. — **perche** 241; **для того что** 246, 259 — **perche** 277, 292; **для того чтобъ** 232 — **à fine che** 258; **ме^жду те^м когда** 255 — **mentre** 288; **после того какъ** 259 — **dopo che** 292; **кромѣ того что** 220, 259 об. — **oltre che** 238, 293; **кромѣ того что** 242 — **fuorche** 270 — или для перевода конструкций с предлогами, которые в русском тексте передаются с помощью придаточных предложений:

Сие салтанъ чинить **для того, что^б** не былъ в^то^м обманутъ // и плати^л бы жалованье нап^расно уме^пшимъ 232об.-233 (Il Gransignore fa ciò **per** non esser ingannato à continuare à pagare 259);

Говорять о^б нихъ, что имѣють свое начало о^т реки Волги и, **вместо того что^б** и^х на^звать волгорами, на^званы бо^лгары 256 (Si dice che vengono per origine dalle Terre, che sono oltre il Fiume Volga, e che per corruzione si chiamano Bulgari, **in luogo di** Volgari 289);

<...> **вмѣсто тово что^б** ра^здели 227об. (**in luogo di** partirle 250).

Такие сочетания с субстантивом *то*, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что в русском языке на рубеже XVII–XVIII вв. уже были представлены отдельные составные союзы, которые могли мыслиться как эквиваленты союзов в других языках. Например, употребление местоименного коррелята, который впоследствии станет частью составного союза *для того чтобы*, фиксируется только в памятниках начиная с XVII в. [Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение, 1979: 239].

Подводя итог, можно сказать, что местоимение *тот* (*то*) преимущественно используется в анафорической функции, которая была ему свойственна и в древнерусский, и в среднерусский период [Галинская 2015: 296–299]. Выбор его в качестве переводческого эквивалента для любого анафорического местоимения, а также в случаях, где в оригинальном тексте нет указательного местоимения (употреблено существительное с определенным артиклем или параллель вообще отсутствует), говорит о том, что местоимение мыслилось как показатель нейтральной, немаркированной анафоры.

Местоимение-атрибутив *тот* нельзя назвать полным аналогом определенного артикля, так как оно предстает скорее в анафорической функции и требует антецедента в предшествующем тексте. В случаях же, когда антецедента нет, переводчик считает необходимым добавлять пояснения. В этом есть сходство с употреблением местоимения в деловой письменности, где можно говорить об артиклевой функции, но не о превращении местоимения *тот* в артикль [Скрипка 2023].

В функции детерминатива и атрибутивы, и субстантивы *тот* (*то*) активно употребляются вслед за итальянским оригиналом (являясь переводом местоимения *quello* в этой же функции) либо добавлены переводчиком исходя из грамматических требований, которые задает русская фраза, и не имеют местоименного коррелята в итальянском. На наш взгляд, в некоторых случаях можно говорить о том, что указательное местоимение входит в состав неоднословных наречий и составных союзов, выступающих как постоянная и наиболее точная параллель для итальянских наречий и союзов, которые не содержат в качестве одного из элементов указательных местоимений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян В.Ю., Пекелис О.Е. Союз. [Электронный ресурс]. URL: <http://rusgram.ru/Союз> (дата обращения 18.01.2024).
2. Галинская Е.А. Историческая грамматика русского языка. Фонетика. Морфология. М., 2015.
3. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение / Под ред. акад. В.И. Борковского. М., 1979.
4. Майоров А.П. Указательные местоимения *сей, тот, оной, этот* в деловом языке XVII–XVIII вв. // Русский язык в научном освещении. 2004. № 2 (8). С. 224–239.
5. Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения 18.01.2024).
6. Николаев С.И. Титульный лист русского издания *Монархии Турецкой* 1741 года // Fons omnis honesti — o literaturze w służbie wartości: tradycja antyczna,

kultura ziemiańska, encyklopedyzm i komunikacja („Analecta Literackie i Językowe”, t. XIV). / red. M. Kuran. Łódź, 2020. С. 385–391.

7. *Paducheva E.V.* Указательные местоимения. [Электронный ресурс]. URL: http://rusgram.ru/Указательные_местоимения (дата обращения 18.01.2024).
8. *Пентковская Т.В., Шикина Е.В.* Петр Толстой и Савва Рагузинский как переводчики Петровской эпохи: языковые сходства и различия. Часть 1 // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2023. № 6. С. 9–18.
9. *Скрипка В.К.* Артиклевая функция указательного местоимения *totъ* в южнорусской деловой письменности XVII в. // Филология и культура. *Philology and Culture*. 2023. № 4 (74). С. 87–91.
10. *Холодилова М.А.* Относительные придаточные // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Выпуск II. Синтаксические конструкции и грамматические категории / Под ред. В.А. Плунгяна, Н.М. Стойновой. М., 2017. С. 205–279.
11. *Ryscault P.* *Istoria dello Stato Presente dell'Imperio Ottomano*. Venetia, 1672.

REFERENCES

1. *Apresyan V.Yu., Pekelis O.E.* *Soyuz* [Conjunction]. URL: <http://rusgram.ru/Союз> (accessed: 18.01.2024). (In Russ.)
2. *Galinskaya E.A.* *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Fonetika. Morfologiya* [Historical Grammar of the Russian Language. Phonetics. Morphology]. Moscow, *Lenand Publ.*, 2015. 416 p. (In Russ.)
3. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Sintaksis. Slozhnoe predlozhenie* [Historical Grammar of the Russian Language. Syntax. Compound Sentence]. Ed. V.I. Borkovskii. Moscow, *Nauka Publ.*, 1979. 459 p. (In Russ.)
4. *Maiorov A.P.* Ukazatel'nye mestoimeniya *sei, tot, onoi, etot* v delovom yazyke XVII–XVIII vv. [Pronouns *sei, tot, onoj, etot* in the Business Language of 17th–18th Cent.]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2004. № 2 (8), pp. 224–239. (In Russ.)
5. *Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [National Corpus of the Russian Language]. URL: <http://ruscorpora.ru> (accessed 18.01.2024). (In Russ.)
6. *Nikolaev S.I.* Titul'nyi list russkogo izdaniya *Monarkhii Turetskoi* 1741 goda [Title Page of the Russian Edition of *the Turkish Monarchy* 1741]. *Fons omnis honesti — o literaturze w służbie wartości: tradycja antyczna, kultura ziemiańska, encyklopedyzm i komunikacja* („Analecta Literackie i Językowe”, vol. XIV). Ed. M. Kuran. Łódź, *Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego*, 2020, pp. 385–391. (In Russ.)
7. *Paducheva E.V.* *Ukazatel'nye mestoimeniya* [Demonstrative Pronouns]. URL: http://rusgram.ru/Указательные_местоимения (accessed 18.01.2024). (In Russ.)
8. *Pentkovskaya T.V., Shikina E.V.* Piotr Tolstoy and Savva Raguzinsky as Translators of the Petrine Era: Language Similarities and Differences. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, 2023, no. 6, pp. 9–18. (In Russ.). Doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-06-1.
9. *Skipka V.K.* The Article Function of the Demonstrative Pronoun *tot* in South Russian Documents of the 17th Century. *Philology and Culture*. 2023, № 4 (74), pp. 87–91. (In Russ.). Doi: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-87-91.
10. *Kholodilova M.A.* Otnositel'nye pridatochnye [Relative Clauses]. *Materialy k korpusnoi grammatike russkogo yazyka. Vypusk II. Sintaksicheskie konstruktсии i grammaticheskie kategorii* [Materials for a Corpus Grammar of the Russian Language. Issue II. Syntactic Constructions and Grammatical Categories]. Ed. V.A. Plungyan, N.M. Stoinova. Moscow, *Nestor-Istoriya Publ.*, 2017, pp. 205–279. (In Russ.).

11. Rycault P. *Istoria dello Stato Presente dell'Imperio Ottomano. Venetia, Combi & La Nou*, 1672. (In Italian)

Поступила в редакцию 19.02.2024
Принята к публикации 11.06.2024
Отредактирована 23.07.2024

Received 19.02.2024
Accepted 11.06.2024
Revised 23.07.2024

ОБ АВТОРЕ

Скрипка Вероника Константиновна — аспирант кафедры русского языка филологического факультета имени М.В. Ломоносова, младший научный сотрудник отдела лингвистического источниковедения и истории русского литературного языка Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН; vkskripka@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Veronika Skripka — PhD Student, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Junior Researcher, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences; vkskripka@yandex.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПОЛНЫХ И КЛИТИЧЕСКИХ ФОРМ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В СЛОВЕНСКИХ ДИАЛЕКТАХ

М.М. Громова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; marija.gromova@list.ru*

Аннотация: В работе проанализировано и картографировано архаическое явление современного словенского диалектного синтаксиса — использование полных форм личных местоимений там, где современный словенский литературный язык предполагает клитические формы. Материалом послужили записи диалектной речи объемом 2505 страниц из 288 населенных пунктов.

Определяются сферы функционирования местоименных клитик в современном словенском литературном языке. Рассматривается история и причины функционального противопоставления полных и клитических форм личных местоимений. Перечисляются позиции клитик в предложении и правила их кластеризации в современном литературном языке, разговорной речи и диалектах.

Отмечается, что, как правило, в словенских диалектах у полных форм личных местоимений в функции кратких нет варьирования синтаксической позиции: они встречаются или только в позиции клитик, или только вне ее. Безотносительно позиции полные формы Acc и Gen личных местоимений ед. ч. в функции кратких встречаются реже и на меньшей территории, чем полные формы Dat.

Очерчиваются ареалы бытования полных форм личных местоимений в функции кратких. Вне позиции клитик они образуют дисперсный ареал в диалектах юго-запада, а в позиции клитик формируют четыре боковых ареала разного размера и плотности. Это сплошной ареал на востоке с ядром в прекурском диалекте, плотный северный ареал с ядром в рожанском диалекте, компактный ареал с ядром в посавском диалекте и точечный ареал на юге, в костелском диалекте.

Делается вывод, что данные современных словенских диалектов не отражают относительную хронологию возникновения местоименных клитик, а представляют собой множество отдельных микросистем на разных стадиях формирования дихотомии полных и клитических форм личных местоимений.

Ключевые слова: словенский язык; диалектный синтаксис; местоименные клитики; личные местоимения; история словенского языка; словенские диалекты; относительная хронология; клитики, лингвогеография, словенские клитики

Для цитирования: Громова М.М. Функционирование полных и клитических форм личных местоимений в словенских диалектах // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 4. С. 81–90.

FUNCTIONING OF FULL AND CLITIC FORMS OF PERSONAL PRONOUNS IN SLOVENIAN DIALECTS

M.M. Gromova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; marija.gromova@list.ru

Abstract: The purpose of the paper is to describe the use of full forms of personal pronouns in the function of clitic ones in Slovenian dialects, which is an archaic phenomenon of modern Slovenian dialect syntax. Our tasks included mapping this phenomenon on the basis of the 2505 pages of dialect speech records we analyzed, made by Slovenian researchers and dialect speakers.

It is noted that, as a rule, in Slovenian dialects, the full forms of personal pronouns in the function of short ones do not vary in syntactic position: they are found either only in the clitic position, or only outside it. Regardless of position, the full accusative and genitive forms of singular personal pronouns in the function of short ones are found less frequently and in a smaller area than the full dative forms.

The result of the research is a map of the phenomenon in question and its detailed description. The areas of full pronoun forms in the function of short ones are outlined. Outside the clitic position they form a dispersed area in the South-West dialects, and in the clitic position they form four lateral areas of different sizes and densities. This is a continuous eastern area with a core in the Prekmurje dialect, a dense northern area with a core in the Rosen Valley dialect, a compact area with a core in the Lower Sava Valley dialect and a dotted southern one in the Kostel dialect.

It is concluded that the data of modern Slovenian dialects do not reflect the relative chronology of the emergence of pronominal clitics. There are many separate microsystems in dialects in which the dichotomy of full and clitic pronoun forms is at different stages of formation.

Keywords: Slovenian language; dialect syntax; pronominal clitics; personal pronouns; history of the Slovenian language; Slovenian dialects; relative chronology; clitics, language geography; Slovenian clitics

For citation: Gromova M.M. (2024) Functioning of Full and Clitic Forms of Personal Pronouns in Slovenian Dialects. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 81–90.

В работе проанализировано и картографировано архаическое явление современного словенского диалектного синтаксиса — использование полных форм личных местоимений там, где современный словенский литературный язык (далее ССЛЯ) предполагает исключительно их краткие (клитические) формы.

Материалом исследования послужили расшифровки спонтанной речи носителей всех словенских диалектов (за исключением баньшицкого субдиалекта и смешанных кочевских говоров) из 288 населенных пунктов на территории Словении и соседних стран. Нами проанализированы записи диалектной речи общим объемом 2505 страниц из 107 научных работ (монографии, диссертации и сборники статей словенских диалектологов, курсовые и дипломные работы студентов Люблянского и Мариборского университетов и т. д.) и синтаксически достоверных научно-популярных сборников серии Glasovi, составленных носителями соответствующих диалектов. Мы не имеем возможности сослаться на эти источники, так как библиографический аппарат в таком случае вдвое превысил бы объем самой работы.

В 1891 г. была опубликована первая работа, посвященная словенским клитикам и до сих пор не утратившая актуальности, — первая часть монографии Матии Мурко «Enklitike v slovenščini» [Murko 1891]. Мурко формулирует принцип дистрибуции полных и клитических форм личных местоимений, указывает их диалектные и архаичные литературные варианты, рассматривает региональные (восточно- и западнословенские) варианты кластеризации клитик в живых словенских диалектах.

К настоящему моменту словенская диалектология располагает значительным корпусом описаний отдельных говоров. Как правило, в них имеется более или менее подробный раздел синтаксиса, однако в силу неразработанной методологии он весьма избирательно отражает особенности функционирования клитик.

Во второй и последней на настоящий момент работе, обобщающей и систематизирующей особенности порядка слов в различных группах словенских диалектов [Zuljan Kumar 2008], не анализируется употребление полных и кратких форм личных местоимений. Вопросник Словенского лингвистического атласа предполагает только морфологические карты этих форм (вопросы V827–V829). Системного исследования местоименных клитик на всей словенской языковой территории до сих пор нет. Настоящая работа имеет целью восполнить этот пробел.

В ССЛЯ полные и краткие (клитические) формы личных местоимений функционально строго разграничены, причем маркированным членом оппозиции являются полные формы. Только они могут вступать в сочинительную связь, находиться под логическим ударением и быть частью предложно-падежных сочетаний:

(1) *Vidim Tjašo in tebe*_{Pron.2Sg.Acc} ‘Я вижу Тьяшу и тебя’.

**Vidim Tjašo in te*_{Pron.2Sg.Acc}.

(2) *Vabim Tjašo, njega*_{Pron.3Sg.Gen} *pa ne* ‘Я приглашаю Тьяшу, а его — нет’.

**Vabim Tjašo, ga*_{Pron.3Sg.Gen} *pa ne*.

(3) *K meni*_{Pron.1Sg.Dat} *je prišla kolegica* ‘Ко мне пришла коллега’.

**K mi*_{Pron.1Sg.Dat} *je prišla kolegica*.

Функции местоименных клитик, таким образом, можно определить от противного: клитические формы местоимений не вступают в сочинительную связь, не могут принимать логическое ударение и быть частью предложно-падежных сочетаний (за одним исключением: краткие формы Асс личных местоимений ед. ч. и возвратно-личного местоимения *se* образуют с управляющим предлогом проклитико-энклитический блок с ударением на первом слоге: *náme* ‘на меня’ < *na me*, *záte* ‘для тебя’ < *za te*, *záse* ‘для себя’ < *za se*).

Тем не менее, в живой речи эта дихотомия не является строгой. Так, словенский исследователь Боштъян Дворжак упоминает на востоке словенской языковой территории (Прекмурье, Штирия) ослабление функционального различия полных и клитических местоименных форм, а также отмечает в неформальной речи жителей крупных словенских городов полные формы местоимений там, где можно было ожидать появления клитик, объясняя это характерным для разговорной речи стремлением усилить каждый элемент предложения:

(4) *Jest sem teb'*_{Pron.2Sg.Dat} *že reku, de ti mene*_{Pron.1Sg.Acc} *zajebavaš* ‘Я тебе уже сказал, что ты **надо мной** издеваешься’;

(5) *Povej ti nêmu*_{Pron.m.3Sg.Dat} / *mên*_{Pron.1Sg.Dat} *kaj zdej misl'š* ‘Скажи ты **ему/мне**, что думаешь’ [Dvořák 2007: 228].

Функциональное противопоставление клитических и полных местоименных форм формировалось на протяжении XVI в., во время бурной перестройки морфологической системы словенского языка, и связано с последовательной контаминацией форм Gen и Асс личных местоимений. Формы Асс личных местоимений 1Sg и 2Sg (*me* < **mę*, *te* < **tę*) и возвратно-личного местоимения (*se* < **se*), первоначально употреблявшиеся и как клитики, и как полноударные словоформы, утратили способность принимать ударение и стали клитиками Асс и Gen, в то время как формы Gen (*mene*, *tebe*), первоначально не имевшие кратких аналогов, стали полными формами Асс и Gen. В дательном падеже формальное противопоставление полных и кратких местоимений изначально присутствовало только у личных местоимений 1Sg и 2Sg и возвратно-личного местоимения. Для текстов этого периода характерно употребление полных форм местоимений при отсутствии логического ударения и без предлога,

то есть в условиях, требующих в ССЛЯ клитических форм. Синтаксически эти формы клитиками не являются:

(6) Мф. 3: 15 *Natu je on njemu_{Pron.3Sg.m.Dat} rěrupuŕtil* ‘Тогда Иоанн отпускает **Его**’ (Библия Юрия Далматина, 1584 г.). — ср.: *Tedaj mu_{Pron.3Sg.m.Dat} je rupuŕtil* (Стандартный перевод Библии, 1997 г.).

В ССЛЯ полные и клитические формы личных местоимений противопоставлены и синтаксически: место полной формы зависит от ее синтаксической роли, в то время как место и порядок клитик в предложении определены строгими правилами.

Если в предложении несколько клитик, они группируются в кластер, который функционирует как единое целое, не может быть разбит не-клитикой, располагается в предложении на том же месте и подчиняется тем же правилам, что и единичная клитика. Порядок клитик в кластере строго определен:

1. Формы Praes глагола *biti* ‘быть’ (кроме Praes.3Sg) и показатель Conj *bi*;

2–3. Краткие формы Dat и Acc возвратно-личного местоимения *sebe*, а также омонимичные им возвратные частицы *si* и *se*, входящие в состав глаголов;

4–6. Краткие формы Dat, Acc и Gen личных местоимений;

7. Формы Fut и Praes.3Sg глагола *biti*.

По диалектам, а также в разговорном языке наблюдается тенденция к подъему глагольных клитик Fut и Praes.3Sg из абсолютного конца кластера в его начало. Но если подъем форм Fut представляет собой масштабное явление (подробнее см. [Громова 2023]), клитики Praes.3Sg поднимаются в начало кластера исключительно редко. Таким образом, они могут служить надежной границей конца кластера: если полная местоименная форма расположена справа от формы Praes.3Sg глагола *biti*, она совершенно точно не занимает позицию клитики.

В простом предложении место клитики (или кластера клитик) находится после первой ударной составляющей; для клитик главной части сложного предложения, расположенной после придаточной, такой составляющей является вся придаточная часть. Кроме того, в разговорной речи и в диалектах по всей Словении клитики регулярно располагаются в абсолютном начале предложения, а по диалектам местоименные клитики могут также стоять в контактной постпозиции к *l*-причастию (при этом не являясь частью кластера). Применительно к диалектному синтаксису мы называем **позиция-ми клитик** все эти позиции.

В современных словенских диалектах у полных форм личных местоимений в функции кратких, как правило, нет варьирования синтаксической позиции: в 285 из 288 исследованных нами населен-

ных пунктов они встречаются или только в позиции клитик, или только вне ее. Исключения единичны — это три пункта в восточно-доленском говоре, на южной границе нотраньского диалекта приморской группы и на северной границе гореньского диалекта.

Полные формы личных местоимений в функции кратких **вне позиции клитик** образуют дисперсный ареал в диалектах юго-запада — гореньских, приморских и доленских (см. рис. 1):

(7) Nə, in un je_{Aux.Praes.3Sg} **məp**_{Pron.Sg1.Dat} riekū: »Puor, kuk ra ti nusaš gnarje?« 'Ну, и он **мне** сказал: «Парень, деньги нужны?»' (Драга, восточнодоленский говор)

При этом формы Асс сосредоточены на северо-западной границе ареала — они отмечены единичными примерами в одном пункте на севере обсочского диалекта приморской группы и в двух пунктах на севере гореньского диалекта:

(8) Šeđ je 'du: »Səm_{Aux.Praes.1Sg} '(m)u ŋk'ret d'no,« je d'joŋ , »'xe:;j, še »**nùo**_{Pron.Sg3.f.Acc} səm_{Aux.Praes.1Sg} pa kar xmə:u poštēdiēru,« je d'joŋ ... »al bùo zē ná:šo xí:šo al 'ne...« Он сказал: «Была у меня как-то одна, — говорит, — я **ее** быстро раскусил, придется она ко двору или нет...»' (Бавшица, обсочский)

ССЛЯ: Je del: «Sem imel enkrat eno,» je del, «sem_{Aux.Praes.1Sg} **jo**_{Pron.Sg3.f.Acc} pa kar kmalu poštudiral, ali bo za našo hišo ali ne...» (здесь и далее перевод примера на ССЛЯ приводится, если он есть в источнике)

Иную картину дают полные формы личных местоимений в **позиции клитик**, реализующие переходный этап от состояния, зафиксированного в языке XVI в., к современной литературной норме. Они отмечены в четырех боковых ареалах разного размера и плотности.

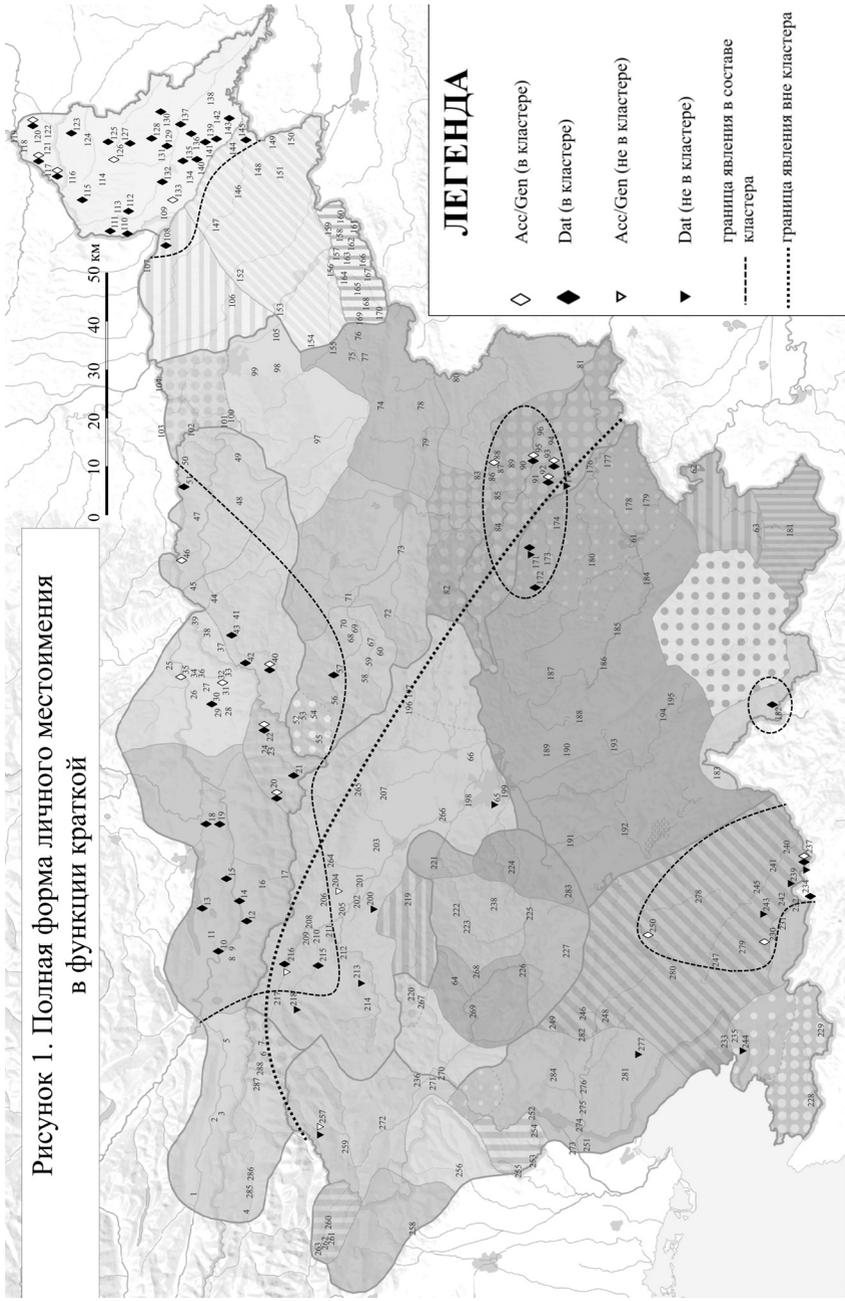
Сплошной ареал на восточной границе словенского языкового пространства охватывает прекмурский диалект и соседние пункты словенскогоричского и прлекийского диалектов паннонской группы; его ядром является прекмурский диалект на территории Словении:

(9) Tou Sakalovec eden **mēna**_{Pron.1Sg.Dat} aštja v Meritja pravo 'Человек из Сакаловец **меня** в Америке аштъяком назвал' (Штевановци, прекмурский).

ССЛЯ: Človek iz Sakalovec **mi**_{Pron.1Sg.Dat} je_{Aux.Praes.3Sg} aštjak v Ameriki rekel.

Плотный северный ареал с зоной наибольшей частотности в рожанском диалекте охватывает большую часть диалектов каринтийской группы (кроме зильского на западе и части севернопохорско-ремшникского на востоке), север гореньского диалекта и один пункт верхнесавиньского диалекта штирийской группы на периферии (солчавский говор при этом не захвачен):

**Рисунок 1. Полная форма личного местоимения
в функции краткой**

© Институт славолюпной языка им. Фриды Рихардс ИнИЦ РАН, Географический институт им. А.М.Никифорова ИнИЦ РАН, Институт этнолингвистики и виртуальных исследований ИнИЦ РАН, 2016
Источники: сборники статей Филологического факультета Ростовского государственного университета, Управления культуры Ростовской области, Государственного института Славянской культуры

- (10) ?ə sə tã:u geni:xc ti:, sə_{Aux.Praes.3Pl} pri:ədu ə'rhlə_{1-PTC} 'jomə_{Pron.3Sg.m.Dat} má:ma, 'nit 'Потому что ты бездельник, — выговаривала **ему** мама, ага' (Клагенфуртская котловина, рожанский).

ССЛЯ: Ker si brezdelnež — so_{Aux.Praes.3Pl} **mu**_{Pron.3Sg.m.Dat} očitali mama, ne.

Компактный ареал с ядром в севничко-кркском говоре посавско-го диалекта штирийской группы вторгается в соседний восточно-доленьский говор доленьской группы:

- (11) Ou, sm rjekla, naben na vej, kakou je_{Aux.Praes.3Sg} mjen_{Pron.1Sg.Dat}! Kakou **mjene**_{Pron.1Sg.Acc} hrbtenica bulij! 'Ох, — говорю, — кто бы знал, как **мне** худо! Как у **меня** позвоночник болит!' (севничко-кркский говор посавского диалекта)

Еще один компактный дисперсный ареал расположен на юго-западе — в нотраньском диалекте приморской группы:

- (12) Zli, zli to vuódo će, ki_{COMP} **mene**_{Pron.Sg3.f.Acc} pèče 'Лей, лей воду сюда, где у **меня** жжет' (Хрушица, нотраньский).

- (13) I tamo **njoj**_{Pron.Sg3.f.Dat} je_{Aux.Praes.3Sg} lepši položaj, ako gledamo 'И там **ей** лучше, если посмотреть' (Шапьяне, нотраньский).

Также отмечен точечный ареал на южной границе словенского языкового пространства — в костелском диалекте доленьской группы, — причем единственный пример в этом ареале демонстрирует дублирование полной и клитической форм личного местоимения Sg1.Dat (местоименную репризу):

- (14) A 'u:ni g'li:da, p'ra:vi: »'Kaj mi boš tisto 'doč ! 'Za:kaj bi_{Conj} **mi**_{Pron.Sg1.Dat} **mje:ni**_{Pron.Sg1.Dat} tu 'doč ?« 'А он смотрит и говорит: «Ты мне это дашь! Зачем бы тебе давать **мне** это?»' (Хрватско при Осилници)

Полные формы Асс и Ген личных местоимений ед. ч. в позиции клитик редки, а территория их употребления меньше, чем у форм Dat. В каринтийском и штирийско-доленьском ареалах преобладают формы Асс личного местоимения 1Sg, в паннонском же отмечены только формы Асс местоимений 3Sg.m и 3Sg.f:

- (15) 'Ve:ī pa 'viš, ka s've:ti 'Peter 'tö 'ne:ī 'sâm 'tisto 'ofco 'bujo, s'tera 'naga_{Pron.3Sg.m.Acc} š'ki:pnila, 'se, 'se je dojs'poklo, 'ne:ī? 'Знаешь ведь, что святой Петр не только ту осу убил, что **его** ужалила, а всех, да?' (Горни Сенек, Венгрия, прекмурский)

ССЛЯ: Saj veš, da niti sveti Peter ni samo tiste ose ubil, ki **ga**_{Pron.3Sg.m.Acc} je_{Aux.Praes.3Sg} pičila, vse je umoril.

Стоит отметить, что, в отличие от ССЛЯ, для паннонских говоров нехарактерны проклитико-энклитические блоки местоименной клитики и управляющего предлога. Вместо них используются полные формы местоимений с предлогами:

(16) På nå'lå:gåš 'tõtä vä'rigä 'gq:r, **nå 'jägå**_{Pron.3Sg.m.Acc} 'И надеваешь эти цепи туда, **на него**' (Цвен, нижнепрлекийский говор).

ССЛЯ: Pa nalagaš te verige gor, **nanj**_{Pron.3Sg.m.Acc}

Можно было бы ожидать, что данные современных словенских диалектов отражают относительную хронологию возникновения местоименных клитик, т. е. на месте старой клитики (1Sg.Dat, 2Sg.Dat) реже встречается полная форма соответствующего местоимения, чем на месте сравнительно новой (3Sg.Dat, 1Sg.Acc, 2Sg.Acc). Однако это не так.

И в позиции клитик, и вне ее полные формы Acc и Gen личных местоимений ед. ч. в функции кратких встречаются реже, чем полные формы Dat, а их ареалы меньше. При этом в каринтийском (северном) и штирийско-доленьском ареалах преобладают формы Acc личного местоимения 1Sg, а в паннонском (восточном) ареале нам встретились только формы Acc местоимений 3Sg.m и 3Sg.f. Значит, в первых двух ареалах формирование противопоставления полных и клитических форм единственного числа почти завершено, за исключением форм 1Sg.Acc. А в восточном ареале «запаздывает» дистрибуция полных и клитических форм местоимений 3Sg.Acc.

Таким образом, словенский диалектный континуум демонстрирует множество отдельных микросистем, в которых продолжают формироваться и противопоставление полных и клитических форм личных местоимений (функциональное и синтаксическое), и парадигма местоименных клитик.

Кажущееся «запаздывание» клитизации форм DatSg по сравнению с AccSg может быть объяснено, если вспомнить, что современные краткие формы вин. п. личных местоимений 1 и 2 лица ед. ч. и возвратно-личного местоимения (*me, te, se*) изначально были полноударными (ст.-сл. *mę, tę, sę*), а современные полные формы этих местоимений (*mene, tebe, sebe*) появились в результате позднейшей аналогии с формами Gen. Таким образом, краткие формы AccSg, располагающиеся ниже вакернагелевской позиции вне кластера, могут быть не «заблудившимися» клитиками, а старыми полноударными формами, которые сосуществуют в переходной системе с новыми полноударными формами, возникшими в результате влияния форм Gen.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Громова М.М. Кластеризуемые клитики в словенских диалектах: архаизмы и инновации // Славянский мир: общность и многообразие. Материалы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 23–24 мая 2023 г. М., 2023. С. 201–205.

2. Dvořák B. Slovenian Clitic Pronouns and What is so Special about Them // Slovenški jezik — Slovene linguistic Studies. 2007. № 6. Pp. 209–233.
3. Murko M. Enklitike v slovenščini. Oblikoslovje in skladnja // Letopis Matice Slovenske za leto 1891. Ljubljana, 1891. Pp. 1–65.
4. Številčno zaporedje vprašanj v SLA [Электронный ресурс]. URL: https://sla.zrc-sazu.si/eSLA/Vprasanja_stevilke.htm (дата обращения: 30.01.2024).
5. Zuljan Kumar D. Besedni red v govorjenih slovenskih narečjih // Škrabčeva misel VI: zbornik s simpozija 2007 / Toporišič, Jože (ur.). Nova Gorica, 2008. Pp. 121–135.

REFERENCES

1. Gromova M.M. Klasterizuemye klitiki v slovenskikh dialektakh: arkhazmy i innovatsii [Clustered Clitics in Slovenian Dialects: Archaisms and Innovations]. *Slavyanskii mir: obshchnost' i mnogoobrazie. Materialy konferentsii molodykh uchenykh v ramkakh Dnei slavyanskoi pis'mennosti i kul'tury. 23–24 maya 2023 g.* [Slavic world: community and diversity. Materials of the conference of young scientists within the framework of the Days of Slavic Literature and Culture. May 23–24, 2023]. Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN Publ., 2023, pp. 201–205. (In Russ.). DOI: 10.31168/2619-0869.2023.2.12
2. Dvořák B. Slovenian Clitic Pronouns and What is so Special about Them. *Slovenski jezik — Slovene linguistic Studies*, 2007, 6, pp. 209–233.
3. Murko M. Enklitike v slovenščini. Oblikoslovje in skladnja. *Letopis Matice Slovenske za leto 1891*. Ljubljana: Matica Slovenska, 1891. Pp. 1–65.
4. Številčno zaporedje vprašanj v SLA. URL: https://sla.zrc-sazu.si/eSLA/Vprasanja_stevilke.htm (accessed: 30.01.2024).
5. Zuljan Kumar D. Besedni red v govorjenih slovenskih narečjih. *Škrabčeva misel VI: zbornik s simpozija 2007 / Toporišič J. (ed.)*. Nova Gorica: Frančiškanski samostan Kostanjevica, 2008. Pp. 121–135.

Поступила в редакцию 19.02.2024

Принята к публикации 11.06.2024

Отредактирована 23.07.2024

Received 19.02.2024

Accepted 11.06.2024

Revised 23.07.2024

ОБ АВТОРЕ

Громова Мария Михайловна — младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Русская литература в современном мире» филологического факультета имени М.В. Ломоносова; marija.gromova@list.ru

ABOUT THE AUTHOR

Mariya Gromova — Junior Researcher, Research Laboratory “Russian Literature in the Modern World”, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; marija.gromova@list.ru

КОНСТРУКЦИИ С ГЛАГОЛАМИ РЕЧЕВОГО И ФИЗИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ В РУССКИХ ПЕРЕВОДНЫХ ТЕКСТАХ: АСПЕКТУАЛЬНОСТЬ, ФИНИТНОСТЬ, ВЫДВИЖЕНИЕ

А.В. Уржа

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва,
Россия, English2@yandex.ru*

Аннотация: В статье рассматривается варьирование таких ключевых характеристик глагольных форм, как аспектуальность и финитность, при переводе с английского на русский язык конструкций с глаголами физического и речевого действия в составе повествовательных текстов. Анализируются ситуации изменения темпоральных таксисных отношений между предикатами при однозначности оригинального контекста (напр., *he said and rubbed his hands* — *сказал он, потирая руки*). Изучаемый феномен иллюстрируется примерами из поливариантного набора русских переводных нарративов, созданных в XX–XXI вв., учитываются результаты подсчетов по параллельному корпусу НКРЯ. Результаты исследования показывают, что варьирование при переводе финитных и аспектуальных характеристик глагольных форм в конструкциях с глаголами речевого и физического действия связано не столько с представлением о консекутивности в нарративе, сколько с феноменами иерархизации информации и выдвижения — фокусирования на определенных событиях. Реальная временная соотнесенность речевого и физического действия персонажа зачастую представляется переводчикам несущественной, однако их представление о значимости того или иного события в сюжете влияет на выбор языковых средств иерархизации информации. Выбор личной формы при переводе глагола на русский язык выделяет событие, неличной — затушевывает его, подчеркивает его второстепенность; выбор совершенного вида встраивает явление в сюжетную цепочку, тогда как несовершенный вид тяготеет к обозначению фоновых процессов и состояний. Неличные формы обычно выбираются переводчиками для тех глаголов, которые обладают высокой частотностью в форме деепричастий, то есть склонны к фоновому употреблению в речи и в повествовательных текстах (это обозначения этикетных и сопровождающих жестов, изменений позы, проявления эмоции и т. п.). Одновременное варьирование и финитной, и аспектуальной характеристики глагола производит ощутимый прагматический эффект и может представлять осознанный переводческий прием, позволяющий с помощью грамматических средств (личных форм глаголов совершенного вида) акцентировать события, выделенные в оригинале на лексическом или композиционном уровне.

Ключевые слова: таксис; глагольный вид; аспектуальность; финитность; деепричастие; первый план; фон; перевод

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00260, <https://rscf.ru/project/23-18-00260/>.

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-04-7

Для цитирования: Уржа А.В. Конструкции с глаголами речевого и физического действия в русских переводных текстах: аспектуальность, финитность, выдвижение // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 4. С. 91–103.

CONSTRUCTIONS WITH VERBS OF SPEECH AND PHYSICAL ACTION IN RUSSIAN TRANSLATED TEXTS: ASPECTUALITY, FINITENESS, FOREGROUNDING

A.V. Urzha

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; English2@yandex.ru

Abstract: The paper deals with the variation of such key characteristics of verb forms as aspectuality and finiteness when translating from English into Russian constructions with verbs of physical and verbal action in narrative texts. The situations of changing temporal relations between predicates in the construction are considered in cases of unambiguity of the original contexts (e.g., *he said and rubbed his hands* — *сказал он, потирая руки*). The phenomenon under study is illustrated by examples from a polyvariant set of Russian translated narratives created in the 20th–21st centuries, and the results of counting on the parallel corpus of the Russian National Corpus are taken into account. The results of the study show that the variation in translation of finite and aspectual characteristics of verb forms in constructions with verbs of speech and physical action is related not so much to the notion of consecutiveness in the narrative as to the phenomena of information hierarchisation and foregrounding — focusing on certain events. The choice of the finite form when translating a verb into Russian highlights the event, while the non-finite form obscures it, emphasising its secondary character; the choice of the perfect form embeds the phenomenon in the narrative chain, while the imperfect form tends to denote background processes and states. Non-finite forms are usually chosen by translators for those verbs that have a high frequency in the form of converbs, i.e. are tend to background use in speech and in narrative texts (they denote etiquette and accompanying gestures, changes of posture, manifestations of emotion, etc.). The simultaneous variation of both the finite and aspectual characteristics of the verb produces a tangible pragmatic effect and may represent a conscious translation technique that allows using grammatical means (finite forms of perfective verbs) to accentuate the events highlighted in the original at the lexical or compositional level.

Keywords: taxis; verbal aspect; aspectuality; finiteness; converb; foregrounding; backgrounding

Funding: The research is supported by the Russian Science Foundation, project no. 23-18-00260, <https://rscf.ru/project/23-18-00260/>.

For citation: Urzha A.V. (2024) Constructions with Verbs of Speech and Physical Action in Russian Translated Texts: Aspectuality, Finiteness, Foregrounding. *Lo-monosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 91–103.

Исследование, результаты которого представлены в данной статье, обращено к серии явлений, широко распространенных в русских переводах англоязычных повествовательных текстов, но не получивших исчерпывающих научных объяснений. Эти явления сопряжены с варьированием при переводе таких ключевых характеристик глагольных форм, как аспектуальность и финитность, в конструкциях с глаголами физического и речевого действия. Варьирование становится особенно заметным при сопоставлении ряда версий перевода одного и того же текста на русский язык. Цель статьи — детальное описание и анализ парадоксального явления изменения характеристик аспектуальности и финитности глагольных форм в вариантах русского перевода вышеназванных конструкций, аккумуляция результатов научных исследований, имеющих отношение к данному феномену, постулирование необходимости комплексного учета морфологических, синтаксических и композиционных характеристик контекста для выявления языковых и прагматических факторов варьирования. Источником материала стал параллельный подкорпус Национального корпуса русского языка, а также собранный автором поливариантный набор русских переводных нарративов, созданных в XX–XXI вв. (126 переводов 26 англоязычных произведений) [Уржа 2021].

Отношения одновременности и следования событий в русской грамматике традиционно противопоставлены. Это противопоставление реализовано как на лексическом, так и на грамматическом (морфологическом и синтаксическом) уровне и предполагает использование целого комплекса средств. Р.О. Якобсон, опираясь на работы Л. Блумфилда и Б. Уорфа, предложил в известной статье 1957 года специальное название для глагольной категории, характеризующей «отношение одного сообщаемого факта к другому сообщаемому факту безотносительно к факту сообщения» — эта категория (ранее обозначавшаяся как *порядок* или *относительное время*) стала называться *таксисом* [Якобсон 1972: 106–107].

Обратим внимание на ракурс, выбранный Р.О. Якобсоном для представления таксиса в ряду глагольных категорий. На материале русского языка ученый демонстрирует только зависимый таксис, подчеркивая, что для выражения этой категории предназначены формы русских деепричастий: *пообедав, он сообщил новость* — обе-

дая, он сообщил новость. Таким образом, как мы видим, таксис формируется с учетом определенных потенций более базовых категорий аспектуальности и финитности: деепричастия совершенного вида предназначены языком для указания на предшествование названного события другому, обозначенному личной формой глагола, а деепричастия несовершенного вида — на одновременность двух событий.

Расширенное исследование категории таксиса представлено в работах А.В. Бондарко и в трудах по теории функциональной грамматики (ТФГ). В этой концепции таксис рассматривается в качестве функционально-семантической категории и характеризует «временное отношение между действиями (в широком смысле, включая любые значения предикатов) в рамках целостного периода времени, охватывающего значения всех компонентов выражаемого в высказывании полипредикативного комплекса» [Теория функциональной грамматики 1987: 234–242]. Таким образом, в соответствующее функционально-семантическое поле включается уже не только вышеописанный зависимый таксис, но и независимый таксис, реализуемый в конструкциях с однородными сказуемыми или в сложноподчиненных предложениях: *Он пообедал и сообщил новость. После того как X пообедал, он сообщил новость.* Обратим внимание на то, что в отсутствие деепричастий дополнительную нагрузку в трансляции таксисных отношений получает синтаксический план: аспектуальная характеристика глагольных форм учитывается вкупе с их со-расположением в цепочке однородных сказуемых, а в сложном предложении задействуется также семантика темпоральных подчинительных союзов.

Другие нефинитные формы — причастия и инфинитивы — также реализуют таксисные отношения в конструкциях с личными формами глагола, однако подобные построения не всегда интерпретируются однозначно (например: *он говорил про игравших детей* или *он советовал ей идти медленно*). Согласно концепции ТФГ, участвовать в трансляции таксисных отношений способны и девербативы (и шире — существительные с событийной семантикой): *после обеды / во время обеда он сообщил новость.* Важно отметить, что в этом случае событийные существительные выступают в составе синтаксиса с темпоральным значением [Золотова и др. 1998: 219].

Предлагая комплексный подход к изучению таксиса как «отношения одного сообщаемого факта к другому сообщаемому факту», Г.А. Золотова выделила в этом «отношении» не только темпоральное, но также модальное и персональное измерения: два «факта» (действия, состояния, признака) могут приписываться одному или разным субъектам, могут трактоваться как реальные

или ирреальные. Кроме того, Г.А. Золотова сформулировала гипотезу «эквивалентного преобразования полипредикативных конструкций», согласно которой эквивалентность трансформации (как внутриязыковой, так и межъязыковой) обеспечивается сохранением количества предикативных единиц в конструкции и характера таксисных отношений между ними [Золотова и др. 1998: 224]. Действительно, например, в предложении *Пришел, увидел, победил* при переводе с языка на язык не может быть изменен порядок компонентов и их темпорально-аспектуальные характеристики, обеспечивающие формирование консекутивной цепочки, действия не могут быть приписаны разным субъектам или разным модальным планам, ср.: **пришел, видел, победил*; **пришел, увидел, победили*; **пришел, увидел бы, победил*.

Итак, опираясь на разработанные в общей лингвистике и в русистике концепции и обращаясь теперь к основному объекту нашего исследования — конструкциям с глаголами физического и речевого действия, — можно предварительно утверждать, что сочетания *сказав, сделал и сделав, сказал, а также делая, сказал* неэквивалентны.

Однако результаты сопоставительного анализа вариантов русского перевода повествовательных текстов самых разных авторов и жанров оказываются парадоксальными: практически в каждом тексте мы встречаем случаи, когда однозначный в плане таксиса фрагмент оригинала переводится на русский язык по-разному, переводчики выбирают глагольные формы с той или иной аспектуальной и финитной характеристикой, и отношения между сообщаемыми фактами начинают варьироваться¹.

Рассмотрим несколько типичных примеров. Расположим рядом в таблице конкурирующие варианты опубликованных русских переводов известных повествовательных текстов, включающих прямую речь, а справа — англоязычные оригиналы.

¹ И в русском, и в английском языке существует целый репертуар лексических, морфологических и синтаксических средств для реализации таксисных отношений одновременности или разновременности между предикатами. Ведущим средством в русском языке выступает глагольный вид, а в английском — аспект [Смирницкий 1970; Плунгян 2003]. В обоих языках эти грамматические характеристики присущи как финитным, так и нефинитным формам (в русском языке неличными формами называют причастие, деепричастие и инфинитив, в английском — причастия, инфинитив и герундий). В фокусе данного исследования оказываются случаи изменения таксисных отношений *или/и* финитности предикатов, не обусловленные расхождением языковых систем: при однозначных характеристиках оригинальной английской конструкции в одном из вариантов русского перевода они оказываются сохранены, в другом — изменены.

Варьирование таксисных отношений между предикатами при переводе на русский язык конструкций с глаголами физического и речевого действия.

Эдгар По «Прыг-Скок»		
1а. «Что, что, что это за звук? Как ты смеешь скрежетать?» — спросил король с бешенством, поворачиваясь к карлику. (Пер. М. Энгельгардта)	1б. «Это что еще за звуки? Кто разрешил тебе скрипеть?!» — повернувшись к карлику, заорал король, вне себя от гнева. (Пер. М. Викторова)	1с. ‘What—what—what are you making that noise for?’ demanded the king, turning furiously to the dwarf.
2а. Последний, <...> смотря пристально, но спокойно прямо в лицо тирану, воскликнул : <...> (Пер. К. Бальмонта)	2б. Он сдержанно и решительно посмотрел на короля, затем вскричал : <...> (Пер. М. Викторова)	2с. The latter <...> looking fixedly but quietly into the tyrant’s face, merely ejaculated <...>
Оскар Уайльд «Преданный друг»		
3а. «До свиданья, Маленький Ганс», — сказал мельник и пошел к себе на холм с доской на плече. (Пер. М. Ликиардопуло)	3б. «Прощай, маленький Ганс», — небрежно проронил мельник, подымаясь на гору с доской на плече. (Аноним пер. в изд. В. Саблина)	3с. ‘Good-bye, little Hans,’ said the Miller, and he went up the hill with the plank on his shoulder.

В приведенных парах переводов мы видим разные варианты таксисных отношений. Если в одной версии перевода (например, 1а) физическое и речевое действие героя представлены как одновременные, то в другой (1б) — как последовательные: *спросил, поворачиваясь — заорал, повернувшись; смотря, воскликнул — посмотрел, затем вскричал; сказал и пошел — проронил, подымаясь*. Важно подчеркнуть, что оригинальные фрагменты во всех трех случаях предлагают однозначную трактовку временного соотношения — ее верно воссоздают переводы, помещенные в первом столбце (1а, 2а, 3а).

Можно ли просто посчитать все переводы во втором столбце ошибочными и на этом закрыть вопрос? Такому решению препятствует многочисленность и распространенность подобных явлений при переводе, причем возникают они именно в конструкциях с сочетанием физического и речевого действия субъекта.

Наполнение конструкции, конечно, не случайно: физические и речевые действия в реальности могут иметь сложное соотношение по времени, человек может начать действовать, не договорив фразу,

или, например, заговорить в последней фазе своего движения. Если же мы уделим дополнительное внимание обнаруженному феномену, то увидим, что изменениям, внесенным переводчиками в примерах 2а, 2б и 2с, можно найти объяснение. Оно связано с действием в нарративном тексте фундаментального процесса, который называется распределением информации между первым планом и фоном повествования (в англоязычной традиции *grounding*).

Структура нарративного текста предполагает наличие так называемого «остова» — консеквативной цепочки событий, которые формируют наиболее заметную для читателя часть текста, его «первый план». Также в повествовании в более или менее расширенном виде присутствует «фон» — состояния и процессы, параллельные основным событиям, второстепенные действия, ретроспективные и интерпретационные вставки и т. п. Изучение феномена иерархизации информации в нарративе восходит к работам В.Я. Проппа, В.Б. Шкловского, Б.М. Эйхенбаума. В современной мировой лингвистике оно представлено несколькими научными традициями. За рубежом Theory of Grounding («теория выдвигания») сформирована на основе трудов У. Лабова и Дж. Валецки, П. Хоппера и С. Томпсон, С. Флейшман, К. Чвани, Н. Коямы, Б. Уорвик и мн. др. [Wårvik 2004; du Toit 2020]. В отечественной лингвистике традиция изучения первоплановых и фоновых функций предикатов в повествовательном тексте восходит к работам В.В. Виноградова и представлена в трудах школы коммуникативной грамматики (Г.А. Золотовой и др.). Другой подход — от возможностей элементов языковой системы — форм и конструкций, различающихся «интерпретационным компонентом» значения, способностью выражать так называемую «комитативность», — применен в трудах А.В. Бондарко, Е.В. Клобукова и др.

В рамках нашего исследования особый интерес представляет кластер семантико-грамматических признаков, обеспечивающих клаузе (предикативному обороту) выделенность на фоне других. В теории выдвигания описан целый ряд характеристик глагольной формы, комбинация которых способствует «выдвиганию» или «затушевыванию» события, а дихотомия «первый план» — «фон» превращается в шкалу. Среди таких характеристик: совершенный — несовершенный вид глагола, реальная — ирреальная модальность, личная — неличная форма, наличие — отсутствие субъекта и объекта в прямых падежах [Chvany 1985: 14–15].

Значительное выделение в повествовании получает названное финитной глагольной формой динамическое, контролируемое, ограниченное во времени действие, осуществленное личным субъектом по отношению к индивидуализированному объекту и оформ-

ленное с помощью совершенного вида (*Том съел яблоко*), тогда как длящееся состояние, на которое указывает непереходный глагол несовершенного вида в неличной форме, представляет противоположный конец шкалы — зону глубокого фона повествования (*Том, съел яблоко, сидя на заборе*) (см. работы К. Чвани, Б. Урвик, О.К. Ирисхановой и др.).

В соответствии с положениями научных трудов о языковых средствах иерархизации нарратива, совершенный вид и финитность обеспечивают глагольной форме большее выдвижение в повествовательном тексте, а несовершенный вид и неличная форма чаще сопутствуют затушевыванию обозначенного глаголом события. Исследования в сфере текстового выдвижения все активнее привлекают переводной материал, а теория формирования первого плана и фона текста апробируется переводоведами [Chvany 1985; Li, Xu 2003; Goethals 2008; Уржа 2022; Zhou, Li 2023].

Вернемся к вышеприведенным примерам и обратим внимание на различия переводов. Нам предстанут три ситуации. В первом примере речевое действие персонажа сопровождается изменением его позы. Глаголы, обозначающие изменение позы, в значительной степени предназначены именно к фоновому функционированию в нарративах. Об этом свидетельствуют подсчеты, проведенные на основе данных НКРЯ и соотносящие частотность деепричастий и личных форм глаголов разных семантических групп [Онипенко, Биккулова 2020; Уржа 2023]. В обоих случаях, как и в оригинале (где использовано причастие I), переводчики выбрали нефинитную форму глагола (*поворачиваясь — повернувшись*). Выбор совершенного вида деепричастия вместо несовершенного в переводе 1b повышает выделенность действия, но незначительно — изменение позы все равно остается фоновым элементом текста. Строго говоря, соотношение по времени физического и речевого действия здесь представляется переводчикам не столь важным — поэтому и возникают расхождения.

Во втором примере переводчик в 2b меняет не только вид глагольной формы, но и ее финитную характеристику: *смотря — посмотрел*. Такое изменение представляется читателю более заметным, поскольку оказываются задействованы два грамматических фактора выдвижения предиката. Обратим внимание на изменение лексемы: в этом переводе герой — шут в рассказе Э. По — смотрит на тирана не *пристально* (*fixedly*), но *решительно* — сам взгляд становится поступком в цепочке дальнейших действий против короля.

Наконец, в третьем примере мы наблюдаем обратный эффект. Переводчик в 3b превращает личную форму глагола движения (*went — пошел*) в деепричастие (*подымаясь*), «задвигая» перемещение

героя в область фона и фокусируя внимание читателя на его пренебрежительной манере речи (не *сказал*, а *проронил*).

Эти нюансы могут приобрести гораздо больший резонанс, если фрагмент оказывается значимым для формирования образа персонажа в произведении. Сравним оригинал и переводы отрывка из рассказа Рэя Брэдбери “The Murderer” («Убийца»), где психиатр впервые приходит к главному герою в камеру:

4а. — *Убирайтесь прочь*, — *сказал арестованный, улыбаясь*. (пер. Э. Нуршина).

4б. — *Только вас не хватало*, — *сказал арестант и улыбнулся* (пер. Н. Галь).

4с “*Go away,*” *said the prisoner, smiling.*

Версия Э. Нуршина формально ближе к оригиналу: глагол, входящий реплику, стоит в личной форме, мимическое движение героя, сопровождающее речь, названо деепричастием в НСВ: *сказал, улыбаясь*. Действия одновременны, второе является фоном первого. При этом нетрудно заметить, что содержание реплики и мимика явно противоречат друг другу: герой резко прогоняет врача и одновременно улыбается ему. Это несоответствие вызывает специфический эффект: поведение арестанта интригует читателя. Почему же Нора Галь, известный мастер перевода, выделила здесь не только речевое, но и мимическое действие: *сказал и улыбнулся*? Обратим внимание на продолжение фрагмента: «*Эта улыбка ошеломила психиатра. Такая она была сияющая, лучезарная, она вдруг осветила и согрела комнату. ...Точно полуденное солнце внезапно проглянуло среди ночи*» (пер. Н. Галь). Из контекста становится видно, что улыбка героя имеет важное значение для формирования его образа и понимания его поведения в целом. Этот человек не совершил ни одного преступления, однако он помещен в клинику, потому что восстает против засилья электронных приборов, заполняющих своими сигналами жизнь людей. Самодостаточность героя, его уверенность в своей правоте отражаются в улыбке, которую Нора Галь выводит с помощью грамматических средств на первый план повествования. Это решение можно посчитать отклонением от формальной точности или, напротив, верным переводческим ходом, но для лингвистического исследования важен ощутимый эффект, который производит замена неличной формы глагола НСВ на личную форму СВ в данном фрагменте.

Чтобы оценить распространенность варьирования финитных и аспектуальных характеристик глагольных форм при переводе, мы провели сплошной анализ всех конструкций, соотносящих физическое и речевое действие, в оригинале и русских переводах объемного романа А. Конан Дойла *The Hound of the Baskervilles* («Со-

бака Баскервилей»). В текстах были обнаружены расхождения всех вышеупомянутых типов.

Наиболее распространенной оказалась замена (как в примере 3b) личной формы глагола на неличную, в случае если этот глагол обозначает фоновое, с точки зрения переводчика, действие: этикетный жест (*as I wrung him by the hand* → *пожимая руку*, *bowed* → *отвесив поклон*), проявление эмоции (*begun to show signs of strong emotion* → *волнуясь*, *rubbed his hands* → *потирая руки*), перемещение в пространстве (*as I rose* → *вставая*, *as we walked* → *шагая рядом*).

В переводе Н. Волжиной (в НКРЯ) была обнаружена 41 конструкция, включающая глаголы физического и речевого действия и сформированная по модели 'личная форма' + 'деепричастие'. Из этой группы в 23 конструкциях финитная характеристика обоих компонентов была передана верно при переводе, в 18 изменена (личная форма заменена на неличную). При этом в 18 трансформированных конструкциях временные таксисные отношения между предикатами сохранились в 11 и изменились в 7 контекстах. Приведем типичный пример изменения обеих характеристик глагольной формы при переводе:

5a. — *Да, денек у нас будет хлопотливый, — сказал Холмс, радостно потирая руки в предвкушении всех этих хлопот* (пер. Н. Волжиной). Ср. в оригинале:

5b. <...> *he remarked, and he rubbed his hands with the joy of action.*

Изменение в обратном направлении (из неличной формы НСВ — в личную форму СВ) происходит гораздо реже. Переводчики охотно убирают в область фона сопровождающие действия и эмоции, но не так часто выносят на первый план события, не выделенные автором. В переводе Н. Волжиной таких решений не нашлось, а в конкурирующих переводах В. Михалюка и Е. Ломиковской есть единичные случаи. Например, фоновый жест (указание на болота) выделяется, когда лорд Баскервиль впервые видит страшную Гримпенскую трясиину:

6a. — *Мне очень хочется поскорее увидеть торфяные болота, я просто сгораю от нетерпения.*

— *В самом деле? В таком случае можете считать, что ваше желание исполнилось <...>, — сказал доктор Мортимер и показал на окно вагона* (пер. В. Михалюка). Ср. в оригинале:

6b. <...>, *said Dr. Mortimer, pointing out of the carriage window.*

По результатам исследования можно делать следующие выводы:

1. Варьирование таксисных отношений между предикатами, обозначающими физическое и речевое действие, при переводе повествовательных текстов с английского на русский язык распространено потому, что реальная временная соотнесенность этих действий

представляется переводчикам несущественной, однако их представление о значимости того или иного события в сюжете влияет на выбор языковых средств иерархизации информации.

2. Изменение финитной характеристики глагольной формы ощутимо при сопоставлении оригинала и вариантов перевода. Выбор личной формы выделяет событие, неличной — затушевывает его, подчеркивает его второстепенность (ср. примеры 2а и 2b, 3а и 3b, 5а и 5b). Неличные формы обычно выбираются переводчиками для тех глаголов, которые обладают высокой частотностью в форме деепричастий, то есть склонны к фоновому употреблению в речи и в повествовательных текстах. Это обозначения этикетных и сопровождающих жестов, изменений позы, проявления эмоции и т. п.

3. Наконец, наиболее заметным варьирование конструкции при переводе становится тогда, когда одновременно изменяются аспектуальная и финитная характеристики одной из входящих в нее глагольных форм. Личная форма глагола в СВ значительно сильнее выделяет событие, чем нефинитная форма в НСВ, привлекая внимание читателя. Такое варьирование нередко является составляющей переводческой тактики (см. выше решения Н. Галь в 4b и В. Михалюка в ба): с помощью средств русской грамматики переводчик выделяет черты или поступки героя, акцентированные в оригинале на лексическом или композиционном уровне.

Итак, варьирование при переводе финитных и аспектуальных характеристик глагольных форм в конструкциях с глаголами речевого и физического действия связано не столько с представлением о консеквентности в нарративе, сколько с феноменами иерархизации информации и фокусирования на определенных событиях. Подобные изменения, судя по всему, совершаются переводчиками в большинстве случаев неосознанно, под влиянием ощущения возможностей языка и текста, однако одновременное варьирование и финитной, и аспектуальной характеристики глагола может представлять осознанный прием, поскольку производит ощутимый прагматический эффект.

ЛИТЕРАТУРА

1. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
2. Онипенко Н.К., Биккулова О.С. К проблеме соотношения вида и таксиса (деепричастие в «Семантико-грамматическом словаре русских глаголов») // Взаимодействие аспекта со смежными категориями / Под ред. Е.В. Головки, Е.В. Горбовой. СПб., 2020. С. 271–282.
3. Плунгян В.А. Общая морфология: введение в проблематику. М., 2003.
4. Смирницкий А.И. Очерки по сопоставительной грамматике русского и английского языков. М., 1970.

5. Теория функциональной грамматики. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / Отв. ред. А.В. Бондарко. Л., 1987.
6. Уржа А.В. Первый план и фон в повествовательном тексте: нарратология, лингвистика, когнитивные исследования, переводоведение. М., 2022.
7. Уржа А.В. Прагматический потенциал русских деепричастий в нарративе: корпусное исследование сквозь призму переводов // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 2023. 1. [Электронный ресурс]. <https://doi.org/10.1556/060.2023.00109> (дата обращения: 02.11.2023).
8. Уржа А.В. Функциональное взаимодействие эгоцентриков в русских переводных нарративах (на материале прозаических текстов конца XIX — начала XXI вв.): дис. ... доктора филол. наук. М., 2021.
9. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя / Под ред. О.Г. Ревзиной. М., 1972. С. 95–113.
10. Chvany C. Foregrounding, ‘Transitivity’, Saliency (in Sequential and Non-sequential Prose) // *Essays in Poetics*, 1985. No.2 (10). P. 1–27.
11. du Toit, Herman. Foreground and Background in the Narrative Discourse of Luke’s Gospel: Some Remarks on the Function of the Greek Imperfect and Pluperfect Indicative Tense-Forms // *Stellenbosch Papers in Linguistics Plus (SPiL Plus)*, 2020. 59. P. 61–79.
12. Goethals P. Between Semiotic Linguistics and Narratology: Objective Grounding and Similarity in Essayistic Translation // *Linguistica Antverpiensia*, 2008. No. 7. P. 93–110.
13. Li J., Xu Sh. (2003). Foregrounding as a Criterion for Translation Criticism. *Babel*, 2003. 49 (4). P. 302–309.
14. Wårvik B. What is Foregrounded in Narratives? Hypotheses for the Cognitive Basis of Foregrounding // *Approaches to Cognition through Text and Discourse*. Virtanen T. (ed.) Berlin, 2004. P. 99–122.
15. Zhou L., Li Q. The Application of Foregrounding in Literary Translation. *Lecture Notes on Language and Literature*, 2023. Vol. 6. P. 25–29.

REFERENCES

1. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative Grammar of the Russian Language]. Moscow, Izd-vo IRL im. V.V. Vinogradova, 1998. 538 p. (In Russ.)
2. Onipenko N.K., Bikkulova O.S. K probleme sootnosheniya vida i taksisa (deeprichastie v «Semantiko-grammaticheskom slovare russkikh glagolov») [On the Problem of the Correlation of Aspect and Taxis (Converbs in the “Semantic-Grammatical Dictionary of Russian Verbs”)]. *Vzaimodeistvie aspekta so smezhnymi kategoriyami* [Interaction of Aspect with Related Categories]. Ed. by E.V. Golovko, E.V. Gorbovoi. Saint-Petersburg: Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, 2020. P. 271–282. (In Russ.)
3. Plungyan V.A. *Obshchaya morfologiya: vvedenie v problematiku* [General Morphology: Introduction]. Moscow: Editorial URSS, 2003. 384 p. (In Russ.)
4. Smirnitiskii A.I. *Ocherki po sopostavitel’noi grammatike russkogo i angliiskogo yazykov* [Essays on Comparative Grammar of Russian and English Languages]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1970. 380 p. (In Russ.)
5. *Teoriya funktsional’noi grammatiki. Aspektual’nost’. Vremennaya lokalizovannost’. Taksis* [The Theory of Functional Grammar. Aspectuality. Temporal Localisation. Taxis]. Ed. A.V. Bondarko. L.: Nauka, 1987. 349 p. (In Russ.)
6. Urzha A.V. *Pervyi plan i fon v povestvoatel’nom tekste: narratologiya, lingvistika, kognitivnye issledovaniya, perevodovedenie* [Foreground and Background in a

Narrative: Narratology, Linguistics, Cognitive and Translation Studies]. Moscow, Flinta, 2022. 288 p. (In Russ.)

7. Urzha A.V. Pragmaticseskii potentsial russkikh deeprichastii v narrative: korpusnoe issledovanie skvoz' prizmu perevodov [The Pragmatics of Russian Converbs in a Narrative: Corpus-Based Study through the Prism of Translations]. *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 2023, 1, (published online ahead of print). <https://doi.org/10.1556/060.2023.00109> (In Russ.)
8. Urzha A.V. *Funktional'noe vzaimodeistvie egotsentrikov v russkikh perevodnykh narrativakh (na materiale prozaicheskikh tekstov kontsa XIX — nachala XXI vv.)* [Functional Interaction of Egocentrics in Russian Translated Narratives (On the Material of Prose Texts of the Late 19th — early 21st Centuries).] Dis. ... doktora filol. nauk. Moscow, 2021. 564 p. (In Russ.)
9. Jakobson R.O. Shiftery, glagol'nye kategorii i russkii glagol [Shifters, Verbal Categories and Russian Verb]. *Printsipy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya* [Principles of Typological Analysis of Languages of Different Structures]. Ed. by O.G. Revzina. Moscow, Nauka Publ., 1972. P. 95–113. (In Russ.)
10. Chvany C. Foregrounding, 'Transitivity', Saliency (in Sequential and Non-sequential Prose). *Essays in Poetics*, 1985. No.2 (10). P. 1–27.
11. du Toit, Herman. Foreground and Background in the Narrative Discourse of Luke's Gospel: Some Remarks on the Function of the Greek Imperfect and Pluperfect Indicative Tense-Forms. *Stellenbosch Papers in Linguistics Plus (SPiL Plus)*, 2020. 59. P. 61–79.
12. Goethals P. Between Semiotic Linguistics and Narratology: Objective Grounding and Similarity in Essayistic Translation. *Linguistica Antverpiensia*, 2008. No. 7. P. 93–110.
13. Li J., Xu Sh. Foregrounding as a Criterion for Translation Criticism. *Babel*, 2003. 49 (4). P. 302–309. DOI: 10.1075/babel.49.4.03li.
14. Wårvik B. What is Foregrounded in Narratives? Hypotheses for the Cognitive Basis of Foregrounding. *Approaches to Cognition through Text and Discourse*. Virtanen T. (ed.) Berlin, 2004. P. 99–122.
15. Zhou L., Li Q. The Application of Foregrounding in Literary Translation. *Lecture Notes on Language and Literature*, 2023. Vol. 6. P. 25–29. <http://dx.doi.org/10.23977/langl.2023.060504>.

Поступила в редакцию 11.11.2023
Принята к публикации 11.06.2024
Отредактирована 23.07.2024

Received 11.11.2023
Accepted 11.06.2024
Revised 23.07.2024

ОБ АВТОРЕ

Уржа Анастасия Викторовна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; English2@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Anastasia Urzha — Dr.Habil., Professor, Department of Russian Language, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; English2@yandex.ru

МОДЕЛИ ПЕРЕДАЧИ СЕМАНТИКИ СРАВНЕНИЯ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ (НА ПРИМЕРЕ ТРАКТАТА ΠΕΡΙ ΛΙΘΩΝ ФЕОФРАСТА)

М.П. Пархаева

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия;
masha1512@mail.ru*

Аннотация: Исследование посвящено способам выражения подобия в трактате Феофраста «О камнях», которые объединяются автором в восемь основных групп: использование союзов, использование простых прилагательных со значением сходства, использование местоимений с соответствующим значением, использование наречий, использование глаголов, выражения с отрицанием, использование сложных прилагательных с суффиксами -ὠδής и -εἰδής и прилагательных, обозначающих размер. Отдельно рассматривается выражение подобия в наименованиях камней, где значение сходства может передаваться не только путем аффиксального словообразования, но и с помощью метафоризации.

Ключевые слова: древнегреческий язык; Феофраст; сравнения; сходство

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-04-8

Для цитирования: Пархаева М.П. Модели передачи семантики сравнения в древнегреческом языке (на примере трактата Περὶ λίθων Феофраста) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 4. С. 104–115.

MODELS OF EXPRESSING SIMILARITY IN THEOPHRASTUS' ΠΕΡΙ ΛΙΘΩΝ

M.P. Parkhaeva

Lomonosov Moscow State University; Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; masha1512@mail.ru

Abstract: The paper presents a research on the modes of resemblance expression in Theophrastus' treatise Περὶ λίθων (*On Stones*). These modes are divided into two main groups: lexico-syntactic means and morphological derivation. The first mode group includes the usage of the following: conjunctions (ὡσπερ, καθάπερ, ὡς, καί), simple adjectives representing likeness (ὁμοῖος, παρόμοιος, παραπλήσιος, ἐμφερής, ἡλικός), pronouns with the same meaning (ὁ αὐτός, τοιοῦτος, ἄμφω), adverbs (ὁμοίως, παραπλήσιως, ὡσαύτως, ὅσον, οἶον), verbs (ἐξομοίω, μιμέομαι) and special

constructions having a negative sense (μηδὲν διαφέρει, οὐ πόρρω + Gen.). The second mode group includes the usage of adjectives with suffixes -ώδης, -ειδής or -ωψ and usage of compound adjectives indicating size (τετράπηγος, τρίπηγος, χειροπληθής). The modes of resemblance expression in the stone names are also discussed. This idea can be revealed there not only in suffixes -ώδης / -ειδής, but also in metaphors, represented both by diminutive suffix (-ιον), substantivisation (e.g. ἀδάμας, οἱ τίκτοντες), substantivisation of a metaphorical compound (πυρόμαχος) and pure change of meaning (ιός). The most common way to express resemblance in *Περὶ λίθων* is using conjunctions and simple adjectives. The wide range of adjectives with -ώδης and -ειδής is a peculiar feature of ancient scientific treatises and particularly of Theophrastus' works. Such a diversity of comparisons displays not only Theophrastus' writing talent, but also his intention to create a system of accurate visual stone descriptions.

Keywords: Ancient Greek; Theophrastus; simile; resemblance

For citation: Parkhaeva M.P. (2024) Models of Expressing Similarity in Theophrastus' *Περὶ λίθων*. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 104–115.

Феофраста можно назвать продолжателем традиций его учителя, Аристотеля, однако многие явления были описаны им впервые. *Περὶ λίθων* является первым и, вероятно, единственным античным минералогическим сочинением [Россиус 2005: 309–311]. Феофраст старается точно и наглядно описывать разные камни и горные породы, обращая внимание на их цвет, структуру, размеры, месторождения. Конечно, важная роль в описании отводится сравнениям, буквально пронизывающим весь текст. Их обилие позволяет исследовать, как можно выразить идею подобия одного предмета другому. Стоит отметить, что изучение подобных языковых явлений проводилось отечественными лингвистами (например, в «Книге о грамматике» А.В. Величко в главе 23 рассматривается выражение сопоставительных отношений, а в главе 24 — выражение сравнительных отношений [Величко 2018: 406–429])¹, однако применительно к древнегреческому языку таких исследований, насколько нам известно, еще не проводилось. Рассмотрим же все используемые Феофрастом средства по порядку.

I. Во-первых, подобие в исследуемом трактате выражается с помощью союзов, имеющих значение «как», «словно»: ὡςτερ, καθάτερ, ὡς. Это самый стандартный и частый способ, поэтому ограничимся лишь парой примеров:

¹ Кроме того, семантические переходы и переносы рассматриваются в работах Л.О. Чернейко, И.М. Кобозевой, А.А. Зализняк, Т.А. Михайловой.

- 1) καθάπερ ἐν χυτρίδιῳ (2.14)
 καθάπερ ἐν χυτρίδι-ῷ
 как LOC горшочек-DAT.SG
 словно в горшочке² («словно по сотам» — пер. Россиуса).
- 2) διαπηδῶντες ὡς ἀπομαχόμενοι τὴν πύρωσιν ὥσπερ οὐδ' ὁ κέραμος (2.10)
 διαπηδ-ῶντ-ες ὡς ἀπομαχ-όμεν-οι τ-ὴν πύρωσ-ιν ὥσπερ οὐδ' ὁ κέραμ-ος
 отскакивать-PTCP.PRS.ACT.-NOM.PL. **будто обороняться-PTCP.PRS.MED.-NOM.PL.** ART-ACC.SG.F. жар-ACC.SG. **как даже.не ART-NOM.SG.M. черепица-NOM.SG**
 отскакивают, **будто отбиваясь** от жара, **как даже черепица не дает.**

Союзами ὥσπερ и καθάπερ могут вводиться не только сравнения, но и примеры, тогда они имеют значение не просто «как», а скорее «как, например». Кроме того, ὥσπερ и ὡς могут иметь наречное значение «таким же образом»:

- 3) τὰ μὲν ἐστὶ γῆς καθάπερ ὄχρα καὶ μίλτος (8.40)
 τ-ὰ μὲν ἐσ-τι γ-ῆς καθάπερ ὄχρ-α καὶ μίлт-ος
 ART-NOM.PL.N.[NMLZ] PTCL быть-PRS.3SG земля-GEN.PL **как охра.желтая-NOM.SG. и охра.красная-NOM.SG.**
 Одни состоят из земли, **как, например, охра желтая и красная**³.
- 4) τοῖς χρώμασιν ἐξομοιοῦσθαι δύνανται τὸ ὕδωρ ὥσπερ ἡ σμάραγδος (1.4)
 τ-οῖς χρώμα-σιν ἐξομοιοῦ-σθαι δύνα-νται τ-ὸ ὕδωρ ὥσπερ ἡ σμάραγδ-ος
 ART-DAT.PL.N. цвет-DAT.PL уподоблять-INF.PRS.MED мочь-PRS.3PL.MED ART-ACC.SG.N. вода-ACC.SG **как ART-NOM.SG.F. смарагд-NOM.SG**
 по цвету могут уподоблять себе воду, **как, например, смарагд.**
- 5) καὶ ὡς ὁ ... ἀλαβαστρίτ-ης, — καὶ γὰρ οὗτος μέγας τέμνεται (1.6)
И как ART-NOM.SG.M алебастрит-NOM, и ведь этот-NOM.SG.M. большой-NOM.SG.M. резать-PRS.MED.3SG.
И так же с алебастритом, его тоже вырезают большими кусками.

² В данной статье мы используем Лейпцигскую систему правил глоссирования [Электронный ресурс <https://www.eva.mpg.de/lingua/resources/glossing-rules.php>] для более ясного выявления значения лексических и морфологических элементов текста. Также здесь используются сокращения: AOR — aoristus, MED — middle voice, PTCL — particle.

³ Здесь и далее названия камней на русском языке приводятся по таблице, составленной А.А. Россиусом [Россиус 2005: 315–316].

Как видно из последнего примера, союз καί тоже может выражать подобие. В таких случаях его можно переводить как «тоже». Впрочем, такое значение есть и у русского союза «и».

II. Во-вторых, сходство часто обозначается с помощью прилагательных: ὅμοιος (похожий), παρόμοιος (довольно похожий), παραπλήσιος (близкий, подобный); реже встречается прилагательное ἐμφερής (сходный), в Περί λίθων можно найти лишь один случай его употребления:

6) παρόμοιος ἦν ξύλῳ σαπρῶ (2.17)
παρόμοι-ος ἦν ξύλ-ῳ σαπρ-ῶ
похож-NOM.SG.M быть-IMPERF.3SG. древесина-DAT.SG гнилой-DAT.SG.N.

был похож на гнилое дерево

7) τῷ ἐλέφαντι ὅμοιος... (1.6)
τ-ῶ ἐλέφανт-ι ὅμοι-ος
ART-DAT.SG.M. слоновая.кость-DAT.SG похожий-NOM.SG.

похожий на слоновую кость

8) ἐν ὄστρείῳ τινὶ παραπλησίῳ ταῖς πίνναις (6.36)
ἐν ὄστρεί-ῳ τιν-ὶ **παραπλησί-ῳ τ-αῖς πίνν-αις**
LOC моллюск-DAT.SG некий-DAT.SG **похожий-DAT.SG.N. ART-DAT.PL.F. пинна-DAT.PL.**

в некоем моллюске, **очень похожем на пинны** (мидии)

9) ἐμφερής τῷ ἀλαβαστρίτῃ (9.65)
ἐμфер-ῆς τ-ῶ ἀλαбαστρίт-ῃ
сходный-NOM.SG. ART-DAT.SG.M. алебастрит-DAT.SG
похож на алебастрит.

Для обозначения сходства в величине используется прилагательное ἡλικός — такого размера (как):

10) τὸ μὲν ὕψος ἡλικόν δίπους (9.63)
τὸ μὲν ὕψ-ος ἡλίк-ον δίπους
ART-NOM.SG. PTCL высота-NOM.SG. такой.как-NOM.SG.N. два.фута-NOM.SG.

высота размером в два фута.

По всей видимости, форма ἡλικόν иногда используется наречно:

11) μόλυβδος ... ἡλικόν πλίνθος (8.56)
μόλυβδ-ος ἡλίк-ον πλίνθ-ος
свинец-NOM.SG. такой.как-NOM.SG.N.ADV. кирпич-NOM.SG.
свинец размером с кирпич.

III. Как известно, сочетание артикля ὁ с местоимением αὐτός обозначает «тот же самый», т. е. оно тоже выражает подобие:

12) ποικίλος δὲ καὶ ὁ Κορίνθιος τοῖς αὐτοῖς χρώμασι (6.33)

ποικίλ-ος δὲ καὶ ὁ Κορίνθι-ος τ-οῖς αὐτ-οῖς χρώμα-σι

пестрый-NOM.SG.M. ПТCL и ART-NOM.SG.M.[NMLZ]

коринфский-NOM.SG.M. ART-DAT.PL.N. этот-DAT.PL.N. цвет-DAT.PL.N.

Пестрый и коринфский камень, с теми же цветами.

Более того, если данное сочетание имеет значение именно «тот же, такой же самый», оно может сочетаться с дательным падежом:

13) τὴν αὐτὴν ἔχειν τῷ πυρὶ δύναμιν (7.45)

τ-ὴν αὐτ-ὴν ἔχ-ειν τ-ῷ πυρ-ὶ δύναμι-ν

ART-ACC.SG.F. этот-ACC.SG.F. иметь-INF.PRS.ACT. ART-DAT.

SG.N. огонь- DAT.SG. свойство-ACC.SG.

иметь те же свойства, что и огонь.

Иногда подобие выражается с помощью указательного местоимения τοιοῦτος, тогда оно значит не просто «такой», а «такой, подобный», «такой, как то, о чем только что говорилось»:

14) ἐν γὰρ τῇ γῆ χρώμασί τε καὶ γλισχρότητι... καὶ τοῖς τοιοῦτοις αἶ
πολλαὶ διαφοραὶ (1.3).

ἐν γὰρ τ-ῇ γ-ῆ χρώμα-σί τε καὶ γλισχρότητ-ι... καὶ τοῖς τοιοῦτοις αἶ
πολλαὶ διαφοραὶ

LOC ведь ART-DAT.SG.F. земля-DAT.SG. цвет-DAT.PL. и клейкость-DAT.SG. и ART-DAT.PL.N.[NMLZ] такой-DAT.PL.N. ART-NOM.

PL.F. многих-NOM.PL.F. различие-NOM.PL.

В земле (*т. е. в различных ее видах*) относительно цветов и клейкости... и подобного рода качеств различий много.

Разумеется, если оба предмета обладают некой характеристикой, можно говорить об их сходстве. Поэтому ἄμφω (оба) вполне можно включить в группу местоимений, выражающих подобие.

IV. Кроме того, идею сходства можно выразить с помощью наречий, образованных от указанных выше прилагательных и местоимений и значащих «точно так же» или «похожим образом»: ὁμοίως, παρὰ πησίως, ὡσαύτως:

15) ὡσαύτως συρρέουσιν (2.9)

ὡσαύτως συρρέ-ουσιν

так же течь-PRS.3PL.

точно так же текут

16) διαφανῆς ὁμοίως τῷ Χίῳ (1.7)

διαφανῆς ὁμοίως τ-ῷ Χί-ῳ

прозрачный-NOM.SG.M. как ART-DAT.SG.M.[NMLZ] хиосский-DAT.SG.M.

прозрачный, как и хиосский камень.

Также сходство выражают наречные образования ὅσον (настолько, как, примерно) и οἷον (словно, около, примерно). При этом с помощью последнего могут вводиться примеры:

17) μέγεθος δὲ ὅσον διπλασία τῆς μεγίστης ψήφου (7.47)

μέγεθ-ος δὲ ὅσον διπλασί-α τ-ῆς μεγ-ίστ-ης ψήφ-ου

размер-NOM.SG. PTCL как двойной.размер-NOM.SG. ART-GEN. SG.F. большой-SUPERL-GEN.SG.F. псефос-GEN.SG.

Размером как два самых больших псефоса

18) πεπυρωμένα καὶ οἷον κατακεκαυμένα, οἷον καὶ ἡ σανδαράκη... (8.50)

οἷον κατα~κε~каυ-μέν-α, οἷον καὶ ἡ σανδαράκ-η

будто pref~PF~сжигать~PTCP-NOM.PL.N. как и ART-NOM.SG.F. сандарак-NOM.SG.

будто сожженные, как сандарак...

V. Говоря о сходстве, Феофраст использует глаголы с соответствующим значением: ἐξομοίω (уподоблять), μιμέομαι (подражать); или же пишет, что один предмет несколько не отличается от другого:

19) ἔνιοι δὲ τοῖς χρώμασιν ἐξομοιοῦσθαι δύνανται τὸ ὕδωρ (1.4)

ἐνι-οι δὲ τ-οῖς χρώμα-σιν ἐξομοι-οῦσθαι δύνα-νται τ-ὸ ὕδωρ

некоторые-NOM.SG.M. PTCL ART-DAT.SG.M. цвет-DAT.SG. уподоблять-INF. PRS.MED. мочь-PRS.3PL.MED. ART-ACC.SG.N. вода-ACC.SG.

некоторые (камни) могут уподоблять себе по цвету воду

20) ἐποίησε χυτὸν κύανον μιμησάμενος τὸν αὐτοφυῆ (8.55)

ἐ-ποίη-σ-ε χυτ-ὸν κύαν-ον μιμη-σά-μεν-ος τ-ὸν αὐτοφυ-ῆ

AOR~делать-AOR-3SG.ACT. расплавленный-ACC.SG.M. азурит-ACC.SG. подражать-AOR-PTCP.MED.-NOM.SG.M. ART-ACC.SG.M[NMLZ] самородный-ACC.SG.

сделал плавленный азурит в подражание самородному

21) διὰ τὸ μηδὲν τῇ χροῖα διαφέρειν (8.51)

διὰ τ-ὸ μηδὲ-ν τ-ῇ χροῖ-α διαφέρ-ειν

из-за ART-ACC.SG.N[NMLZ] ничто-ACC.SG. ART-DAT.SG.F. цвет-DAT.SG. отличаться-INF.PRS.ACT.

из-за того, что ничем не отличается в отношении цвета.

VI. У Феофраста встречается и другой способ выразить подобие через отрицание. В шестой главе он говорит о сходстве сапфира и «мужского» азурита, используя выражение со словом πόρρω, выступающим в качестве предлога, который обычно значит «далеко от», а здесь имеет переносное значение:

- 22) αὕτη γὰρ μέλαινα οὐκ ἄγαν πόρρω τοῦ κυάνου (6.37)
 αὕτ-η γὰρ μέλαιν-α οὐκ ἄγαν πόρρω τ-οῦ κυάν-ου
 он-NOM.SG. так.как темный-NOM.SG.F. не слишком отличаю-
 щийся.от ART-GEN.SG.M. азурит-GEN.SG.
 Так как он (камень) темный и не сильно отличается от азурита.

Несколько ниже он использует это же выражение применительно к кораллам:

- 23) οὐ πόρρω τούτου τῆ φύσει καὶ ὁ Ἰνδικὸς κάλαμος (6.38)
 οὐ πόρρω τούτ-ου τ-ῆ φύσ-ει καὶ ὁ Ἰνδικ-ὸς κάλαμ-ος
 не отличающийся.от он-GEN.SG. ART-DAT.SG.F. свойство-DAT.
 SG. и ART[NOM.SG.M] индийский-NOM.SG.M. тростник-NOM.
 SG.

по свойствам не отличается от него (коралла) и «индийский тростник».

VII. Самым интересным, на наш взгляд, способом выражения подобия является использование сложных прилагательных со значением сходства. Их можно разделить на три группы в зависимости от суффикса: -ώδης, -ειδής или -ωψ. Модели образования подобных лексем были столь продуктивны, что в трактате встречаются слова, явно придуманные Феофрастом для описания конкретных камней. Два из них являются гапаксами: ψηφοειδής (размером с псефос) и χαλικώδης (словно состоящий из мелких камней). Стоит отметить, что множество слов с -ώδης и -ειδής можно найти в ботанических трактатах Феофраста Περί φυτῶν ἱστορίας и Περί φυτῶν αἰτιῶν.

Суффикс -ειδής происходит от слова «вид, облик» — εἶδος [Frisk 1960: 451], поэтому прилагательные с данным элементом иногда можно переводить словами, оканчивающимися на «-видный». В трактате «О камнях» встречаются следующие примеры таких образований: κίσσηροειδής (похожий на пемзу), γωνιοειδής (угловатый), χλωροειδής (зеленоватый).

Суффикс -ώδης предоставлял продуктивную модель словообразования для древнегреческого. Как известно, он родственен корню глагола ὀζω (пахнуть), но со временем значение морфемы размылось [Beekes 2010: 1050]. У Феофраста с помощью этого суффикса описываются характеристики минералов, уже не связанные с запахом: γεώδης (землистый/землеобразный), μυλώδης (подобный мельничному камню), ἰώδης (похожий на ржавчину), αὐχμώδης (как засохшая грязь), βωλώδης (как ком земли), καπνώδης (похожий на дым), ἀνθρακώδης (подобный углю), λιθώδης (как камень). На то, что речь идет исключительно о внешнем облике, может указывать стоящий рядом с подобными прилагательными *dativus relationis*: πικνότητι καὶ βάρει (по плотности и весу), τῆ χροῶ (цветом). Прилагательные

на -ώδης, сами по себе содержащие идею сравнения, могут употребляться в сравнительной степени: ἀνθρακωδέστερα — «более похожая на уголь» (8.54), λιθωδέστερα — «более похожая на камень» (9.65).

В древнегреческом существует прилагательное οἰνώδης, но Феофраст, сравнивая цвет аметиста с вином, использует прилагательное οἶνωψ (5.31), встречающееся у античных авторов гораздо чаще. В трактате «О камнях» οἶνωψ оказывается единственным примером образования с -ωψ. Однако это довольно характерный суффикс, происходящий от корня -οψ-, связанного со зрением. В других сочинениях Феофраста подобные прилагательные встречаются чаще: αἰγίλωψ (вид дуба или знак), κύνωψ (подорожник), μύωψ (щурящий глаза, близорукий), ὕδρωψ (водянка).

VIII. Отдельно следует выделить сложные прилагательные, обозначающие точный размер: τετράπηχυς (в четыре пехия), τρίπηχυς (в три пехия), χειροπληθής (легко умещающийся в руке). Первые два слова образованы от πῆχυς — «рука, предплечье». В Греции пехий (локоть) был мерой длины, равнявшейся примерно 46 см [Дворецкий 1958: 1315]. Очевидно, что здесь сохраняется идея подобия. Второе же прилагательное соотносится со словами πλήθος (множество, размеры) и χεῖρ (рука). В контексте рассказа о камнях его вполне можно переводить словосочетанием «размером с ладонь».

IX. Выражение подобия можно встретить и в самих названиях камней. Мы не будем анализировать все наименования, разберем лишь избранные примеры. Суффикс -ειδής используется в названии оливина (или перидота): ἡ ὑαλοειδής λίθος — буквально «стекловидный камень», он сравнивается со стеклом или кристаллами из-за прозрачности или блеска. Часто название образуется путем субстантивации. О сравнении в таком названии можно говорить тогда, когда исходное прилагательное получает переносное значение: ἀδάμας (адамант) — от ἀδάμας (непреклонный), назван так из-за особой прочности; οἱ τίκτοντες — некие «порождающие» камни; эта метафора, возникла, вероятно, из-за ассоциации внутренней части камня, содержащей другой минерал (сердечник), с утробой матери. Название аурипигмента, ἀρρένικόν, ассоциировалось с прилагательным ἀρρένικός — мужской. Впрочем, это вещество представляет собой сульфид мышьяка, тоже именуемого ἀρσενικόν. А это название, как считается, имеет восточное происхождение. Возможно, оно попало в древнегреческий язык как семитское заимствование [Beekes 2010: 141]. Так что здесь сравнение с чем-то «мужским» является скорее народной этимологией.

Для названий также характерны уменьшительные суффиксы: темный мрамор по цвету сравнивался с углем (ἄνθραξ) и потому получил название ἀνθράκιον; словом ὀνύχιον (коготок) называется

оникс (у самого слова ὄνυξ тоже есть значение «оникс», но у Феофраста оно не встречается). О метафорике, а следовательно, и о сравнениях, можно говорить в случае с некоторыми названиями-композициями: πυρόμαχος — это огнеупорный камень, его название буквально переводится как «сражающийся с огнем». Метафорой можно считать и наименование яри-медянки — ἰός; это вещество синеватого цвета издревле используется как красящий пигмент. При обработке мастера могли отравиться ею, поэтому ее могли назвать просто ядом (ἰός). С другой стороны, эта ярь представляет собой коррозию на меди, поэтому здесь может иметься в виду другое значение ἰός — «ржавчина, патина, налет на металле». К метафорическим названиям следует относить и такие названия, как женский и мужской сердолик, женский и мужской лингурий (турмалин), женский и мужской азурит. Мужским камнем, согласно Феофрасту, называются более темные экземпляры (5.31). Более светлый камень словно сравнивается с белокожей женщиной, а более темный — с загорелой мужской кожей. Похожее субъективное деление видов на «мужской» и «женский», не основанное на биологических признаках, встречается в «Истории растений» Феофраста, где более хрупкие, тонкие, невысокие или более плодоносные деревья называются женскими, а более крупные, дающие меньше плодов и имеющие более крепкую древесину — мужскими. Помимо перечисленных ранее суффиксов, в названиях камней встречается также суффикс -ῖτις, который, по всей видимости, также может выражать сравнение: например, αἰματίτις (гематит или яшма), как пишет сам Феофраст, напоминает запекающуюся кровь.

В качестве обобщения все выделенные нами группы выражающих подобие лексико-синтаксических и деривационных средств, которые встречаются в исследуемом трактате, перечислены в Таблице 1 ниже.

Таким образом, в трактате Περί λίθων выделяются восемь основных способов выражения подобия, которые следует объединять в две группы: лексико-синтаксические и деривационные средства. К первой группе относится использование союзов (ὡς τε, καθά τε, ὡς, καί), использование прилагательных (ὅμοιος, παρόμοιος, παραπλήσιος, ἐμφερής, ἡλίκος), местоимений (ὁ αὐτός, τοιοῦτος, ἄμφω), наречий (ὁμοίως, παραπλησίως, ὡσαύτως, ὅσον, οἶον), глаголов (ἐξομοίω, μιμέομαι) и выражений с отрицанием, которые включают в себя как глаголы, так и особые предложные конструкции с генетивом (μηδὲν διαφέρει, οὐ πόρρω). Ко второй группе относится использование суффиксов -ώδης, -ειδής, -ωψ, а также сложных прилагательных, указывающих на размер. О выражении подобия в наименованиях камней следует говорить отдельно. В них сходство тоже может выражаться с помощью суффиксов (как -ώδης, -ειδής,

так и уменьшительных). Кроме того, для этого используются субстантивация прилагательных, перенос значения по сходству (метафоризация) и композиты, также имеющие переносное значение. Наиболее часто в исследуемом трактате используются союзы и прилагательные со значением сходства. Употребление множества сложных прилагательных с суффиксами -ὠδης и -εἰδής является признаком античного научного трактата и в особенности характерно для трудов Феофраста. Сравнительно необычным способом выразить сходство в научном трактате можно считать выражение «οὐ πόρρω + Gen». Могло бы показаться, что обилие метафор нехарактерно для строго научных сочинений, однако многие современные лингвистические исследования посвящены изучению метафор именно в научных текстах, и труды Феофраста показывают, что метафорика и концептуализация стали неотъемлемой частью научного мышления уже в античности. В исследуемом трактате метафоризация используется в наименованиях камней. Большое количество самых разных сравнений говорит не только о таланте Феофраста как писателя, но и о его внимании к деталям, о стремлении создать точные описания камней, составляющие единую систему. Наличие характерных прилагательных и многообразия сравнений могут служить аргументом в пользу того, что авторство трактата Περί λίθων действительно принадлежит Феофрасту.

Таблица 1

Группы	Средства	Кол-во	Примечания
<i>Лексико-синтаксические средства выражения подобия</i>			
I. Союзы	ὠσπερ	18	встречаются наречные употр., может вводить примеры
	καθάπερ	7	может вводить примеры
	ὡς	3	+ 1 наречное употр.
	καί	12	
II. Простые прилагательные	ὁμοίος	10	
	παρόμοιος	2	
	παρπλήσιος	1	
	ἐμφερής	1	
	ήλικος	3	
III. Местоимения	ὁ αὐτός	5	
	τοιοῦτος	1	
	ἄμφω (+ἀμφοτέρα)	2	

Группы	Средства	Кол-во	Примечания
IV. Наречия, образованные от прилагательных и местоимений	ὁμοίως	2	
	παράλληλῶς	2	
	ὠσαύτως	2	
	ὅσον	2	
	οἷον	4	
V. Глаголы	ἐξομοίω	1	
	μιμέομαι	2	
VI. Отрицание	μηδέν διαφέρειν	1	
	οὐ πόρρω + Gen. сущ.	2	πόρρω — в переносн. знач.
<i>Деривационные средства</i>			
VII. Аффиксация	Суффикс -ώδης	11	
	Суффикс -ειδής	3	1 наименование
	Суффикс -ωψ	1	οἶνωψ
	Суффикс -ίτις	2	Только в наименованиях
VIII. Композиты	Прил. — производн. от числит. и мер длины	4	
IX. Метафоризация	Переносн. знач. 1 сущ.	3	Преимущественно в наименованиях ⁴
	Субстантивация + перенос. знач.	4	Только в наименованиях
	Сл-соч. с прил. мужской/ женский	7	Только в наименованиях
	Сущ.-композиты с переносн. знач.	2	Только в наименованиях
	Суффикс -ιον + перенос. знач.	3	Только в наименованиях

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Величко А.В. и др. Книга о грамматике. Для преподавателей русского языка как иностранного. СПб, 2018.
2. Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. М., 1958.
3. Россиус А.А. Феофраст. О камнях // Вестник древней истории. 2005. № 3. С. 306–331.

⁴ Пожалуй, стоит отметить, что такие метафоры встречаются не только в названиях. Так, в данном трактате встречается слово φλέψ (жилка, кровеносный суд), обозначающее здесь жилу в геологическом смысле, т. е. в древнегреческом существовало то же сопоставление, что и в русском языке.

4. Beekes R. *Etymological Dictionary of Greek*. Leiden-Boston, 2010.
5. CGL — *The Cambridge Greek Lexicon*. Ed. by J. Diggle (Editor-in-Chief). Cambridge University Press, Padstow, Cornwall, 2021.
6. Chantraine P. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. Paris, 1968–1980.
7. Eichholz D.E. *Theophrastus. De lapidibus*. Oxford, 1965.
8. Frisk H. *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg, 1960.

REFERENCES

1. Velichko A.V. et al. *Kniga o grammatike. Dlya prepodavateley russkogo yazyka kak inostrannogo* [Book of Grammar. For University Teachers of Russian as a Foreign Language]. Saint-Petersburg, Zlatoust Publ., 2018. 752 p. (In Russ.).
2. Dvoretzkiy I.Ch. *Drevnegrechesko-russkii slovar'* [Ancient Greek — Russian Dictionary], vol. 1–2. Moscow, GIS Publ., 1958. 1095 p. (In Russ.).
3. Rossius A.A. Feofrast. O kamnyakh [Theophrastus. On stones]. *Vestnik drevnei istorii* [Ancient History Bulletin], 2005, no. 3, pp. 306–331. (In Russ.).
4. Beekes R. *Etymological Dictionary of Greek*. Leiden-Boston, 2010.
5. CGL — *The Cambridge Greek Lexicon*. Ed. by J. Diggle (Editor-in-Chief). Cambridge University Press, Padstow, Cornwall, 2021.
6. Chantraine P. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. Paris, 1968–1980.
7. Eichholz D.E. *Theophrastus. De lapidibus*. Oxford, 1965.
8. Frisk H. *Griechisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg, 1960.

Поступила в редакцию 22.07.2023

Принята к публикации 11.06.2024

Отредактирована 23.07.2024

Received 22.07.2023

Accepted 11.06.2024

Revised 23.07.2024

ОБ АВТОРЕ

Пархаева Мария Павловна — аспирант кафедры классической филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, преподаватель кафедры классической филологии МГЛУ; masha1512@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Maria Parkhaeva — PhD Student, Department of Classical Philology, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; member of the Department of Classical Philology, Moscow State Linguistic University; masha1512@mail.ru

О СРАВНЕНИИ ОРАТОРСКОГО И МУЗЫКАЛЬНОГО ИСКУССТВ У ДИОНИСИЯ ГАЛИКАРНАССКОГО

А.В. Волошина

*Московский государственный лингвистический университет, Москва,
Россия; voloshina-alla.v@yandex.ru*

Аннотация: В статье рассматривается, как тему сопоставления ораторского и музыкального искусств трактует автор I в. до н. э. Дионисий Галикарнасский. В свои сравнения Дионисий вводит музыкальные понятия и термины — как общепотребительные, так и более специальные. Проведенные им сопоставления обнаруживают влияние не только музыкальной теории, но и философской традиции. Дионисий видит сходство риторики и музыки в способности оратора ослаблять и усиливать элементы стиля подобно тому, как музыкант изменяет натяжение струн, а также в приобретении навыков для овладения обоими искусствами. Развернутые музыкальные сравнения для Дионисия — средство объяснить сложные понятия, ключевые для его представления о риторике: так, сопоставления стиля Лисия и Фукидида с $\nu\eta\tau\eta$ (нета, нижняя струна с высоким звуком) и $\acute{\upsilon}\lambda\acute{\alpha}\tau\eta$ (гипата, верхняя струна с низким звуком), а среднего вида соединения слов с $\mu\acute{\epsilon}\sigma\eta$ (меса, средняя струна, середина музыкального звукоряда) являются существенными для понимания сформулированной Дионисием концепции трех стилей красноречия и трех типов соединения слов.

Ключевые слова: Дионисий Галикарнасский; музыка; риторика; сравнение; $\nu\eta\tau\eta$, $\acute{\upsilon}\lambda\acute{\alpha}\tau\eta$, $\mu\acute{\epsilon}\sigma\eta$

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-04-9

Для цитирования: Волошина А.В. О сравнении ораторского и музыкального искусств у Дионисия Галикарнасского // Вестн. Моск.ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 4. С. 116–126.

ON THE COMPARISON OF RHETORIC AND MUSIC BY DIONYSIUS OF HALICARNASSUS

Alla Voloshina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia; voloshina-alla.v@yandex.ru

Abstract: The article examines comparisons with music found in the rhetorical works of Dionysius of Halicarnassus. The aim of the study is to analyze the peculiarities of these comparisons, to explain their significance for the ancient critic. In

his comparisons, Dionysius introduces musical concepts and terms, both common and more specific. The comparisons made by Dionysius reveal the influence not only of musical theory, but also of philosophical tradition, particularly Aristotle and the Peripatetics. Dionysius emphasizes the similarity of rhetoric and music in the ability of the orator to weaken and strengthen elements of style in the same way as a musician changes the tension of strings, as well as in acquiring the skills to master both arts. Dionysius' musical comparisons are important explaining tools: comparisons of the style of Lysias and Thucydides with $\nu\eta\tau\eta$ and $\upsilon\pi\acute{\alpha}\tau\eta$, the average type of word composition with $\mu\acute{\epsilon}\sigma\eta$ are essential for understanding the key concepts of three styles of eloquence and three types of composition.

Keywords: Dionysius of Halicarnassus; music; rhetoric; comparison

For citation: Voloshina A. (2024) On the Comparison of Rhetoric and Music in Dionysius of Halicarnassus. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 116–126.

Дионисий Галикарнасский, писатель I века до н. э., известен преимущественно как историк, автор «Римских древностей», и значительно реже рассматриваются его сочинения, посвященные вопросам ораторского искусства. Большое значение для Дионисия имеет музыкальная тема, в разработке которой отмечается влияние на него Аристотеля, Феофраста, Аристоксена и Аристофана Византийского [Aujac, Lebel 2003: 20, 29; Pöhlman 2020: 195, 197, 200]. Э. Роккони считает, что перипатетическая музыкальная традиция повлияла на подход критика к исследованию языка и стиля [Rosconi 2008: 177, 185]. Б. Джентили подчеркивает внимание Дионисия к звуковому аспекту текста [Gentili 1990: 7, 10]. К. де Йонге видит связь между музыкальной теорией и представлениями Дионисия о риторической композиции [Jonge 2016: 53].

В настоящей статье рассматривается другая сторона музыкальной темы, а именно, традиционное для античности соположение риторики и музыки¹, которое для Дионисия отмечается, но не анализируется подробно. Задача работы — раскрыть собственный подход Дионисия Галикарнасского к этой теме на материале сравнений из сочинений «О Демосфене» (D.H. Dem. 2) и «О соединении слов» (D.H. Comp 21, 25), которые являются одними из наиболее тщатель-

¹ Связь красноречия с другими искусствами, в частности с музыкой, анализируется в статье Т. Хабинека [Habinek 2017: 289–299]. В качестве примера Хабинек отмечает сопоставления риторики и музыки у Цицерона. Сближение ораторского и музыкального искусства отчасти объясняется тем, что, согласно античным представлениям, проза происходит от песни [Habinek 2017: 291]. Сам Дионисий замечает, что риторика некогда была музыкальной наукой, ведь речь отличается от музыки не качественно, но количественно (D.H. Comp. 11).

но разработанных трудов Дионисия как по содержанию, так и в отношении авторского стиля².

В начале сочинения «О Демосфене» Дионисий рассуждает об особенностях необычного, неумеренного и богато украшенного стиля Фукидида, затем переходит к похожему на обычную речь гладкому и простому стилю, совершенства в котором достиг Лисий. Дионисий отмечает, что стиль Лисия противоположен стилю Фукидида (D.H. Dem. 2):

«...эти мужи соотносятся (ἡρμόσαντο) друг с другом как октава (τὴν διαπασῶν ἀρμονίαν), они заняли крайние точки обоих стилей (τὰς ἀκρότητας ἀμφοτέρας τῆς λέξεως), которые более всего отстоят (πλειστον ἀλλήλων ἀπέχουσι) друг от друга... В каком отношении самая верхняя струна состоит к самой нижней в музыке (ὄντερ ἢ νῆτη πρὸς ὑπάτην ἐν μουσικῇ λόγον ἔχει), так же в красноречии стиль Лисия соотносится со стилем Фукидида»³.

Здесь Дионисий сравнивает стили красноречия и ступени звукоряда: νῆτη, обладающая самым высоким звуком⁴, сравнивается с легким и приятным стилем Лисия, а ὑπάτη, самый низкий звук, — с трудным стилем Фукидида. Критик также подчеркивает, что стили Лисия и Фукидида совершенно противоположны друг другу, для чего введена аналогия с октавой, самым большим музыкальным интервалом, крайние звуки которого находятся на наибольшем расстоянии друг от друга.

К музыкальной лексике, помимо νῆτη и ὑπάτη, можно отнести λόγος 'соотношение, пропорция'⁵ и глагол ἀπέχω, которым в музыкальных контекстах обозначается интервал между звуками⁶. Инте-

² Кроме того, считается, что оба текста были написаны примерно в одно время. Большинство ученых полагают, что Дионисий прервал работу над сочинением «О Демосфене», чтобы написать трактат «О соединении слов», а значит, трактат был написан между двумя частями «О Демосфене» [Jonge 2008: 22]. Этот факт объясняет сходство двух сочинений по содержанию и образности.

³ Здесь и далее текст риторических сочинений Дионисия дается по изданию Ж. Ожак и М. Лебеля [Aujas 2002; Aujas, Lebel 2003] в переводе автора статьи.

⁴ В античности νῆτη — нижняя струна, а ὑπάτη — верхняя, при этом νῆτη, напротив, имела высокий звук, а ὑπάτη — низкий [West 1992: 64]. В данном случае Дионисий, на наш взгляд, имеет в виду скорее звуки музыкальной системы (ступени звукоряда), а не расположение струн относительно друг друга.

⁵ «Почему октава — наилучшее созвучие? Потому что ее границы соотносятся как целые числа...» (Arist. Pr. 920a 27–28 Διὰ τί ἢ διὰ πασῶν καλλίστη συμφωνία; ἢ ὅτι ἐν ὅλοις ὄροις οἱ ταύτης λόγοι εἰσιν...).

«Мы радуемся созвучию, так как оно — слияние противоположностей, соотносящихся друг с другом...» (Arist. Pr. 921a 2–3 συμφωνία δὲ χαίρομεν, ὅτι καρίσ ἐστι λόγος ἐχόντων ἐναντίων πρὸς ἀλληλα).

⁶ «...лихана, которая отстоит от меса на тон» (Aristox. Harm. 46,95 λιχανὸς ἢ τόνον ἀπὸ μέσης ἀπέχουσα). Здесь и далее цитаты из сочинения Аристоксена «Элементы гармоник» даются в переводе В.Г. Цыпина [Цыпин 1997]. «Они [ἀντίφωνοι

ресно выражение *διαλασῶν ἄρμονία*. Так, у Аристоксена *διὰ πασῶν* соединяется только с *διάστημα* (интервал)⁷, у Дионисия *διαλασῶν* встречается и с *ἄρμονία*, и с *διάστημα*⁸. Возможно, Дионисий отдает предпочтение слову *ἄρμονία* из-за его риторического значения. Так, в сочинении «О Демосфене» три вида композиции называются «гармониями»⁹. Кроме того, *ἄρμονία*, в отличие от *διάστημα*, содержит идею связанности, сочетания, и тем самым подчеркивается, что стили Лисия и Фукидида дополняют друг друга.

Отметим также слово *ἀκρότης*: оно встречается у Дионисия дважды. В числе недостатков полководца Марсия он называет чрезмерную строгость в соблюдении законов, ссылаясь при этом на древних философов, которые считали добродетелью середину, а не крайности: D.H. Ant. Rom. VIII. 61, 2 *μεσότητές εἰσιν, ἀλλ' οὐκ ἀκρότητες αἱ τῶν ἡθῶν ἀρεταί* — очевидная параллель с Аристотелем (Arist. EN 1106b24-28, 1107a1-8)¹⁰. Вероятно, и в музыкальном сравнении *ἀκρότητες* отсылает к аристотелевской идее превосходства середины над крайностями. Слово «середина» здесь еще не присутствует, но, очевидно, подразумевается, ведь вскоре Дионисий будет описывать средний стиль, изобретенный Фрасимахом (D.H. Dem. 3 ἢ... *Θρασυμάχου λέξις, εἰ δὴ πηγὴ τις ἦν ὄντως τῆς μεσότητος...*).

Сходное сопоставление проводит Лукиан, подчеркивая разницу между философским диалогом и комедией: эти жанры сравниваются с высоким и низким тоном, они настолько не похожи, как будто между ними две октавы (Luc. Prom. Es 6 ... *τὸ τῶν μουσικῶν τοῦτο, δις διὰ πασῶν εἶναι τὴν ἄρμονίαν, ἀπὸ τοῦ ὀξυτάτου ἐς τὸ βαρύτατον*). Лукиан использует сравнение скорее как риторическое украшение¹¹, а Дионисий — для наглядного представления стилей красноречия.

φωναί, букв. «звучащие в ответ») единственные отстоят на равном расстоянии от мезы» (Arist. Pr. 919a 10 *μόνα ἴσον ἀπέχουσι τῆς μέσης*).

⁷ «Вовсе не потому возникает согласие через четыре, через пять и через все [звуки, т. е. через восемь], и каждый из прочих интервалов получает надлежащую величину...» (Aristox. Harm. 41,66 *οὐ...διὰ τοῦτο συμφωνεῖ διὰ τεσσάρων ἢ διὰ πέντε ἤτοι διὰ πασῶν, ἢ τῶν ἄλλων διαστημάτων ἕκαστον λαμβάνει τὸ προήκον μέγεθος...*).

⁸ «Инструментальная и вокальная музыка использует большее число интервалов, не только квинту, но, начиная с октавы, пользуется в своей мелодии и квинтой, и четвертой...» (D.H. Comp. 11 *ἢ δὲ ὀργανικὴ τε καὶ ψῳδικὴ μῦσα διαστήμασι τε χρῆται πλείοσιν, οὐ τῶν διὰ πέντε μόνον, ἀλλ' ἀπὸ τοῦ διὰ πασῶν ἀρξάμενη καὶ τὸ διὰ πέντε μελωδεῖ καὶ τὸ διὰ τεττάρων...*).

⁹ См. D.H. Dem. 37 *τρεις γὰρ δὴ συνθέσεις...χαρακτήρες* и *αἱ τῆς λέξεως ἄρμονίαι* *τρεις*.

¹⁰ Дионисий использует эту же мысль как аргумент, подтверждающий превосходство среднего соединения слов: *μεσότης δὲ ἢ ἀρετὴ καὶ βίων καὶ ἔργων καὶ τεχνῶν, ὡς Ἀριστοτέλει τε δοκεῖ καὶ τοῖς ἄλλοις ὅσοι κατ' ἐκείνην τὴν αἴρεσιν φιλοσοφοῦσι* (D.H. Comp.24).

¹¹ Словосочетание *δις διὰ πασῶν*, кроме этого места, встречается у Лукиана еще дважды (Luc. Hist. Conscr.14–16; Luc. Arol. 14–17) как устойчивое выражение,

В трактате «О соединении слов» Дионисий формулирует теорию трех типов соединения слов (σύνθεσις/ἄρμονία). Он подробно описывает гладкое (γλαφυρά) и шероховатое (αὔστηρά) соединение. Затрудняясь дать точное определение среднему соединению (μέση/εὐκράτος), Дионисий прибегает к музыкальному сравнению (D.N. Comp. 21):

«...в соответствии с ослаблением и натяжением крайних звуков (κατὰ ἄνεσίῃ τε καὶ ἐπίτασιν τῶν ἐσχάτων ὄρων) образуются многие средние [виды соединения слов]: однако не как в музыке, где средняя струна (ἢ μέση) отстоит от верхней и нижней на одинаковом расстоянии (τὸ ἴσον ἀπέχει τῆς νῆτης καὶ τῆς ὑπάτης), в речах средний тип [соединения] (ὁ μέσος χαρακτήρ) не отстоит от каждой крайней точки (τῶν ἄκρων) на равном расстоянии, но относится к тому, что рассматривается в широком смысле, как стадо, куча и многое другое (ἔστι τῶν ἐν πλάτει θεωρουμένων ὡς ἀγέλη τε καὶ σωρὸς¹² καὶ ἄλλα πολλά)».

Существительные ἄνεσις и ἐπίτασις отсылают к идее настраивания струнного инструмента¹³; существительное ὄροι — звуки, ограничивающие интервал¹⁴, однако прилагательное ἔσχατος в сочетании с ὄρος обычно не встречается в музыкальном контексте. Интересно, что применительно к стилям Лисия и Фукидида крайности обозначались аристотелевским словом ἀκρότης, а говоря о типах соединения, Дионисий использует более подходящее для музыкального описания слово ἄκρον, обозначающее границы интервала¹⁵.

Соединение слов уподоблено музыкальному звукоряду, но если крайности в риторике могут быть сопоставлены с самым высоким и низким звуком, то среднее соединение не соответствует μέση в му-

показывающее большую разницу между двумя предметами, явлениями и т. д.

¹² Ж. Ожак и М. Лебель в своем комментарии [Aujas, Lebel 2003: 218] обращают внимание на слово σωρὸς и предлагают параллель с Аристотелем (Arist. Metaph. 1044a, 1084b).

¹³ Например, Платон так описывает настраивание лиры: «...некий музыкант, настраивая лиру, хочет превзойти другого музыканта в ослаблении и натяжении струн...» (Pl. R. 349e11 μουσικὸς ἀνήρ ἄρμοττόμενος λύραν ἐθέλειν μουσικοῦ ἀνδρὸς ἐν τῇ ἐπίτασει καὶ ἀνεσει τῶν χορδῶν πλεονεκτεῖν...).

¹⁴ «...границы кварты консонируют...» (Aristox. Harm. 55.146 ὑπάρχουσι μὲν γὰρ οἱ τοῦ διὰ τεσσάρων ὄροι συμφωνοί). «Так что могут быть смежны два таких подобных тетрахорда, у которых либо посередине имеется тон, либо перекрещиваются границы» (Aristox. Harm. 59.6 ὥστε δύο τετράχορδα ὅμοια τοιαῦτα συμβαίνειν ἐξῆς ἀλλήλων εἶναι ὧν ἦτοι τόνος ἀνά μέσον ἐστὶν ἢ οἱ ὄροι ἐπαλλάττουσιν).

¹⁵ «Различия родов постигаются в таком тетрахорде, как от меры до гипаты, когда крайние [звуки] остаются неподвижными, а средние перемещаются...» (Aristox. Harm. 46.93 Αἱ δὲ τῶν γενῶν διαφοραὶ λαμβάνονται ἐν τετράχορδῳ τοῦτω οἷόν ἐστι τὸ ἀπὸ μέσης ἐφ' ὑπάτην, τῶν μὲν ἄκρων μενόντων, τῶν δε μέσων κινουμένων...).

зыкальной системе¹⁶: μέση занимает среднее положение в музыкальном звукоряде, а середина в красноречии не имеет строго определенного места. Эта мысль проясняется, когда Дионисий говорит, что среднее соединение слов имеет множество видов, авторы, использующие его, действуют не одинаково, одни усиливают и ослабляют одно, другие — другое (D.H. Comp. 24 ἐτέτεινάν τε καὶ ἀνήκαν ἄλλως ἄλλοι τὰ αὐτά). Здесь снова отметим сравнение: ἐπιτείνω и ἀνήμι, как ἄνεσις и ἐπίτασις выше, описывают натягивание/ослабление струны¹⁷.

Дионисий понимает среднее соединение расширительно, как коллективное обозначение совокупности, подобной стаду или куче. К этому определению он вернется в Comp. 24 οὐ κατὰ ἀρτισμόν ἀλλ' ἐν πλάτει. Противопоставление ἐν πλάτει/κατὰ ἀρτισμόν для определения того, что имеет протяженность, Дионисий, на наш взгляд, заимствует у стоиков¹⁸. Известно, что многие идеи, изначально разработанные стоической школой, ко времени Дионисия стали частью общекультурного репертуара¹⁹. Данный же пример, на наш взгляд, представляет собой заимствование не на уровне содержания, но на уровне выражения, показывая, как круг чтения античного критика влияет на форму, в которую он облакает свою мысль.

Похожий образ использует Квинтилиан. Он отмечает, что наряду с тремя основными родами красноречия (subtile, grande, floridum) существует множество их разновидностей, как у музыкантов, которые, установив на кифаре пять звуков²⁰, заполняют оставшееся пространство между струнами многими «вставными» звуками (Quint. Inst. XII 10,68). Эти звуки — установившаяся с V в. до н. э. тетрада (гипата, меса, парамеса, нета) с гипергипатой [Hagel 2009: 133–134]. Пять звуков, очевидно, не могут быть сопоставлены с тремя родами красноречия, о которых говорит Квинтилиан, тогда как у Дионисия представлена более древняя триада (гипата, меса, нета), прямо соответствующая трем типам соединения слов, которые он

¹⁶ В античности μέση — средняя струна лиры, при этом она воспринималась как “tonal centre” [West 1992: 219]. Здесь Дионисий, на наш взгляд, отсылает не только к взаимному расположению струн на лире, но к тому, что μέση является серединой музыкального звукоряда.

¹⁷ Образ ослабления/натяжения (ἄνεσις/ἐπίτασις) встречается у Дионисия часто: D.H. Isoc. 13; D.H. Dem. 13; D.H. Dem. 37; D.H. Dem. 44, D.H. Dem. 46.

¹⁸ Посидоний говорит так о времени: «сейчас» и сходное с ним понимаются как время в широком смысле, а не точно...» (Posidon. fr. 98 Edelstein/Kidd τὸ δὲ νῦν καὶ τὰ ὅμοια ἐν πλάτει χρόνον καὶ οὐχὶ κατ' ἀρτισμόν νοεῖσθαι...). См. также Chrysipp. Stoic. fr. 509 Arnim.

¹⁹ “...many Stoic ideas had become part of the general intellectual discourse of the first century BC...” [Jonge 2016: 276].

²⁰ Квинтилиан говорит буквально о звуках (Quint. Inst. XII.10,68 in cithara quinque constituerunt sonos), Ш. Хагель переводит sonos как notes [Hagel 2009: 133].

выделяет. Дионисий привлекает сравнение для описания трудно-определимого среднего соединения, причем подчеркивает разницу между риторикой и музыкой, а Квинтилиан показывает многообразие вариантов красноречия, обращая внимание на сходство этих искусств.

В трактате «О соединении слов» Дионисий излагает принципы метрической организации текста на примере речей Демосфена, обращая внимание на то, что за этим стоит не случайность, но мастерство оратора (D.H. Comp. 25)²¹:

«...когда он был юношей и только приступал к учению, было разумно, чтобы он [Демосфен] обозрел все, что могло бы послужить человеку на пользу: а после того, как долговременное упражнение (ἢ χρόνιος ἄσκησις), получив большую силу, запечатлевает в сознании некие оттиски и отпечатки всего, чему он учился (τύπους τινὰς ἐν τῇ διανοίᾳ παντὸς τοῦ μελετωμένου καὶ σφραγίδας ἐνεποίησεν), он уже легко делал это благодаря навыку (ἀπὸ τῆς ἔξεως αὐτὰ ἤδη ποιεῖν.). То же бывает и в других искусствах, цель (τέλος) которых некое действие или произведение (ἐνέργειά τις ἢ ποίησις): умеющие в совершенстве играть на кифаре, лире или авле всякий раз, когда слышат незнакомую музыку (κρούσεως ἀκούσωσιν ἀσυνήθους), тут же без многих усилий подбирают (ἀπαριθμοῦσιν αὐτήν) ее на своих инструментах, как только осознают ее; ведь они долгое время и с большим трудом учатся постигать значение звуков (τὰς δυνάμεις τῶν φθόγγων), и не сразу их руки были в состоянии исполнять предписанное (αἱ χεῖρες αὐτῶν ἐν ἔξει τοῦ δρᾶν τὰ παραγγελλόμενα ἦσαν), но затем, когда многие упражнения (ἢ πολλῇ ἄσκησις) превратили у них привычку в природную способность, тогда они стали преуспевать в этих делах».

Слово δύναμις как музыкальный термин обозначает функцию или значение звука²². Глагол ἀπαριθμέω, не имея специального музыкального значения, обычно используется при счете, перечислении предметов²³. Здесь выражение ἀπαριθμοῦσιν αὐτήν, т. е. κρούσιν (букв. «они пересчитывают инструментальную музыку») показывает, что

²¹ Дионисий разрабатывает эту же аргументацию практически в тех же выражениях в сочинении «О Демосфене», но там сравнивает риторику не с музыкой, а с грамматикой (D.H. Dem. 52).

²² «...если величина интервала остается неизменной, могут изменяться функции звуков...» (Aristox. Harm. 34,21 ...μένοντος γὰρ τοῦ μεγέθους συμβαίνει κινεῖσθαι τὰς τῶν φθόγγων δυνάμεις...). «Так что ясно, что при изменении интервальных величин род <остается>...соответственно, остаются неизменными и функции звуков» (Aristox. Harm. 49,105 ὡστ' εἶναι φανερόν, ὅτι κινουμένων τῶν μεγεθῶν συμβαίνει <διαμένειν> τὸ γένος... εἰκόσ καὶ τὰς τῶν φθόγγων δυνάμεις διαμένειν).

²³ У самого Дионисия этот глагол встречается в следующих контекстах: «подсчитывать долги» (D.H. Ant. Rom. IV.10,3), «отмерять золото» (D.H. Ant.Rom. IV. 62,3), «возместить штраф» (D.H. Ant. Rom. IX. 27,5), «перечислить основные пункты» (D.H. Lys. 19, 29).

музыка раскладывается на элементы, поддающиеся счету. На наш взгляд, здесь может подразумеваться такой компонент музыкального произведения, как ритм, ведь ранее в этой же главе Дионисий рассуждал о метрах в речах Демосфена (D.H. Comp. 25), а рассматриваемое сравнение он привел в конце главы как доказательство того, что Демосфен мог легко придавать прозе ритмическую организованность благодаря опыту.

Говоря о запечатленных в сознании оттисках, Дионисий обращается к распространенной идее следа. Платон описывает знание как остающийся в душе отпечаток (τύλον) или печать (σφραγίς) (Pl. Tht. 191c-192c); по Аристотелю, возникающие в памяти изображения подобны отпечатку ощущения (τύλον... τοῦ αἰσθημάτων), как будто отпечатываемые перстнем (σφραγίζόμενοι) (Arist. Mem. 450a25-b7).

В замечании об искусствах, цель которых действие и произведение, отмечают параллель с Аристотелем, считающим целью науки или искусства деятельность (ἐνέργεια) или результат этой деятельности (ἔργα) (Arist. EN I.1) [Roberts 1910: 268], а также с разделением наук у Платона на πρακτικόν, θεωρητικόν, ποιητικόν [Aujac, Lebel 2003: 224]. Нам представляется, что здесь уместно вспомнить и аристотелевское разделение видов знания на теоретическое, практическое и поийетическое (Arist. Met. 1025b25), ведь к поийетическому знанию можно отнести и риторику, и музыку.

Дионисий видит сходство ораторского и музыкального искусств также в длительной и трудной подготовке, в результате которой вырабатывается навык (ἔξις, см. ἀπὸ τῆς ἔξεως), причем обучение настолько развивает музыканта и оратора, что они могут действовать без усилий. Сходную мысль высказывает Квинтилиан: он замечает, что оратор должен уметь не только находить доказательства, но и делать это быстро. Скорость достигается благодаря многим упражнениям (Quint. Inst. V. 10, 125 *exercitatione multa*) подобно тому, как у музыкантов рука сама в силу привычки находит высокую, низкую и среднюю струну (Quint. Inst. V. 10, 125 *manus tamen ipsa consuetudine ad graves, acutos, medios nervorum sonos fertur*)²⁴. Квинтилиан сравнивает опытного музыканта и ритора на основании того, что оба могут действовать автоматически, Дионисий, помимо этого, отме-

²⁴ Примечательно сходство рассмотренных отрывков из Дионисия и Квинтилиана не только в общей идее, но и в отдельных формулировках: ср. ἡ χρόνιος ἄσκησις, ἡ πολλὴ ἄσκησις и *exercitatione multa*; ἀπὸ τῆς ἔξεως αὐτὰ ἤδη ποιεῖν, αἱ χεῖρες αὐτῶν ἐν ἔξει τοῦ δρᾶν τὰ παραγγελλόμενα и *manus tamen ipsa consuetudine ad graves, acutos, medios nervorum sonos fertur*. Параллели между этими текстами, вероятно, объясняются распространенностью подобных описаний в античности, однако также следует отметить, что Квинтилиан мог опираться на сочинение Дионисия, во всяком случае Квинтилиан обращается к авторитету Дионисия как ритора (Quint. Inst. III.1,16, IX. 3, 89, IX. 4, 88).

чает, что мастерство музыканта и оратора проявляется в способности легко воспроизводить услышанное.

Итак, рассмотрев, как Дионисий интерпретирует тему «риторика/музыка», мы можем сказать, что это сопоставление имеет большое значение в его концепции красноречия. Он проводит сравнение риторики и музыки по следующим направлениям:

- Стили Лисия и Фукидида сопоставляются с самым высоким и низким звуком, они настолько не похожи, как будто занимают крайние точки музыкального интервала.
- Среднее соединение слов противопоставлено середине звукоряда: если в звукоряде меса находится на равном расстоянии от неты и гипаты, то в риторике среднее соединение понимается как множество вариантов между гладким и шероховатым соединением.
- Оратор варьирует соединение слов подобно тому, как музыкант натягивает и ослабляет струны своего инструмента.
- Для музыканта и оратора важна тренировка, в результате которой вырабатывается навык, позволяющий делать многое без особых усилий.

Сопоставления показывают особенности подхода Дионисия как ритора и дидактика. Он неоднократно возвращается к уже использованной идее: дважды встречается образ натягивания/ослабления струны (Сомр. 21, Сомр. 24); в сравнениях Dem. 2 и Сомр. 21, хотя объекты сопоставления в них разные, фигурирует одна и та же триада $\nu\eta\tau\eta$, $\acute{\upsilon}\lambda\acute{\alpha}\tau\eta$, $\mu\acute{\epsilon}\sigma\eta$ ²⁵. Пространные и тонко разработанные сравнения нужны Дионисию, чтобы объяснить важные, но трудноопределимые понятия стиля, соединения слов.

В сопоставлениях Дионисий не углубляется в теорию музыки, хотя, несомненно, хорошо ее знает: он обращается к специальной лексике ($\delta\rho\omicron\iota$, $\delta\acute{\upsilon}\nu\alpha\mu\iota\varsigma$ и др.), но в основном пользуется словами общего узуса ($\nu\eta\tau\eta$, $\acute{\upsilon}\lambda\acute{\alpha}\tau\eta$, $\mu\acute{\epsilon}\sigma\eta$, $\acute{\alpha}\rho\mu\omicron\nu\iota\alpha$ и др.), которые, сохраняя свое буквальное значение, понимаются в широком смысле. Мы видим некоторые вариации и отступления от строгого словоупотребления ($\acute{\alpha}\kappa\rho\acute{\upsilon}\tau\eta\varsigma$ и $\acute{\alpha}\kappa\rho\omicron\nu$, $\delta\rho\omicron\iota$ в сочетании с $\acute{\epsilon}\sigma\chi\alpha\tau\omicron\varsigma$). Анализ лексической стороны сравнений показывает влияние на Дионисия языка философии, в частности Аристотеля и стоиков.

Трактовка большой античной темы «риторика/музыка» в сочинениях Дионисия Галикарнасского дает нам углубленное представление о методе выдающегося античного филолога, о практических

²⁵ Сходство сравнений Dem. 2 и Сомр. 21 отмечает в комментарии к этому месту Ж. Ожак [Аујас 2002: 161].

способах правильного построения речи, что актуально и сейчас для овладения искусством красноречия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Цыпин В.Г. Аристоксен. Элементы гармонии. М., 1997.
2. Arnim J. von Stoicorum veterum fragmenta, Vol. 2. Leipzig, 1903.
3. Aujac G. Denys D'Halicarnasse. Opuscules Rhétoriques, Tome II. Démosthène. Paris, 2002.
4. Aujac G., Lebel M. Denys D'Halicarnasse. Opuscules Rhétoriques, Tome III. La composition stylistique. Paris, 2003.
5. Burnet J. Platonis Opera. Vol. 1-5. Oxonii, 1900-1910.
6. Cousin J. Quintilien De l'Institution oratoire. Tome I, Livres I. Paris, 1975.
7. Edelstein L., Kidd I.G. Posidonius. The Fragments, I. Cambridge, 1972.
8. Gentili B. Il *De compositione verborum* di Dionigi di Alicarnasso: Parola, metro e ritmo nella comunicazione letteraria // Quaderni Urbinati di Cultura Classica, Vol. 36, № 3. Roma/Pisa, 1990. P. 7-21.
9. Habinek T. Rhetoric, Music, and the Arts // The Oxford Handbook of Rhetorical Studies. Oxford, 2014. P. 289-299.
10. Hagel S. Ancient Greek Music. A new technical history. Cambridge, 2009.
11. Jacoby K. Dionysii Halicarnasei Antiquitatum Romanarum quae supersunt, Vol. I-IV. Leipzig, 1885.
12. Jonge C. *de* Between Grammar and Rhetoric: Dionysius of Halicarnassus on Language, Linguistics and literature. Leiden, 2008.
13. Jonge C. *de* Building Texts. Architecture, Music and the Teaching of Prose Composition // Beiträge zur Geschichte der Sprachwissenschaft 26 (1). Münster, 2016. P. 49-68.
14. Liddell H.G., Scott R. Greek-English Lexicon. Oxford, 1996.
15. Louis P. Aristote, Problèmes. Paris, 1991-1994.
16. Macleod M. D. Lucian. London, 1967.
17. Pöhlman E. Ancient Music in Antiquity and Beyond. Collected Essays (2009-2019). Berlin/Boston, 2020.
18. Rios R. *de* Aristoxeni Elementa Harmonica. Romae, 1954.
19. Roberts W. R. Dionysius of Halicarnassus. On Literary Composition. London, 1910.
20. Rocconi E. Musica e retorica nel *De compositione verborum* di Dionigi di Alicarnasso: per un'ipotesi sulle fonti ritmiche del trattato dionisiano // Incontri triestini di filologia classica 8. Trieste, 2008-2009. P. 175-190.
21. Ross W.D. Aristotle. Parva naturalia. Oxford, 1955.
22. West M.L. Ancient Greek Music. Oxford, 1992.

REFERENCES

1. Cypin V.G. Aristoksen. *Ehlementy garmoniki* [Aristoxenus. Elements of Harmony. Transl. V.G. Cypin], M.: MGK Publ., 1997. (In Russ.)
2. Arnim J. von. *Stoicorum veterum fragmenta*, Vol. 2. Leipzig, 1903.
3. Aujac G. Denys D'Halicarnasse. *Opuscules Rhétoriques*, Tome II. Démosthène. Paris, 2002.
4. Aujac G., Lebel M. Denys D'Halicarnasse. *Opuscules Rhétoriques*, Tome III. La composition stylistique. Paris, 2003.
5. Burnet J. *Platonis Opera*. Vol. 1-5. Oxonii, 1900-1910.
6. Cousin J. *De l'Institution oratoire*. Tome I, Livres I. Paris, 1975.

7. Edelstein L., Kidd I.G. Posidonius. *The Fragments*, I. Cambridge, 1972.
8. Gentili B. Il De compositione verborum di Dionigi di Alicarnasso: Parola, metro e ritmo nella comunicazione letteraria. *Quaderni Urbinati di Cultura Classica*, Vol. 36, № 3. Roma/Pisa, 1990. P. 7–21.
9. Habinek T. Rhetoric, Music, and the Arts. *The Oxford Handbook of Rhetorical Studies*. Oxford, 2014. P. 289–299.
10. Hagel S. *Ancient Greek Music. A New Technical History*. Cambridge, 2009.
11. Jacoby K. *Dionysii Halicarnasei Antiquitatum Romanarum quae supersunt*, Vol. I–IV. Leipzig, 1885.
12. Jonge C. de. *Between Grammar and Rhetoric: Dionysius of Halicarnassus on Language, Linguistics and Literature*. Leiden, 2008.
13. Jonge C. de. Building Texts. Architecture, Music and the Teaching of Prose Composition. *Beiträge zur Geschichte der Sprachwissenschaft* 26 (1). Münster, 2016. P. 49–68.
14. Liddell H.G., Scott R. *Greek-English Lexicon*. Oxford, 1996.
15. Louis P. *Aristote, Problèmes*. Paris, 1991–1994.
16. Macleod M.D. *Lucian*. London, 1967.
17. Pöhlman E. *Ancient Music in Antiquity and Beyond. Collected Essays (2009–2019)*. Berlin/Boston, 2020.
18. Rios R. de. *Aristoxeni Elementa Harmonica*. Romae, 1954.
19. Roberts W.R. *Dionysius of Halicarnassus. On Literary Composition*. London, 1910.
20. Rocconi E. Musica e retorica nel De compositione verborum di Dionigi di Alicarnasso: per un'ipotesi sulle fonti ritmiche del trattato dionisiano. *Incontri triestini di filologia classica* 8. Trieste, 2008–2009. P. 175–190.
21. Ross W.D. *Aristotle. Parva naturalia*. Oxford, 1955.
22. West M.L. *Ancient Greek Music*. Oxford, 1992.

Поступила в редакцию 02.11.2023

Принята к публикации 11.06.2024

Отредактирована 23.07.2024

Received 02.11.2023

Accepted 11.06.2024

Revised 23.07.2024

ОБ АВТОРЕ

Волошина Алла Владимировна — преподаватель, кафедра классической филологии, Московский государственный лингвистический университет;
voloshina-alla.v@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alla Voloshina — Teaching Fellow, Department of Classical Philology, Moscow State Linguistic University; voloshina-alla.v@yandex.ru

КОНВЕРГЕНЦИЯ КУЛЬТУР КАК ПРОБЛЕМА ПОЭТИКИ (ВЯЧ. ИВАНОВ. СТИХОТВОРНЫЙ ЦИКЛ “ROSARIUM”)

Д.М. Магомедова

Российский государственный гуманитарный университет; Институт мировой литературы имени М.А. Горького РАН; dinamagot@yandex.ru

Аннотация: Анализируется структура, жанровый репертуар и источники мотива «розы» в стихотворениях цикла Вяч. Иванова “Rosarium” из книги стихов “Cor Ardens”. Отмечается особая роль статьи А.Н. Веселовского «Из поэтики розы». Структура цикла наглядно реализует символистский принцип «соответствий» («одно через разное» и «разное как единое»). Объединяющий все стихотворения цикла мотив розы выявляет в разных культурных традициях общую глубинную основу. При этом соединение разнородных культурных традиций, конвергенция разных культур как в соположении циклов, так и в структуре отдельных стихотворений, в пределах одного стихотворения становится в цикле ведущим и принципиальным художественным приемом.

Ключевые слова: Вяч. Иванов; А.Н. Веселовский; стихотворный цикл; “Rosarium”; мотив «розы»; поэтика; жанровый репертуар; конвергенция культур

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-04-10

Для цитирования: Магомедова Д.М. Конвергенция культур как проблема поэтики (Вяч. Иванов. Стихотворный цикл “Rosarium”) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 4. С. 127–135.

THE CONVERGENCE OF CULTURES AS A PROBLEM OF POETICS (V. IVANOV, THE POETICAL CYCLE “ROSARIUM”)

Dina Magomedova

Russian State University for the Humanities; M.A. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences; dinamagot@yandex.ru

Abstract: The article analyzes the structure, genre repertoire and sources of the motif of “roses” in the poems of the V. Ivanov’s cycle “Rosarium” (a part of his book “Cor Ardens”). The special role of A.N. Veselovsky’s article “From the Poetics of the Rose” is noted. The structure of the cycle clearly implements the symbolist principle of “correspondences” (“one through different” and “different as one”). The rose motif, which unites all the poems in the cycle, reveals a common deep foundation

in different cultural traditions. At the same time, the combination of heterogeneous cultural traditions, the convergence of different cultures both in the juxtaposition of cycles and in the structure of individual poems becomes the leading and fundamental artistic technique in the cycle.

Keywords: V. Ivanov; A.N. Veselovsky; poem cycle; “Rosarium”; “rose” motif; poetics; genre repertoire; convergence of cultures

For citation: Magomedova D. (2024) The Convergence of Cultures as a Problem of Poetics (V. Ivanov, the Poetical Cycle “Rosarium”). *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 127–135.

Стихотворный цикл (или, точнее, стихотворная книга, включенная в «сверхкнигу» “*Cor Ardens*”) Вяч. Иванова “*Rosarium*” (1910–1911) представляет собой один из труднейших для анализа и интерпретации текстов. Вероятно, именно это обстоятельство оказалось причиной весьма слабой изученности названного цикла при всем растущем интересе к творчеству Вяч. Иванова в науке¹. Напомню, что в этот цикл-сборник входят стихотворные тексты, варьирующие в самых разнообразных аспектах общих, архетипический для множества мировых культур *мотив розы*.

Одно лишь описание структуры “*Rosarium*”²а может продемонстрировать всю архитектурную изысканность сложного целого. После стихотворного пролога “*Ad Rosam*” следуют циклы, внутри которых выделяются подциклы: «Газэлы» (с подциклами «Газэлы о Розе», “*Turris Eburnea*”², «Новые газэлы о Розе»), «Эпические сказы и песни» (тоже с тремя разделами, один из которых — обширная эпическая поэма / стихотворная сказка «Солнцев перстень»), «В старо-французском строе», «Сонеты», «Антология Розы (Элегические двустишия)», «Разные лирические стихотворения», «Феофил и Мария (Повесть в терцинах)» и «Эпилог».

Обращает на себя внимание особая роль дантовской традиции. Речь идет о центральном положении цикла «Сонеты», связанного с именем автора «Божественной комедии», в которой символ мистической Розы заключает путь героя. Важно и то, что в конце “*Rosarium*”²а о дантовской традиции напоминает поэма в терцинах. В то же время особо отмечена и восточная культурная традиция: цикл «Газэлы» открывает “*Rosarium*” и задает важнейшие тематические мотивы и сюжеты всего сборника.

¹ Наиболее развернутую характеристику цикла см.: [Павловская 1966]; см. также: [Davidson 1989: 207; Rudich 1986; Кожевникова 1986: 42; Обатнин 2000: 80–94].

² Башня из слоновой кости (*лат.*).

Та же изысканная сложность отличает жанровый репертуар сборника: газели, сонеты, духовные стихи, баллады, ле (Lai), рондо, рондели, триолеты, восьмистишия (Huitain), терцины, элегические дистихи, стихотворные сказки и др. При этом характерны именно отсылки к разнородным инонациональным по отношению к русской культуре традициям: персидская поэзия, французские стихотворные формы, западно- и восточнославянский фольклор, античность и др.

От читателя “Rosarium”³ требуется универсальная образованность, сюжеты стихотворений основаны на самых разнородных культурных подтекстах: античная мифология, католическая, средневековая и в особенности дантовская мифология Розы, рассказы о Франциске Ассизском, сюжеты византийских и славянских легенд и житий, северноевропейские фольклорные сказания, суфийская традиция, армянские предания. При этом, как правило, тексты стихотворений почти никогда не пересказывают используемых сюжетов целиком, рассчитывая именно на читателя, чья эрудиция равна авторской. Правда, в отдельных случаях сюжеты столь мало известны, что Иванов прибегает к автокомментарию, цитируя в авторских примечаниях источники стихотворений.

Источники текстов заслуживают особого разговора. В каком-то смысле творческая история этого цикла уникальна: среди важнейших текстов-источников, послуживших первоначальным творческим импульсом, едва ли не на первом месте оказываются научные статьи и монографии по проблемам исторической поэтики. В первую очередь, как явствует из авторских примечаний, речь идет о статье А.Н. Веселовского «Из поэтики розы»³. Согласно авторским примечаниям, к тексту этой статьи восходят сюжеты стихотворений первого раздела цикла «Газэлы» («Газэлы о Розе»): упоминания о пленной деве в розовом саду, обнесенном «шелковой заставой» («Роза меча»), об армянском празднике Преображения Вардавар («Роза преображения»), о розе трех волхвов, эпиграф «Ты роза и я роза» в стихотворении «Роза союза», — все это стихотворные иллюстрации к отдельным фрагментам данной статьи. Реминисценции из Веселовского содержатся и в третьем разделе цикла «Газэлы» — «Новые газэлы о Розе»: упоминание о трех розах на одном стебле в заключительном стихотворении “Una”.

Столь же очевидна связь со статьей Веселовского в цикле «Эпические сказы и песни» — реминисценции из этой статьи содержатся в стихотворении «Три гроба». Описание праздника «Росалий»

³ Издание, которым в 1910 г. мог пользоваться Иванов: *Веселовский А.Н. Из поэтики розы // Привет: Художественно-литературный сборник. СПб., 1898.*

(русалий), о которых говорится в стихотворении «ΡΟΣΑΛΙΑ ΤΟΥ ΑΓΙΟΥ ΝΙΚΟΛΑΙΟΥ», в сонете «Розалии» и в поэме в терцинах «Феофил и Мария», также есть в статье Веселовского, однако в авторских примечаниях названы и две статьи Е.В. Аничкова — «Микола-угодник и св. Николай» и “St. Nicolas and Artemis”.

Очевидно, цикл «В старо-французском строе» также восходит одновременно и к работам Е.В. Аничкова, и А.Н. Веселовского. Вяч. Иванов не оставил на этот счет авторских разъяснений, однако Веселовский в статье «Из истории развития личности: женщина и старинные теории любви» упоминает о старофранцузском романе, в котором идет речь о цветнике роз — Champ-flori (Champ-fleuri) как синониме рая. Старофранцузские поэтические формы анализируются в широко известной книге Е.В. Аничкова «Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян»⁴. Более подробное изучение источников этого цикла — настоятельная проблема будущих комментаторов.

Ясно, что структура “Rosarium” а наглядно реализует символистский принцип «соответствий» («одно через разное» и «разное как единое»⁵). Объединяющий все стихотворения цикла мотив розы выявляет в разных культурных традициях общую глубинную основу. Речь идет о связанной с символом розы теме мистической любви как пути к Богу, к слиянию с универсальной сущностью бытия. На это соположение в стихотворениях цикла разнородных и внутренне единых культур указывал и сам Вяч. Иванов, и исследователи его творчества. Однако хотелось бы обратить внимание на другие способы объединения разных культурных традиций, более сложные, нежели простое соседство в цикле. Речь идет о соотношении тематического материала, жанрово-строфических форм и стилистики в тексте отдельных стихотворений “Rosarium” а.

В первом же цикле, «Газэлы», используется твердая жанрово-строфическая форма, отсылающая к традициям восточной (арабско-персидской) поэзии, которая и по сей день редко встречается в оригинальных русских стихах⁶ и служит исключительно задачам стилизации. Вяч. Иванов строго придерживается формального канона газели: все стихотворения, входящие в этот цикл, строятся как вереница бейтов с единой рифмой и редифом (выделено мной. — Д.М.):

⁴ Аничков Е.В. Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян: Ч. 1–2. СПб., 1903–1905.

⁵ См. об этом: [Кожевникова 1986: 111–125].

⁶ Ср. утверждение М.Л. Гаспарова: «Твердые формы восточной поэзии применяются обычно только в переводах» [Гаспаров 1993: 193].

Славит меч багряной **славой** *Роза*;
Расцветает в битве **правой** *Роза*.
В тридевятом, невидимом царстве
Пленена густой **дубравой** *Роза*.
За вратами из литого золота,
За шелковою **заставой** *Роза*.

(«Роза меча»)

При этом на протяжении всего первого раздела цикла — «Газэлы о Розе» — в роли редифа выступает самое важное тематическое слово всего сборника — *роза*. В последующих разделах роль редифа может выполнять другое слово или словосочетание, но и оно так или иначе будет связано с мотивом *розы*. Так, раздел “*Turris eburnea*” («Башня из слоновой кости») назван по одному из именовании Богоматери в католической «Литании Пресвятой Богородице», входящей в сборник молитв “*Rosarium*” («Розарий»). Но в таком случае редиф «Из слоновой кости башня» оказывается перифрастическим именованием не только Девы Марии, но одновременно и розы — общепризнанного христианского символа Богоматери.

Однако строгое соблюдение формального канона арабо-персидской газели отнюдь не распространяется на тематический канон этого жанра. Правда, сам мотив *розы* оказывается одинаково органичным и для восточной, и для христианской культуры: роза — едва ли не центральный образ всей персидской лирики, достаточно вспомнить «Гюлистан» («Сад роз», в сущности — «Розарий») Саади или газели Гафиза. Интерес Вяч. Иванова к суфийской философии и поэзии хорошо известен и уже обсуждался в исследовательской литературе (см.: Богомолов 1993; Шишкин 1996; Магомедова 1996), хотя настоящее изучение этой проблемы еще впереди. Но тематическое наполнение газелей «Роза Меча», «Роза Преображения», «Роза Союза», «Роза трех волхвов», «Роза Вечных врат», трех газелей раздела “*Turris Eburnea*” и многих других стихотворений этого цикла — отнюдь не восточное, а европейское, христианское, как это явствует уже из их названий.

В газели «Роза Меча» угадывается целый ряд сюжетов, связанных с христианской культурой. Центральный, сопоставляемый с символом *розы* образ *меча* во многих мифологиях связан с героическими сюжетами. Но упоминание о мучениках и латах в финальной строке позволяет интерпретировать этот символ более конкретно, как атрибут рыцарей-крестоносцев. В то же время мотивы плена, согласно авторским примечаниям, восходят к старонемецким легендам. Иванов цитирует Веселовского: «Таково представление о *Rosengarten*’е в Вормсе и в Тироле: к последнему ведут четверо золотых ворот, и обведен он, вместо стены, шелковой нитью, но горе

тому, кто проникнет к его розам, аромат которых разносится по лесу: смельчак поплатится рукой и ногой. Там царит демонический Лаурин, похитивший красавицу Симильду; витязи старонемецкой поэмы, носящей его имя, отваживаются на подвиг. Лаурин взят в плен, красавица освобождена» [Иванов 1974: 812]⁷. Мотивы пленной красавицы, освобожденной героем, разумеется, оказываются одной из вариаций ключевого для символистов гностического сюжета о пленной Мировой душе.

В то же время стилистика этой газели — а значит, и объемлющее авторское сознание — уходит корнями в русскую культуру и прежде всего русский фольклор. Изложение сюжета старонемецкой поэмы начинается русской сказочной формулой «В тридевятом, невидимом царстве». «Шелковая нить» превращена в «шелковую заставу», славянизмы «за вратами», «из литого злата», мотивы «кровавого пира», «лютых дебрей» — все это расхожие формулы русских сказок и былин. Так идея глубинного единства человеческой культуры, конвергенции разных национальных культур становится фактором поэтики.

Соединение разнородных культурных традиций в пределах одного стихотворения становится в “Rosarium”⁷ ведущим и принципиальным художественным приемом. Так, цикл «В старо-французском строе» открывается французской балладой “Cor Ardens Rosa”. Как и в цикле «Газэлы», Иванов строго соблюдает строфический канон: рифмовка АБАБ+БВВВ, повтор-рефрен последней строки в каждой строфе, последняя полустрофа-посылка, делающая вывод:

Всех нежной Персии даров
Ты сладостней, цветов царица!
Ты — неги, песен и пиров
Наперсница. Ты — чаровница
Любви. Тобой цветет гробница.
Земля и твердь — одна твоя
Благоуханная божница,
А ты... ты — сердце бытия!

И так же, как и в газелях, тематический материал далек от собственной национальной почвы: в первой же строке упоминается «нежная Персия», в третьей строфе говорится о «смуглой жнице», отдыхающей в «чернеющих шатрах» под пальмами, — мир этой баллады отнюдь не европейский, не французский, а восточный. Стилистика же стихотворения, как и в цикле «Газэлы», ориентирована на русскую поэтическую традицию, главным образом — пушкинскую поэтическую фразеологию («ты — песен, неги и пиров /

⁷ Цитируется упомянутая выше статья Веселовского «Из истории развития личности: женщины и старинные теории любви».

Наперсница», «Вдруг ало вспыхнешь, как денница», «Тебе поет моя цевница»). Очевидны и реминисценции из стихотворения Тютчева «Видение»:

Когда **священный** свой покров
Раскинет звездная черница,
В богоявлении миров
Твоя дымится багряница.
Гремит за морем **колесница** —
Ты, солнце **ночи** затая,
Вдруг ало вспыхнешь, как денница...

(Ср. у Тютчева:

Есть некий час, в **ночи, всемирного** молчанья,
И в оный час **явлений и чудес**
Живая колесница мирозданья
Открыто катится в **святилище** небес.)

В задачу статьи не входит подробное сопоставление тестов Иванова и Тютчева, хотя несомненно не только их родство, но и определенная трансформация тютчевской картины мира.

Столь же наглядно происходит конвергенция разных культурных традиций в цикле «Сонеты». Строфическая форма, связанная с романской и английской культурой, в стихотворении «Огненный змий» тематически соединяется со славянской мифологией:

Горят по раменьям купальские костры,
И папоротники по зарослям кудесят;
Но деды космами пред гостем занавесят
Волшебных россыпей трущобные шатры.

Наконец, последний перед «Эпилогом» раздел сборника — поэма в терцинах «Феофил и Мария» — соединяет византийскую легенду X века о девственно-супружеской чете с рассказом о языческом празднестве Розалий (Росалий, Русалий). Строфическая форма, как уже говорилось, отсылает к «Божественной комедии» и, шире, к католической традиции.

В задачу статьи не входил целостный анализ структуры цикла-сборника “Rosarium” и тем более комментирование всех возможных смысловых пластов и выявление хотя бы основных культурных традиций, формирующих его внутренний мир. Целью была демонстрация способов соединения, конвергенции разных культур как в соположении циклов, так и в структуре отдельных стихотворений. В заключение можно предположить, что смысл посвящения, предпосланного сборнику — «Единой и нашей Вере», — отнюдь не сводится к биографическому, хотя бы и мифологизированному, под-

тексту. Все комментаторы указывают, что адресат посвящения — Вера Константиновна Шварсалон, падчерица Вяч. Иванова, дочь его покойной жены, Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, от первого брака [Дешарт 1974: 811]. В 1910 г. В.К. Шварсалон стала гражданской женой Вяч. Иванова. Однако определение «единой» заставляет по меньшей мере предположить, что, помимо личного биографического плана, посвящение имеет и сверхличный смысл, и слово «Вера» должно быть воспринято не только в качестве женского имени, но и как обозначение глубинного смысла разных мировых религий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богомолов Н.А. Петербургские гафизиты // Серебряный век в России. М., 1993. С. 167–210.
2. Гаспаров М.Л. Русские стихи 1890-х – 1925-го годов в комментариях. М., 1993.
3. Дешарт О. Парерга и паралипомена // Иванов Вяч. Собрание сочинений. Т. 2. Брюссель, 1974.
4. Иванов Вяч. Собрание сочинений. Т. 2. Брюссель, 1974.
5. Кожевникова Н.А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. М., 1986.
6. Магомедова Д.М. Вяч. Иванов и А.А. Фет // *Studia Slavica Hung.* Т. 41. Budapest, 1996. С. 167–174.
7. Обатнин Г. Иванов-мистик: Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вяч. Иванова. М., 2000.
8. Павловская М. Примирение, синтез и высшее единство в книге Иванова “Rosarium” // *Studia Slavica Hung.* Budapest. 1966. Т. 41. С. 199–208.
9. Шишкин А. «Певец у суфитов» (По рукописям Римского архива) // *Studia Slavica Hung.* Т. 41. Budapest, 1996. С. 291–309.
10. Davidson P. *The Poetic Imagination of Vyacheslav Ivanov.* Cambridge University Press, 1989.
11. Rudich V. *Vyacheslav Ivanov and Classical Antiquity* // *Vyacheslav Ivanov: Poet, Critic and Philosopher* / Ed. R. Jackson and L. Nelson. New Haven, 1986. P. 275–280.

REFERENCES

1. Bogomolov N.A. *Peterburgskie gafizity* [St. Petersburg Haphysites]. In: *Serebrjanyj vek v Rossii* [The Silver Age in Russia]. Moscow, *Radix Publ.*, 1993. Pp. 167–210. (In Russ.)
2. Gasparov M.L. *Russkie stihi 1890-h –1925-go godov v kommentarijah* [Russian Poems of the 1890s-1925 in Commentaries]. Moscow, *Higher School Publ.*, 1993. (In Russ.)
3. Deshart O. *Parerga i paralipomena* [Parerga and Paralipomena]. In: *Ivanov V. Sbranie sochinenij* [Collected Works]. Vol. 2. Bruxelles, *Foyer Oriental Chretien*, 1974. (In Russ.)
4. *Ivanov V. Sbranie sochinenij* [Collected Works]. Vol. 2. Bruxelles, *Foyer Oriental Chretien*, 1974. (In Russ.)
5. Kozhevnikova N.A. *Slovoupotreblenie v russkoj poezii nachala XX veka* [Word Usage in Russian Poetry of the Early Twentieth Century]. Moscow, *Nauka Publ.*, 1986. (In Russ.)
6. Magomedova D.M. *Vjach. Ivanov i A.A. Fet* [Vyach. Ivanov and A.A. Fet]. *Studia Slavica Hung.* Vol. 41. Budapest, 1996. Pp. 167–174. (In Russ.)

7. Obatnin G. *Ivanov-mistik: Okkul'tnye motivy v poezii i proze Vyach. Ivanova* [Ivanov the Mystic: Occult motifs in the poetry and prose of Vyach. Ivanov]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie Publ.*, 2000. (In Russ.)
8. Pavlovskaja M. Primirenje, sintez i vysshee edinstvo v knige Ivanova "Rosarium" [Reconciliation, Synthesis and Higher Unity in Ivanov's book "Rosarium"]. *Studia Slavica Hung.* Budapest. 1966. Vol. 41. Pp. 199–208. (In Russ.)
9. Shishkin A. «Pevac u sufitov» (Po rukopisjam Rimskogo arhiva) ["Singer at the Sufis" (According to manuscripts of the Roman Archive)]. *Studia Slavica Hung.* Vol. 41. Budapest, 1996. Pp. 291–309. (In Russ.)
10. Davidson P. *The Poetic Imagination of Vyacheslav Ivanov.* Cambridge University Press, 1989.
11. Rudich V. *Vyacheslav Ivanov and Classical Antiquity.* In: Vyacheslav Ivanov: Poet, Critic and Philosopher / Ed. R. Jackson and L. Nelson. New Haven, 1986. Pp. 275–280.

Поступила в редакцию 13.12.2023

Принята к публикации 11.06.2024

Отредактирована 23.07.2024

Received 13.12.2023

Accepted 11.06.2024

Revised 23.07.2024

ОБ АВТОРЕ

Магомедова Дина Махмудовна — доктор филологических наук, профессор кафедры истории классической русской литературы Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы имени А.М. Горького; dinamagom@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Dina Magomedova — Doctor of Philology, Professor of the Department of History of Classical Russian Literature, Institute of Philology and History, Russian State University for the Humanities, Leading Researcher at the Gorky Institute of World Literature; dinamagom@yandex.ru

ПОВЕСТЬ «ТРИДЦАТЬ ТРИ УРОДА» КАК ПРОРОЧЕСТВО Л.Д. ЗИНОВЬЕВОЙ-АННИБАЛ О СВОЕЙ СУДЬБЕ

Люян Ван, М.В. Михайлова

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; w.liuyang@mail.ru; mary1701@mail.ru*

Аннотация: В статье сделана попытка с опорой на художественное творчество Л.Д. Зиновьевой-Аннибал и ее переписку с мужем, поэтом Вяч. Ивановым, показать внутреннее сопротивление писательницы символистским установкам, определявшим религиозно-философскую концепцию дионисийства. Традиционная трактовка ее первого крупного произведения, драмы «Кольца», в современном литературоведении заключается в прочтении его как «расшифровки» ивановского проекта об эротической Церкви будущего, объединяющей людей и уничтожающей эгоизм индивидуума. Иллюстрацией к мистико-религиозной теории Иванова считают и ее повесть «Тридцать три уroda». Характеристика Зиновьевой-Аннибал обычно берется из описания жизни на «Башне», ориентированной на Иванова, основывается на высказываниях окружающих их людей, где доминирует ее образ как Мэнады. В статье осуществляется опровержение этих положений и показано скептическое отношение Зиновьевой-Аннибал к теории мужа, что проявлялось не только в ее жизни, но и в ее произведениях. В задачу статьи входила деконструкция художественных текстов с целью вызвать «женскую субъектность» из-под груза дионисийских интерпретаций и напластований.

Ключевые слова: Л.Д. Зиновьева-Аннибал; В.И. Иванов; соборность; «Тридцать три уroda»; «Кольца»; пророчество; дионисийство

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект «Женщина-автор: писательские стратегии и практики в эпоху модерна», № 23-28-00348) в ИМЛИ РАН.

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-04-11

Для цитирования: Ван Люян, Михайлова М.В. Повесть «Тридцать три уroda» как пророчество Л.Д. Зиновьевой-Аннибал о своей судьбе // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 4. С. 136–149.

THE NOVEL *THIRTY-THREE ABOMINATIONS* AS A PROPHECY OF L.D. ZINOVIEVA-ANNIBAL ABOUT HER FATE

Wang Liuyang, M. Mikhailova

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
w.liuyang@mail.ru; mary1701@mail.ru*

Abstract: The article attempts to show L.D. Zinovieva-Annibal's inner resistance to the symbolist attitudes that defined the religious and philosophical concept of Dionysianism, based on Zinovieva-Annibal's artistic work and her correspondence with her husband, the poet Vyacheslav Ivanov. The traditional interpretation of her first important work, the drama *Rings*, in modern literary studies is to read it as a "deciphering" of Ivanov's project about the erotic Church of the future, uniting people and destroying the egoism of the individual. Her novel *Thirty-Three Abominations* is also considered an illustration of Ivanov's mystical-religious theory. The characterisation of Zinovieva-Annibal is usually taken from the description of life in the "Tower", oriented towards Ivanov, based on the statements of the people around them, where her image as Manada dominates. The authors of the article seek to refute these positions by showing Zinovieva-Annibal's scepticism towards her husband's theory, which was evident not only in her life but also in her literary work. The aim of the article was to deconstruct artistic texts to recover "female subjectivity" from under the burden of Dionysian overlays.

Keywords: L.D. Zinovieva-Annibal; V.I. Ivanov; sobornost; *Thirty-Three Abominations*; *Rings*; prophecy, Dionysianism

For citation: Wang Liuyang, Mikhailova M. (2024) The Novel *Thirty-Three Abominations* as a Prophecy of L.D. Zinovieva-Annibal about Her Fate. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 136–149.

Н. Бердяев в свое время определил русскую литературу как «самую пророческую в мире, она полна предчувствий и предсказаний» [Бердяев 1955: 63]. Ядром литературы, конечно, является изображение индивидуального жизненного опыта. Но литература — это одновременно и личное, и коллективное сознание, это отражение, сублимация, воображение и исследование прошлого, настоящего и будущего с помощью образности и стимулирования эстетических эмоций, среди которых не последнее место занимает стремление постичь то, что только должно произойти. Россия конца XIX — начала XX века переживала бурный всплеск интереса к различным философским учениям, оккультным верованиям, религиозным доктринам, которые взаимодействовали, смешивались, переплавились. Сосуществовали православие и марксизм, им противостояли сциентизм и нигилизм, позитивизм не ушел со сцены, хотя идеи Ницше получили распространение. Возникает много утопических программ и версий, растет желание исследовать будущее. Достоевский почувствовал приближение надвигающейся революции, предвидел ее соблазны и последствия: крушение личных нравственных и духовных убеждений, крах законов и правил, вседозволенность, рождающую насилие. Пророчества Достоевского начинали сбываться: свобода превращалась в своеволие, нигилизм проникал во все

поры жизни. Русские мыслители осознали это и начали исследовать истоки кризиса и искать пути выхода из него.

Идеи русского писателя оказали глубокое влияние на Л. Шестова, Н. Бердяева, С. Франка и др., чьи теории имеют в определенной степени общие черты, а именно: борьбу с нигилизмом и воссоздание целостного мира силой веры. По выражению Бердяева, «русская литература родилась не от радостного творческого избытка, а от муки и страдальческой судьбы человека и народа, от искания всечеловеческого спасения <...> русские символисты Вяч. Иванов, А. Белый, А. Блок, страдавшие от одиночества, хотели всенародного искусства, пытались преодолеть упадочный эстетизм» [Бердяев 1955: 63–69].

Преодоление индивидуализма и солипсизма стало едва ли не основной темой философских штудий Вяч. Иванова. Его мистическая религия рождалась из его исследований о Дионисе, развивалась под сильным влиянием философских идей Достоевского, Ницше и Соловьева. Встретившись с Лидией Зиновьевой-Аннибал в Европе, Вяч. Иванов обретает в ней дионисийскую личность, более близкую и реальную, чем мифический Дионис. В ней было то дионисийское начало, которого он искал в жизни. Как только Иванов и Зиновьева-Аннибал приблизились друг к другу, между ними пробежала искра... Об этом Иванов написал в стихотворении: «Мы — два грозой зажженные ствола, / Два пламени полуночного бора, / Мы — два в ночи летящих метеора, / Одной судьбы двужалая стрела!» («Кормчие Звезды»). Такое стирание граней между «Я» и «Другим» вызывает головокружительную радость, которую Иванов старался воспроизвести в описании подробностей их встречи: она «была подобна могучей весенней дионисийской грозе, после которой все во мне обновилось, расцвело и зазеленело. И не только во мне впервые раскрылся и осознал себя, вольно и уверенно, поэт, но и в ней: всю нашу совместную жизнь, полную глубоких внутренних событий, можно без преувеличений назвать для обоих порою почти непрерывного вдохновения и напряженного духовного горения» [Иванов 1974: 20].

Вспыхнувшее чувство вызывает у Иванова яркое восприятие объекта любви. Настоящая любовь должна осуществляться так, чтобы существование любимого имело первостепенное значение по отношению к любящему, который начинает чувствовать себя как производное явление. «Ты» предшествует «Я». «В практической жизни это действие совершается всякий раз, когда любовь моя говорит другому: ты еси, растворяя мое собственное бытие в бытии этого ты. Акт любви, только любви, полагающий другого не как объект, но как второй субъект, есть акт веры и воли, акт жизни, акт спасения, возврат к Матери, несущей обоих нас (мое я и мое ты) в своем лоне, приобщение к тайнодеянию ткущей одну живую ткань

вселенского тела Мировой Души» [Иванов 1979: 304]. Такой «акт любви» является способом реализации одного из аспектов концепции «соборности» Вяч. Иванова. Поэт назвал вторую часть мелопеи «Человек» «Ты еси». В ней дан образец такой истинной любви между людьми: «Что Смерть — Любви порука, / Что Смерть — Любви двойник; / Что для души земной / Они — судьбы одной / Два имени, два звука». «“Ты еси” — значит не: “ты познаешься мною как сущий”, а: “твое бытие переживается мною как мое”, или “твоим бытием я познаю себя сущим” <...> “Ты еси” значит “ты есть еси”. <...> Любовь есть единение, взаимность двух» [Иванов 1979: 758].

То есть, по мысли Иванова, субъект воспринимает другого не как объект, а как эквивалент себя. Поэт и философ развивает свою идею о любви и Эросе в статье «Религиозное дело Владимира Соловьева». Соловьевское понимание смысла любви он дополнил идеей *Speculum Speculi*, «отражающего зеркала», представлением о человеке, который как природное существо является зеркалом космического мира, где все представлено в зеркальном отражении. Для истинного восприятия мира необходимо присутствие еще одного зеркала, наведенного на первое. Таким вторым зеркалом будет другой человек. Он способен скорректировать перевернутую зеркальную перспективу. Любовь к другим — необходимое условие для обретения правильного восприятия. Два человека могут любить друг друга настолько сильно, что близость между ними исправляет отражение мира в зеркале. Именно тогда возникает потребность в третьем человеке, возникает «общение мистическое», которое обеспечит «адекватное познание тайны бытия», возможное лишь «в Церкви», в «котором двое или трое вместе во имя Христово, там среди них Сам Христос» [Иванов 1979: 303]. Итак, можно с уверенностью сказать, что эксперименты тройственного союза у Иванова и Зиновьевой-Аннибал на «Башне» проводились с целью воплощения мистической утопии эротической «соборности».

Вл. Соловьев, следуя мысли Платона, также призывал выйти за пределы личности и войти в божественное единство через любовь к окружающим людям и мировому сообществу в целом. Иными словами, любовь — это путь к Богу. «Смысл человеческой любви», по Соловьеву, «есть оправдание и спасение индивидуальности чрез жертву эгоизма» [Соловьев 1991: 32]. Иванов также сделал акцент на учении Платона: «Эрос, присущий благороднейшим душам и составляющий в них принцип духовного возрастания, направляется вначале на прекрасные тела, потом на души прекрасные, наконец — на вечные Прообразы, или Идеи, умопостигаемых сущностей; в единстве которых раскрывается самое Сущее — Идея Идеи» [Иванов 1999: 443].

Совершенно естественно, что во все эти размышления он посвящал Другого / Другую — Зиновьеву-Аннибал, которая стала его соратницей и музой и разделяла его взгляды на устройство быта и бытия. По следам развития высказанных идей и была ею написана повесть «Тридцать три урода» с посвящением Иванову. В предисловии к повести Иванов с полным правом мог написать: «повесть реалистическая по форме внешней, символическая по внутренней форме, платоническая по духу» [Иванов 1999: 439]. Представляется очевидным, что повесть «Тридцать три урода» может и должна быть проанализирована с позиций мистической философской теории Иванова.

Творчество Зиновьевой-Аннибал развивалось в рамках символистской эстетики, а ее биография подтверждает, что именно встреча с Ивановым привела к формированию ее литературного пути как символистского и росту известности в символистских кругах. Более того, «подчеркнутое значение музыки и любви, а также комплементарное понимание полов были <...> характерны для символистской эстетики. <...> Как символисты, так и историки литературы охотно видели Зиновьеву-Аннибал в комплементарном отношении с ведущим теоретиком символизма» [Эконен 2011: 7]. Но французская исследовательница Ф. Дефарж отмечает, что «положение Лидии Зиновьевой-Аннибал <...> особенно уникально: женщина, мать четверых детей, жена одного из самых известных деятелей символистского движения Вячеслава Иванова <...> она сумела заявить о себе как о писательнице, создав признанные оригинальные произведения» [Defarges 2018: 29]. Лидия Дмитриевна «в первые годы общения с Ивановым» носила «фамилию Шварсалон, потом самовольно» вернула «себе девичью фамилию Зиновьева, а потом» обрела «писательское имя Зиновьева-Аннибал» [Богомолов 2009: 22], что свидетельствует о сознательном конструировании ею своей идентичности.

Законченная в мае 1906 года повесть «Тридцать три урода» имеет форму дневниковой записи безымянной девушки, повествующей о трагедии ее любовной связи с актрисой Верой. Это было первое в русской литературе произведение, в котором почти прямым текстом указывалось на особые отношения двух женщин. На первое издание книги был наложен запрет. И только через какое-то время решение суда было отменено, и повесть появилась вторым изданием. Но «несмотря на нагромождение эротических аллюзий», в повести говорится «совсем не об эротике» [Суковатая 1999: 283]. Важнейшим аспектом произведения является интерпретация художественного процесса и предьстории духовной жизни Иванова и Зиновьевой-Аннибал. Из дневниковых записей становится ясно, что девушка накануне свадьбы сбегает со своей возлюбленной Верой.

Вера влюблена в девушку в первую очередь за ее красоту, но понимает, что земная красота преходяща. Следовательно, ее надо каким-то образом увековечить. Лучший способ — запечатлеть красоту в художественном изображении, на портрете. Но за решением Веры отпустить возлюбленную позировать художникам стоит символический жест: она отпускает ее в мир, во всевластие Других, т. е. допускает в свою любовь *их*, расширяет союз двоих, что, по мысли Иванова, необходимо, чтобы привести душу к возвышенной красоте единения. Зиновьева-Аннибал строит свой рассказ на главном постулате символистской эстетики. Но одновременно здесь звучит и важнейшая эстетическая проблема: уникальное и массовое, автор и копиист.

То, что описано в повести, имеет биографическую основу. В 1905 г. Иванов и Зиновьева-Аннибал, уже вернувшиеся в Россию из Европы и поселившиеся в Петербурге, организовали литературно-философские встречи у себя дома в полуприватном и полуоткрытом формате. Встречи проходили каждую среду вплоть до 1907 года и стали главным событием в культурной жизни Петербурга. Общение на «Башне» строилось по модели платоновского «Пира» (Зиновьева-Аннибал получила имя Диотима) и призвано было отразить концепцию Соловьева о всеобщем единении. «Тридцать три уroda» явили «собой художественное воплощение модели эроса, созданной Ивановым в его теоретических сочинениях и реализованной им вместе с его женой Зиновьевой-Аннибал в формах жизни, которые культивировались ими на “башне”...»: «соединяются в единое целое и присутствуют на равных правах теория, жизненная практика и литература, интегрирующая в себя подчеркнута внелитературный жанр интимного дневника. Иванов стремился реализовать свою теорию эроса в жизни, Зиновьева-Аннибал реализует ее в форме литературного текста» [Шахадат 2017: 250].

Весной 1906 года супруги начали подбирать подходящие кандидатуры для реализации своей теории тройственного союза. Поэт Городецкий был определен в качестве одного из участников «эротического эксперимента». М. Сабашникова, на которую тоже впоследствии пал выбор, в мемуарах упоминает: «у Ивановых я видела прежде всего поиски новых живых отношений между людьми. Из новых человеческих созвучий должна, как они уповали, возрасти новая духовность и облечься в плоть и кровь будущей общины; для нее они искали людей. <...> У них была странная идея: когда двое так слились воедино, как они, оба могут любить третьего. Это вроде маски: пригодная для двоих, она может подойти и третьему. Такая любовь есть начало новой человеческой общины, даже церкви, в которой Эрос воплощается в плоть и кровь» [Сабашникова 1993: 155, 161].

В 1906 и 1907 годах попытка создания тройственных союзов предпринимается, но не увенчивается успехом. Однако и после смерти жены Иванов никак не хотел отказаться от выношенной идеи. В своих записках он отметил, что Лидия Дмитриевна во сне явилась к нему со словами: «Мой верный дар тебе моя Дочь» [Иванов 1974: 777]. Поэтому женитьбу на падчерице и продолжающееся общение с умершей тоже можно рассматривать как некое подобие возрождения тройственного союза. Иванов был убежден, что покойная остается участницей брачного эксперимента.

Мы же можем свидетельствовать, что имеется прямое соответствие между фигурами проживающих на «Башне» и персонажами повести. Вера выступает в роли Диониса, Иванова и Зиновьевой-Аннибал, а безымянная рассказчица тоже вмещает в себя черты обоих супругов, но одновременно и всех тех безымянных претендентов на роль «третьего», которых они ищут. Вера жертвует своей любовью, отдавая во власть художников возлюбленную (сама Зиновьева-Аннибал проделала то же самое, «отдав» мужа Городецкому и Сабашниковой). Но Вера, которая, как и Иванов, распоряжается судьбой близкого ей человека, не выдерживает взятой на себя роли до конца. Повесть заканчивается ее самоубийством потому, что она не сумела таким образом создать искомого множественного союза, не сумела сохранить красоту возлюбленной, которая на картинах художников превратилась в уродство (по крайней мере, так она видит раздробление единого тела своей любимой). Таким образом, попытка воплотить трансцендентную красоту в земных подобиях приводит к окончательному разрушению красоты. Трагическое разрешение сюжетного узла можно трактовать как предупреждение о возможных последствиях дионисийского эксперимента. Стоит в связи с этим вспомнить о посвящении повести мужу, что позволяет считать повесть не только монологом, но и диалогом, который ведет Лидия Дмитриевна с супругом.

Однако невозможно ограничиваться анализом творчества и идей Зиновьевой-Аннибал только с точки зрения мистических философских теорий Иванова. Представление о ее творчестве должно стать более масштабным, учитывающим самовыражение автора, обретенные женщиной-автором субъектности.

Под влиянием религиозной теории Соловьева о Вечной Женственности женщины в литературном кругу символистов получили относительно свободное творческое пространство, однако женские голоса продолжали быть почти неслышимыми в патриархатном дискурсе. «Функционирование категории фемининности в конструировании символистской эстетики ставило авторов-женщин в сложную ситуацию. С одной стороны, женщин уважали, но, с другой

стороны, они оказались в посреднической роли музы и супруги поэтов и писателей» [Эконен 2011: 16]. Нельзя забывать и то, что «на протяжении всей своей жизни Вяч. Иванов умел сохранять предельную ясность, твердость и трезвость мысли. Он был человеком сильной воли, умевшим удерживать полный контроль над своими словами, над своими поступками, над своим ближайшим окружением и, прежде всего, над членами своей семьи» [Паперный 1998: 353], поэтому, безмерно любя мужа, Зиновьева-Аннибал попала в круг его притяжения.

Была высказана точка зрения, что «прокламируемое в повести несогласие с деспотическим началом в любви, с его претензией на монопольное владение другим человеком, готовность отдать любимую другим не укрепляют любовного союза <...> Истерически-взвинченный тон повести отразил болезненность переживаний автора, осознавшего обусловленное ими художественное несовершенство произведения. <...> “Тридцать три уroda” — это не иллюстрация к платоновской лестнице восхождения к красоте, как хотелось бы видеть Иванову, а крик отчаяния» [Михайлова 2019: 90–91]. Признание в смятенности и отчаянии можно обнаружить в письме, обращенном писательницей к А.Р. Минцловой в 1907 году, которое цитирует литературовед Н. Богомолов: «Теперь о “Тридцати Трех” два слова <...> Этот “огонь”, “искажающий, уродующий”, “вечность форм”, — огонь чадный. Это “ненахождение выхода слов”, “отчаяние, искание” — плоды уныния, падения, отчаяния, как я однажды подписала под заглавием книги. Но все это *не настоящее*. Это первая книга, которую я писала не *всею* собою, в которой передавала горение и корчи своей ряби, даже не средней глубины. Это Кузмин, странное весна и лето, Сомов, и апогей — Городецкий (предчувствием) в девушке без имени, и беспомощность, безверность ряби моей, ветром смятой поверхности, — в бедной Вере. И все же она Вера. Умерла, себя не познавши. Я же дальше живу и даже когда писала, то знала за книгой (не о?) чем сказала книга, но нравилась мне сказать только то, что сказала. И все же, или именно *потому* (ведь это, может быть, именно мое преступление дурного демонизма, — это книга, написанная с какой-то злостью и намеренно не договоренная) — в этом чадном рассказе оказалась какая-то пророческая сила» [Богомолов 1993: 196–197].

Следовательно, сама автор чувствовала в своем тексте провидческое начало. Нельзя в связи с пророческими интенциями не упомянуть и драму Зиновьевой-Аннибал «Кольца», написанную в Париже в 1903 году. Если в повести в той или иной степени показано скрытое, сознательное или бессознательное сомнение в дионисийской мистической идее Иванова, то пьеса «Кольца», как говорилось

выше, обычно воспринимается как ключ к мистической концепции любви, предложенной мужем. Это объясняется не только тем, что предисловие к пьесе написал Иванов, но и самочувствием самой Зиновьевой-Аннибал, которая обрела счастье семейной жизни и творческий дар. «Лидия, после встречи с Вячеславом, встречи, все в ней обновившей, оживившей, почувствовала непреодолимую потребность высказать “что пало в недра духа” посредством чернила и пера <...>. Лидии стало совестно, что она так счастлива, незаслуженно, исключительно счастлива» [Дешарт 1971: 86–87]. Это стало своеобразным повторением того чувства, которое она испытывала в юности, когда «стала думать о бедности и богатстве, о разнице положения и, смутно чуя несправедливость в жизни <...> принялась искать разгадку своим сомнениям». Рассказы некоторых людей из ее окружения об их «стремлениях помочь народу, об девушках, учащих на курсах и готовящих себя на служение тому же народу <...>, всё это беспорядочно, клочками, перевернуло всё» ее существо, а «душа наполнилась сознательным стыдом за свою барскую, сытую жизнь» [Богомолов 2009: 26–27]. Теперь же она хочет делиться своей личной любовью, расширить ее до вселенской любви. Поэтому есть в пьесе такие слова: «Мы любим все. Мы слепы все. Земля и море, заклеванная птичка и стонущий лев ждут нашей любви в прозрении. Мы не можем быть двое, не должны смыкать кольца, мертвым зеркалом отражать мир. Мы мир. <...> Океану любви — наши кольца любви!» [Зиновьева-Аннибал 1999: 302–303]. И как обет прозвучало то же самое в «Тридцати трех уродах»: «Я должна давать тебя людям» [Зиновьева-Аннибал 1999: 29].

Но, как мы помним, «Кольца» тоже завершаются трагически. Инициатор тройственного союза Алексей не выдерживает взятого на себя груза: он умирает. Вслед за ним умирает и его жена Аглая. Оставшиеся жить обещают нести их идеи дальше. И вот уже образуется как бы новый семейный узел: бывший муж Аглаи Ваня и возлюбленная Алексея Анна, взявшись за руки, устремляются вперед: они будут вновь искать третьего участника... Истинный смысл пьесы Зиновьевой-Аннибал отличается от того, который может возникнуть при первом прочтении. Автор отчетливо дала понять, что «выполняет в “Кольцах” не упражнение в диапазоне дифирамбического жанра, как мыслилось Иванову, не дает иллюстрацию к его идее о “новых масках”, а занимается исследованием особенностей любви мужской и женской половин человечества, пытается провести границу между мужской и женской чувственностью» [Михайлова 2019: 86], а еще высказывает сомнение в достижимости искомого Ивановым идеала вселенской эротической церкви, хотя и не оставляет надежды на его обретение.

Поэтому и здесь нельзя рассматривать Зиновьеву-Аннибал как прямого транслятора идей Иванова и его теории о дионисийском экстагическом растворении во всеобщем. Еще в 1895 году она размышляла о сути проблемы, ища «смысл жизни лишь в умении найти середину между Вакханизмом и самообузданием» [Зиновьева-Аннибал 2009: 373]. Следовательно, еще тогда дионисийская раскрепощенность не приводила ее в восторг. Недаром при разработке основы романа «Пламенники» она использовала миф об Агаве, в дионисийском самоупоеании участвующей в растерзании собственного сына. Так что прямое применение теории Иванова в качестве ключа к анализу «Тридцати трех уродов» и «Колец» затруднительно. Согласно теории Иванова, Вера, безымянная девушка и тридцать три художника представляют собой три природных существа модели *speculum speculi*. Казалось бы, они образуют теоретическую «соборность». Однако в повести, заканчивающейся самоубийством героини, т. е. жертвоприношением Диониса-Веры, союз, который образовался между тридцатью тремя художниками и девушкой, по сути является союзом «тридцати трех уродов», в который затесался один живой человек. Поэтому трудно согласиться с утверждением современной исследовательницы, что смерть как доминанта проанализированных выше двух произведений Зиновьевой-Аннибал — «необходимый переход в преодолении индивидуализма, часть антиномии Диониса» [Кондрашова 2022]. Читатель не может полностью отрешиться от эмоционального воздействия, печали, которая возникает при отнюдь не героической смерти полюбившихся ему героев. Трагичность сюжета «Колец» подчеркнула С.В. Сомова, написав, что «воспринимала и воплощала» идеи Иванова Лидия Дмитриевна «по-своему, исходя из собственных представлений о жизни, собственном месте и предназначении в этой жизни», превращая их «в модель жизни для себя и своих героев: трагическую модель» [Сомова 2013 :160]. Под ее пером жизнетворчество превращалось в трагитворчество.

Юнг справедливо полагал, что «художественное творчество, с одной стороны, переплетено с личной жизнью художника, а с другой — все-таки возвышается над этим переплетением», что жизнь художника «не может не быть полна конфликтов, поскольку две силы воюют в нем: с одной стороны, вполне оправданное стремление нормального человека к счастью, удовлетворенности и безопасности, а с другой стороны — неудержимая страсть к творчеству, заходящая так далеко, что она подавляет любое личное побуждение» [Юнг 1998: 50]. А крупнейший исследователь творчества Иванова и эго-документов Зиновьевой-Аннибал Н.А. Богомолов указывал, что писательницу мучил вопрос, чему отдать предпочтение: «красоте ли

трагизма больших чувств и катастроф» или «холодной мудрости и изящному эпикуреизму» [Богомолов 1993: 170]?

«Тридцать три урожая» практически спрогнозировали скорый уход из жизни автора. Зиновьева-Аннибал оправилась от болезни, которая подкосила ее в зиму 1906–1907 годов, она хотела продолжать жить. Но что-то в ней надломилось, поэтому она единственная в семье осенью 1907 года заразилась скарлатиной и ушла из жизни буквально за несколько дней. Хотя это не было, конечно, самоубийством, но Иванов почувствовал поселившееся в ней напряжение, написав позже, что рядом с ним она жила как уже «вкусившая смерть», перешагнувшая «за порог ее», «наполовину уже принадлежащая тому миру, жила подле меня, со мною, *отмеченная*» [курсив наш. — Л.В., М.М.; Иванов 1974: 774]. Своеобразным пророчеством могут служить и слова Веры из «Тридцати трех уродов»: «Кто может продохнуть через себя трагедию, тот — спасенный — ее герой и усмиритель» [Зиновьева-Аннибал 1999: 48]. Ни Вера, ни сама писательница не смогли стать такими героинями-воительницами. «Символистский идеал включения абстрактных идей в жизнь часто приводил к превращению жизни в литературный артефакт, а не к ее желаемой интенсификации» [Davidson 1996: 174].

На долгие годы Зиновьева-Аннибал, «как и многие другие женщины-писательницы рубежа веков и Серебряного века, оказалась в забвении» [Rosenholm, Savkina 2012: 206]. «Тридцать три урожая» предрекли и ее смерть, и грядущие десятилетия молчания, забвения и маргинализации. Но теперь ясно, что этот текст дает возможность с помощью деконструкции увидеть трагическую судьбу Зиновьевой-Аннибал, мучительно обнаруживающей свое «Я» и с трудом переосмысливающей себя заново.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н.А. Русская литература XIX века и ее пророчества // Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955. 224 с.
2. Богомолов Н.А. ...И другие действующие лица // Переписка. 1894–1903 / Вячеслав Иванов, Лидия Зиновьева-Аннибал. М., 2009. С. 22–59.
3. Богомолов Н.А. Петербургские гафизиты // Серебряный век в России: избранные страницы / РАН, Научный совет по истории мировой культуры. М., 1993. С. 167–210.
4. Волошина М. (Сабашникова М.В.) Зеленая Змея. История одной жизни. М., 1993. 413 с.
5. Дешарт О. Вступительная статья // Иванов Вячеслав. Собр. соч.: в 4 т. Т. I. Брюссель, 1971. С. 7–227.
6. Зиновьева-Аннибал Л.Д. Тридцать три урожая: роман, рассказы, эссе, пьесы. М., 1999. 495 с.
7. Иванов В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. Брюссель, 1974. 852 с.
8. Иванов В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. Брюссель, 1979. 896 с.

9. *Иванов В.* Предисловие к посмертному изданию «Тридцать три урода» // Тридцать три урода: роман, рассказы, эссе, пьесы. М., 1999. С. 439–443.
10. *Кондрашова В.В.* От диалога к соборности — эволюция общения с Другим в творчестве Л.Д. Зиновьевой-Аннибал // Палимпсест. Литературоведческий журнал. Нижний Новгород. 2022. № 2 (14). С. 54–62. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.palimpsest.unn.ru/files/nomera/142297/Kondrashova.pdf> (дата обращения: 07.11.2023).
11. *Михайлова М.В.* Вячеслав Иванов и Лидия Зиновьева-Аннибал: крах «идеального союза», или «Яркий образ возможного счастья»? // Философские эманации любви / Сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. М., 2019. С. 62–98.
12. *Паперный В.* О символизме Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов и его время. Материалы VII Международного симпозиума. Вена, 1998. С. 349–369.
13. *Соловьев В.С.* Смысл любви // Русский Эрос, или Философия любви в России / Сост. и авт. вступ. ст. В.П. Шестаков; коммент. А.Н. Богословского. М., 1991. С. 19–76.
14. *Сомова С.В.* «Дар золотой в его бросайте море своих колец...» — драма жизни в гранях быта («Кольца» Л. Зиновьевой-Аннибал) // Вестник Самарского государственного университета. 2013. № 8. 1 (109). С. 160–169.
15. *Суковатая В.А.* «Тридцать три урода» Лидии Зиновьевой-Аннибал, или Эротический «Другой» женской наррации // Гендерные исследования. 1999. № 2. С. 282–284. [Электронный ресурс]: URL: https://www.researchgate.net/publication/318100397_33_uroda_Lidii_Zinovevoj__Annibal_ili_Eroticeskij_Drugoj_zenskoj_narracii_Gendernye_issledovania_1999_No_2 (дата обращения: 02.10.2023). DOI:10.13140/RG.2.2.13670.11845.
16. *Шахадат Ш.* Лидия Зиновьева-Аннибал: «Тридцать три урода» — роман о художнике // Искусство жизни: Жизнь как предмет эстетического отношения в русской культуре XVI–XX веков. М., 2017. С. 248–255.
17. *Экконен К.* Творец, субъект, женщина: Стратегии женского письма в русском символизме. М., 2011. 400 с.
18. *Юнг К.* Психология и литература // Психоанализ и искусство. М., 1996. С. 30–54.
19. *Defarges F.* Being a Woman and a Writer in the Russian Silver Age // Revue Russe, №51. 2018, С. 29–40. [Электронный ресурс]: URL: https://www.persee.fr/doc/russe_1161-0557_2018_num_51_1_2857 DOI: 10.3406/russe.2018.2857 (дата обращения: 20.09.2023).
20. *Davidson P.* Lidia Zinov'eva-Annibal's The Singing Ass: A woman's view of men and Eros // Gender and Russian Literature: New Perspectives. Cambridge, 1996. pp. 155-183.
21. *Rosenholm A., Savkina I.* «How Women Should Write»: Russian Women's Writing in the Nineteenth Century // Women in Nineteenth-Century Russia: Lives and Culture (1st ed.). 2012, pp. 161–208 [Электронный ресурс]: URL: <https://doi.org/10.2307/j.ctt5vjzsk.12> (дата обращения: 07.11.2023).

REFERENCES

1. Berdjaev, N.A. Russkaja literatura XIX veka i ejo prorochestva [Nineteenth-Century Russian Literature and Its Prophecies]. *Istoki i smysl russkogo kommunizma*. Paris, YMCA-PRESS Publ, 1955, pp. 157. (In Russ.)
2. Bogomolov, N.A. ...I drugie dejstvujushhie lica. [...And Other Characters]. *Perepiska*. 1894–1903 Vjacheslav Ivanov, Lidija Zinov'eva-Annibal. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie Publ*. 2009, pp. 22–59. (In Russ.)

3. Bogomolov, N.A. Peterburgskie gafizity [St. Petersburg Gafisites]. *Serebrjanyj vek v Rossii: izbrannye stranicy*. Rossijskaja akademii nauk, Nauchnyj sovet po istorii mirovoj kul'tury. Moscow, *RADIKS Publ*, 199, pp. 167–210. (In Russ.)
4. Voloshina, M. (Sabashnikova, M.V.) *Zelenaja Zmeja. Istorija odnoj zhizni* [Green Snake. The Story of One Life]. Moscow, *Enigma Publ*. 1993. 413 p. (In Russ.)
5. Deshart, O. Vstupitel'naja stat'ja [Introduction]. *Ivanov Vjacheslav. Collected Works: in 4 vol. Vol. 1*. Bruxelles, *Foyer Oriental Chrétien Publ.*, 1971, pp. 7–227. (In Russ.)
6. Zinov'eva-Annibal, L.D. *Tridcat' tri uroda: roman, rasskazy, jesse, p'esy* [Thirty-three Abominations: a Novel, Stories, Essays, Plays]. Moscow, *Agraf Publ.*, 1999. 494 p. (In Russ.)
7. Ivanov, V. *Sobr. soch.: v 4 t. T. 2*. [Vyacheslav Ivanov. Collected Works: In 4 vol.]. Bruxelles, *Foyer Oriental Chrétien Publ.*, 1974, 852 p. (In Russ.)
8. Ivanov, V. *Sobr. soch.: v 4 t. T. 3*. [Vyacheslav Ivanov. Collected Works: In 4 vol.]. Bruxelles, *Foyer Oriental Chrétien Publ.*, 1979. 896 p. (In Russ.)
9. Ivanov, V. *Predislovie k posmertnomu izdaniju «Tridcat' tri uroda»* [Preface to the Posthumous Edition of *Thirty-Three Abominations*]. *Tridcat' tri uroda: roman, rasskazy, jesse, p'esy* [Thirty-three Abominations: a Novel, Stories, Essays, Plays]. Moscow, *Agraf Publ.*, 1999, pp. 439–443. (In Russ.)
10. Kondrashova, V.V. *Ot dialoga k sobornosti — evoljucija obshhenija s Drugim v tvorcestve L.D. Zinov'evoj-Annibal* [From Dialogue to Sobornost — Evolution of Communication with the Other in L.D. Zinovieva-Annibal's Work]. *Palimpsest. Literaturovedcheskij zhurnal*. Nizhnij Novgorod, *Palimpsest Publ.*, 2022. № 2 (14), pp. 54–62. (In Russ.)
11. Mihajlova, M.V. *Vjacheslav Ivanov i Lidija Zinov'eva-Annibal: krah «ideal'nogo sojuza» ili «jarkij obraz vozmoznogo schastija»?* [Vyacheslav Ivanov and Lidia Zinovieva-Annibal: The Collapse of an “Ideal Marriage” or a “Vivid Image of Possible Happiness”?]. *Filosofskie emanacii ljubvi / Sost. i otv. red. Ju.V. Sineokaja* [Philosophical Emanations of Love / Ed. by Ju. Sineokkaya]. Moscow, *Izdatel'skij Dom JaSK Publ*, 2019, pp. 19–62. (In Russ.)
12. Papernyj, V. *O simvolizme Vjacheslava Ivanova* [About Vyacheslav Ivanov's Symbolism]. *Vjacheslav Ivanov i ego vremja. Materialy VII Mezhdunarodnogo simpoziuma*. [Vyacheslav Ivanov and His Time. Proceedings of the VII International Symposium]. Wien, *Peter Lang*. 1998, pp. 349–369. (In Russ.)
13. Solov'ev, V.S. *Smysl ljubvi* [The Meaning of Love]. *Russkij Jeros, ili Filosofija ljubvi v Rossii: Sbornik / Sost. i avt. vstup. st. V.P. Shestakov; comm. A.N. Bogoslovskogo*. [Russian Eros, or the Philosophy of Love in Russia / Ed. and introduction by V.P. Shestakov; comm. by A.N. Bogoslovsky]. Moscow, *Progress Publ.*, 1991, pp. 19–76. (In Russ.)
14. Somova, S.V. «Dar zolotoj v ego brosjajte more svoih kolec...» — drama zhizni v granjah byta («Kol'ca» L. Zinov'evoj-Annibal) [“Throw the Golden Gift of Your Rings into His Sea” — the Drama of Life in the Facets of Everyday Life (“Rings” by L. Zinovieva-Annibal)]. *Vestnik SamGU*. 2013. № 8. 1 (109), pp. 160–169. (In Russ.)
15. Sukovataja, V.A. “Tridcat' tri uroda” Lidii Zinov'evoj-Annibal, ili Eroticheskij “Drugoj” zhenskij narracii [Lydia Zinovieva-Annibal's “Thirty-Three Abominations”, or the Erotic “Other” of the Female Narrative]. *Gendernye issledovanija*. 1999. № 2, pp.282–284 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/318100397_33_uroda_Lidii_Zinovevoj_Annibal_ili_Eroticheskij_Drugoj_zenskij_narracii_Gendernye_issledovania_1999_No_2 (дата обращения: 02.10.2023) DOI:10.13140/RG.2.2.13670.11845. (In Russ.)
16. Shahadat, Sh. Lidija Zinov'eva-Annibal: «Tridcat' tri uroda» roman o hudozhnike [Lydia Zinovieva-Annibal: “Thirty-Three Abominations” as a Novel about an Artist].

- Iskusstvo zhizni: Zhizn' kak predmet jesteticheskogo otnoshenija v russkoj kul'ture XVI–XX vekov.* Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2017, pp. 248–255 (In Russ.)
17. Jekonen, K. Tvorec, subekt, zhenshina: Strategii zhenskogo pis'ma v russkom simbolizme [Creator, Subject, Woman: Strategies of Women's Writing in Russian Symbolism]. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2011. 400 p. (In Russ.)
 18. Jung, K. Psihologija i literature [Psychology and Literature]. *Psihoanaliz i Iskusstvo.* Moscow, *Vakler*. 1996, pp. 30–54. (In Russ.)
 19. Davidson, P. Lidiiia Zinov'eva-Annibal's The Singing Ass: A Woman's View of Men and Eros. In R. Marsh (Author), *Gender and Russian Literature: New Perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press. 1996. pp. 155-183 doi:10.1017/CBO9780511554100.009.
 20. Defarges, F. Being a Woman and a Writer in the Russian Silver Age. *Revue Russe*, N°51. 2018, 29-40. [Электронный ресурс]. URL: https://www.persee.fr/doc/russe_1161-0557_2018_num_51_1_2857 DOI: 10.3406/russe.2018.2857 (дата обращения: 20.09.2023).
 21. Rosenholm, A., Savkina, I. 'How Women Should Write': Russian Women's Writing in the Nineteenth Century. *Women in Nineteenth-Century Russia: Lives and Culture* (1st ed., pp. 161–208). 2012, Open Book Publishers. [Электронный ресурс]. <https://doi.org/10.2307/j.ctt5vjszk.12> (дата обращения: 07.11.2023).

Поступила в редакцию 26.11.2023

Принята к публикации 11.06.2024

Отредактирована 24.07.2024

Received 26.11.2023

Accepted 11.06.2024

Revised 24.07.2024

ОБ АВТОРАХ

Ван Люян — аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; w.liuyang@mail.ru

Михайлова Мария Викторовна — доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; mary1701@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Wang Liuyang — PhD Student, Department of the History of Contemporary Russian Literature and Modern Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; w.liuyang@mail.ru

Maria Mikhailova — Prof. Dr., Department of the History of Contemporary Russian Literature and Modern Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, mary1701@mail.ru

МИФОЛОГЕМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ Ю. ПОЛЯКОВА

Хэ Цзиньхуа, М.М. Голубков

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; he.jinhua@yandex.ru; m.golubkov@list.ru

Аннотация: Статья посвящена мифологическим сюжетам в произведениях Ю. Полякова, таких как «Козленок в молоке», «Грибной царь», «Советство» и др. Анализируются три подтипа мифологем, воспроизведенных автором: модификация мифа о Пигмалионе и Галатее, переосмысленная в гротескном сочетании «творец и его создание»; народные рассказы о Грибном царе и знахарке-мордовке; мифы о Советском Союзе. Эти мифологемы демонстрируют разнообразие художественных приемов и мотивов писателя. Задача статьи заключается в выявлении функций этих мифологем.

Ключевые слова: миф; Ю. Поляков; Пигмалион и Галатея; смерть автора; Советский Союз; народные сказки

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-04-12

Для цитирования: Хэ Цзиньхуа, Голубков М.М. Мифологемы в творчестве Ю. Полякова // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 4. С. 150–159.

MYTHOLOGEMS IN THE WORKS OF YURY POLYAKOV

He Jinhua, Mikhail Golubkov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; he.jinhua@yandex.ru; m.golubkov@list.ru

Abstract: This article is devoted to the mythological themes in the works of Yury Polyakov, such as *The Goat in Milk*, *The Mushroom King*, *Sovchildhood* and others. The work analyzes three subtypes of mythologems reproduced by the author: a modification of the myth of Pygmalion and Galatea, reinterpreted in the grotesque combination “the creator and his creation”; folk tales about the Mushroom King and the healer-witch of Mordovia; myths about the Soviet Union. These mythologems demonstrate the diversity of the author’s artistic techniques and motifs. The purpose of the article is to identify the functions of these mythologems.

Keywords: myth; Yury Polyakov; Pygmalion and Galatea; death of the author; Soviet Union; folk tales

For citation: He Jinhua, Golubkov M.M. (2024) Mythologems in the Works of Yury Polyakov. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 150–159.

Миф как социальный, культурный и ментальный феномен широко изучается в таких научных областях, как лингвистика, литературоведение, социология, психология, философия и т. д. Термин «мифологема» не имеет единого определения. Многие ученые, в том числе Юнг, интерпретируют мифологеми как составной элемент мифологического сюжета. Мы придерживаемся этого мнения.

Основываясь на исследовании других ученых, можно сказать, что под мифом первоначально подразумеваются «различные предания о богах и героях, участвовавших в создании природного и культурного мира» [Галиева 2011: 53]. В процессе развития мифа происходит «десакрализация, деритуализация, отказ от этиологизма и замена мифического времени неопределенно-сказочным <...> сужение космических масштабов до семейно-социальных» [Мелетинский 1990: 639].

В литературных произведениях нередко происходит эксплицитное или имплицитное обращение к мифологеме. Древние мифы часто служат архетипами литературных сюжетов и образов. Мифологические персонажи и темы зачастую заимствуются и переосмысляются писателями, в том числе Ю. Поляковым.

Один из авторов этой статьи указывает на «комическое, травестированное переосмысление мифа о Пигмалионе и Галатее» [Голубков 2019: 114–115] в романе «Козленок в молоке». Некий Витек, человек далекий от литературы и от культуры вообще, становится благодаря усилиям героя-повествователя гораздо более известным и успешным писателем, чем его создатель. Сюжет романа — формирование репутации писателя, не написавшего ничего. Этот иронический сюжет отсылает читателей к древнегреческому мифу о Пигмалионе и Галатее, ожившей статуе, обладающей чрезвычайной красотой.

Мифологема «творец и его создание» имеет широкое распространение в истории мировой литературы и проявляется в таких произведениях, как «Франкенштейн, или Современный Прометей» М. Шелли, «Пигмалион» Б. Шоу, «Собачье сердце» М.А. Булгакова. Произведение Ю. Полякова «Козленок в молоке» продолжает эту линию.

Чистые листы несуществующего романа Витька «В чашу» были удостоены международной премии «Золотой Бейкер». Этот сюжет — жесткая сатира на один из важнейших постулатов постмодернизма: «смерть автора». Р. Барт оправдывает гипотетическую смерть автора рождением читателя. Но у Ю. Полякова и читатель не родился: никто из критиков, создававших репутацию Витьку, так и не заглянул в чистые листы ненаписанного романа. Впрочем, когда подлог обнаружился, он никого не смутил: критик Вигилянский, осно-

вываясь на этом прецеденте, обосновал теоретические основы нового течения: табулизм. Суть его как раз и пародирует идею Барта о рождении читателя: читателю не надо ничего читать, достаточно увидеть белые листы, *tabula rasa*, чтобы выдать полноценную реакцию на художественный текст, пусть и не существующий на бумаге. Таким образом, мифология отношений творца и его создания в романе «Козленок в молоке» использована как инструмент деконструкции одного из основополагающих тезисов философии постмодернизма.

И здесь мы сталкиваемся с еще одним, притом достаточно неожиданным, явлением. В свое время В.Е. Хализев говорил о том, что сознание современного человека во многом строится на неомифах — тех, что созданы относительно недавно или совсем недавно [Хализев 2002: 7–21]. Возможно, свой цикл мифологем, существующих не только в литературе, но и в обыденном сознании, формируют и работы французских постструктуралистов 1960-х годов. Среди них — знаменитая «нулевая степень письма», деконструкция, интертекстуальность, конец истории, тотальная ирония и, конечно же, смерть автора, которая компенсируется в литературе рождением читателя. Поляков, в полном соответствии с идеями деконструкции Ж. Деррида, подвергает тотальной деконструкции саму мифологию постмодернизма, притом в тот момент, когда она еще только-только замаячила на горизонте литературоведческого дискурсивного арсенала, а первые переводы с французского были настолько слабы, что уловить идеи теоретиков постмодерна было практически невозможно.

Стоит заметить, что в романе «Козленок в молоке» настойка «амораловка» выполняет функцию важного мифологического атрибута. Эта настойка, сделанная из маралых рогов и привезенная из Сибири, является волшебным эликсиром, который возбуждает как половое влечение, так и интеллект, вдохновляет и взбадривает человека. «Амораловка» избавляет писателя-повествователя от творческого выгорания и превращает его из бездарного автора в творца-«гения» (Витька). Однако когда ее действие подходит к концу, человек ощущает полное бессилие. Подобно эликсиру молодости и воде бессмертия, «амораловка» играет ключевую роль в создании мифа о писателе, который ничего не написал.

Если в романе «Козленок в молоке» обращение к мифологеме имплицитно, то в романе «Грибной царь» оно полностью эксплицитное. Н. Коновалова утверждает, что мифологема обращается к прошлому, к традициям национальной культуры, и одновременно отражает настоящее, реальность современной деятельности и сте-

реотипы коллективного сознания [см. Коновалова 2013: 210]. Эта мысль находит подтверждение в романе «Грибной царь».

Согласно преданию, Грибной царь обладает могуществом исполнить любое желание того, кто его найдет. Главный герой романа, Свирельников, узнал об этом от бабушки Благушина, жившего в деревне у Волги. В молодости, перед войной, бабушка Благушин нашел Грибного царя в лесу. Что именно он попросил у Грибного царя — неизвестно, но с войны вернулся живым и прожил долго. О существовании Грибного царя знают все торговцы грибами на местном рынке и пожилые люди в деревне.

В этом произведении грибам приписаны волшебные свойства. Даже во сне главный герой вспомнил сказку про грибы, которые покидали места исконного произрастания в знак протеста против нехороших поступков мальчика-грибника.

Кроме того, бабушка Благушин рассказывал о грибе под названием «чертов палец», который считался талисманом детства. «Зеленовато-коричневый, на ощупь будто вощеный, “чертов палец” размером и видом напоминал крупнокалиберную пулю, а с казенной части имел необычное отверстие, словно бы с каменной внутренней резьбой» [Поляков 2022: 393]. Согласно преданию, бес навинчивает его на пальцы, чтобы удобнее было тащить грешника в пекло.

Таким образом, Ю. Поляков создал уникальный мир мифологии, связанной с грибами. Миф о Грибном царе дает Свирельникову надежду на жизнь. Будучи директором компании «Сантехют», Свирельников обладает финансовым благополучием, но переживает экзистенциальный и семейный кризис. С одной стороны, ему сложно расслабиться и наслаждаться жизнью. С другой стороны, он страдает от опасений быть «заказанным» как конкурентами, так и бывшими компаньонами. Совсем ужасным оказывается то, что предполагаемым заказчиком преступления выступает его бывшая жена. В таком состоянии Свирельников думает, что «правильнее сейчас просто умереть от сердечного приступа, уйти в темноту...» [Поляков 2022: 410]. Магический гриб символизирует связь между священным небесным царством и развращенным земным миром. Поиск Грибного царя Свирельниковым во сне отражает его стремление найти выход из жизненного тупика. В финале романа именно Грибной царь, найденный героем, будто бы снимает напряжение: в последний момент добросовестная служба охраны бизнесмена обнаруживает, что никакого заговора нет, а жена и бывший компаньон просто хотят честно «располовинить» бизнес. Таким образом, мифологема о Грибном царе играет ключевую роль в развитии сюжета романа, выполняя не столько когнитивную, сколько аксиологическую функцию — помогая главному герою очистить душу. Увы,

надежды на Грибного царя оказываются иллюзорными: от прикосновения Свирельникова «Грибной царь дрогнул, накренился и распался, превратившись в отвратительную кучу слизи, кишашую большими желтыми червями...» [Поляков 2022: 414]. Создав миф о Грибном царе, Поляков его разрушает. Свирельникову не удалось преодолеть онтологическую пустоту: вместо белой чистой плоти Грибного царя герой обнаруживает лишь отвратительную гниль...

В другом произведении Ю. Полякова, «Небо падших», также отражается моральное разложение и экзистенциальная пустота нового социального класса — новых русских. Главный герой этой повести Шарманов, подобно Свирельникову, заблудился, стремясь к обретению богатства. Однако, в отличие от Свирельникова, который нашел Грибного царя, Шарманов, не имея духовной опоры, погибает в конце рассказа.

В романе «Грибной царь» представлен другой мифический персонаж — Вениамин Головачев, известный по прозвищу Труба. Он занимал должность заместителя секретаря парткома по контрпропаганде и активно вел пропаганду атеизма во времена Советского Союза. Однако его жизнь кардинально изменилась после случайного прочтения книги о Боге во время тяжелой болезни. После этого он начал посещать церковь, и его рак, казалось, чудесно исцелился. Впоследствии Труба стал священником и посвятил все свои силы сбору средств на восстановление храма в Москве. Для него церковь — это «тайный вход в совершенно иное измерение, где жизнь течет не по законам борьбы и выживания, а по законам веры, доброты и покоя, где можно надеяться на невозможное, ждать помощи от непостижимого» [Поляков 2022: 153]. В этом случае вера в Бога становится для персонажа спасением от тяжелой болезни.

Мифы относятся к культурным элементам, «которые мы понимаем как важные для культуры и традиции фрагменты действительности, представленные в художественном тексте. Как правило, они составляют основу идеологических штампов эпохи» [Маслова 2001: 41]. Как изложено выше, все мифологические сюжеты в романе «Грибной царь» отражают ряд феноменов общественного сознания. Поиск Грибного царя символизирует стремление главного героя искупить свои грехи, найти облегчение и уйти от онтологической пустоты.

Мифологемы о Грибном царе обнаруживают доверие Ю. Полякова к современному фольклору и народной традиции. В его романе «Совдетство» тоже описываются народные сказки и истории, например, как знахарка-мордовка много лет назад спасла умирающую от столбняка десятилетнюю девочку. В актуальном времени романа она бабушка главного героя. «Она сначала обмазала воспа-

ленную руку теплым коровьим навозом, обернула мешковиной, дала выпить горького травяного отвара и велела так лежать два дня <...> Потом старуха потребовала белой муки и свежих яиц. <...> Замесила мордовка тесто, как будто на лапшу, обмазала им бабушку с ног до головы да и запекла <...> Потом знахарка отколупала с тела хлебную корочку, завязала в тряпицу, велела отнести на кладбище и зарыть, а бабушке дала сладкий травяной отвар, после которого она беспробудно спала два дня, и когда встала, жар прошел...» [Поляков 2021: 362–363]. Помимо этой необычной истории, в романе упоминается еще интересный момент: по слухам, какой-то сосед по общежитию пошел в туалет ночью и «столкнулся нос к носу с удавившимся Шутовым, который тихо спросил, как дела на заводе» [Поляков 2021: 100]. Стиль этих рассказов отсылает читателей к произведению Габриэля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества» и придает творчеству писателя мистическую атмосферу.

Помимо преданий и сказаний о богах и мифических существах, существует и другой вид мифа — миф о могучем государстве. Как отмечает Мелетинский, «в эпических памятниках мифическое время преобразуется в славную героическую эпоху единства народа, могучей государственности, великих войн и т. п.» [Мелетинский 1990: 635]. Безусловно, описание советского времени Ю. Поляковым может быть трактовано как миф о Советском Союзе.

Ю. Поляков, с легкой руки исследователя его творчества О. Яриковой, широко известен как «последний советский писатель». Он ощущает личную принадлежность к распавшемуся государству. В некоторых произведениях он переосмысливает недостатки советского общества, однако в других обращается к советскому прошлому с ностальгией, создавая идеализированные образы «простых времен». Эти образы также могут быть интерпретированы как мифы, воссоздающие утраченный мир, который, возможно, никогда не был таким идеальным, каким его помнят. Современная социология интересно объясняет феномен тоски по СССР: «ностальгия понимается как сознательная миграция в прошлое, основанная на отказе от действительности. Именно события настоящего времени, невозможность понять и согласиться с существующим миропорядком, отсутствие важных для себя ценностей заставляют человека в поисках главных жизненных смыслов обратиться к прошлому» [Даутова 2016: 327].

Под пером Ю. Полякова создается немало персонажей, у которых сохранились самые приятные воспоминания о советских временах, например, Жарынин из романа «Гипсовый трубач». Типичным произведением Ю. Полякова, где советское время изображается с ностальгией, является «Совдетство». Эта книга — о светлом прошлом,

о прекрасном детстве. Она представляет собой набор личных воспоминаний писателя. В статье «Картина мира в романе Ю. Полякова “Совдетство”» [см. Хэ Цзиньхуа 2022: 686–694] одного из авторов данной статьи подробно анализируется советская жизнь 1960-х годов с нескольких точек зрения, включая сладкие воспоминания о детстве, добросовестность советских людей и небогатую, но счастливую жизнь.

Нравственная чистота людей предстает как удивительная и отличительная черта советской жизни. Ю. Поляков упоминает о существовании кассы взаимопомощи в советское время — общего фонда, в который члены профсоюза вносят и из которого рабочие завода могут получать материальную помощь при необходимости. Современной молодежи концепция такой товарищеской материальной помощи может показаться мифом. Не странно, что двенадцатилетний главный герой убежден: в СССР не страшно остаться без денег. Социолог М.В. Петрова утверждает, что «при всех сложностях существования в тоталитарном режиме, в Советском Союзе было что-то, что безвозвратно утеряно в современной действительности, аналога этому так и не найдено до сих пор» [Петрова 2015: 51]. Безусловно, нравственная чистота была самым драгоценным во времена СССР.

Советский Союз изображается как могущественное государство, что является вторым мифом, созданным Ю. Поляковым. В сознании его персонажей СССР воспринимается как страна с обширной территорией, способная противостоять Америке. Например, в романе «Гипсовый трубочка» главный герой Кокотов, увидев карту Советского Союза на шторе в ванной, описывает его как «великана, прилегшего отдохнуть после русской баньки, безмятежно подставив врагам свое тугое южное подбрюшье» [Поляков 2020: 63]. Советские люди убеждены, что нужно просто ждать и верить в победу СССР над США, считают, что СССР — это самая счастливая страна, где нет безработицы, в отличие от Америки. В диалогах персонажей нередко упоминаются успехи советского строя в областях астронавтики, ядерного оружия и искусства. Например, «мы атомную бомбу слепили, в космос летаем, балерины наши выше всех ноги задирают» [Поляков 2020: 159]. Хотя иногда персонажи сопоставляют могущество государства с низким уровнем жизни для создания контраста: «с космической станцией “Восход” связь имеется, а с Загулихой нет» [Поляков 2020: 342]. Тем не менее, создаваемые сюжеты становятся мифами о могучем СССР.

Третий миф об СССР в произведениях Ю. Полякова связан с наивной верой советских людей в то, что коммунизм наступит в скором будущем. Двенадцатилетний мальчик в романе «Совдетство» даже

считает, что благодаря работе ударников, может быть, наступит еще раньше. Он убежден, что с построением коммунизма станет возможным бесплатно пользоваться такси и другими услугами. Мальчик также верит, что при коммунизме бесплатная торговля будет происходить в духе взаимной вежливости, и он активно готовится к этому, посещая торговый центр. Отец главного героя в романе объясняет снисходительное отношение милиции к продавцам гладиолусов тем, что милиция — народная. Несмотря на то, вера в коммунизм сейчас воспринимается скорее как квазирелигиозная, в прошлом веке миллионы людей искренне верили в его скорое наступление.

Таким образом, мифы о Советском Союзе в художественных произведениях Ю. Полякова играют ключевую роль в формировании и трансформации коллективной памяти и идентичности, предоставляя разные интерпретации прошлого и настоящего.

Анализ мифологем в творчестве Ю. Полякова подтверждает его разнообразие. Переосмысление мифа о Пигмалионе и Галатее служит сатирическим средством для критики бессмысленности постмодернистского текста. Мифологема о Грибном царе и знахарке-мордовке придает творчеству Ю. Полякова национальный колорит. Воспроизведенные им мифы о Советском Союзе отражают светлые воспоминания старшего поколения о стране, в которой они родились и выросли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Барт Р.* Смерть автора // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989.
2. *Галиева М.Р.* Концептуальная значимость мифологемы в художественном тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 2 (9). 2011. С. 52–56.
3. *Голубков М.М.* Убийственная ирония: почему Поляков так жесток? // Юрий Поляков: контекст, подтекст, интертекст и другие приключения текста. Ученые (и не очень) записки одного семинара. М., 2020.
4. *Даутова Р.В.* Феномен ностальгии на российском телевидении // Гуманизация информационного пространства в контексте диалога культур: материалы Международ. научно-практической конференции, посвященной 80-летию со дня рождения первого декана факультета журналистики Казанского университета Ф. Агзамова. Казань, 2016.
5. *Коновалова Н.И.* Мифологема как свернутый сакральный текст // Политическая лингвистика: Раздел 3. Язык — политика — культура. № 4 (46). 2013. С. 209–215.
6. *Маслова В.А.* Лингвокультурология. М., 2001.
7. *Мелетинский Е.М.* Общее понятие мифа и мифологии // Мифологический словарь. М., 1990.
8. *Петрова М.В.* Культурный феномен ностальгии по СССР на российском телевидении // Ярославский педагогический вестник. 2015. Т. 1, № 1. С. 51–55.
9. *Поляков Ю.М.* Гипсовый трубоч. Однажды в России. М., 2020.

10. Поляков Ю.М. Грибной царь. М., 2022.
11. Поляков Ю.М. Козленок в молоке // Поляков Ю.М. Красный телефон. М., 2019.
12. Поляков Ю.М. Любовь в эпоху перемен. М., 2020.
13. Поляков Ю.М. Небо падших // Поляков Ю.М. Красный телефон. М., 2019.
14. Поляков Ю.М. Совдетство. М., 2021.
15. Хализев В.Е. Мифология XIX–XX веков и литература // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2002. № 3. С. 7–21.
16. Хэ Цзиньхуа. Картина мира в романе Ю. Полякова «Совдетство» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2022. Т. 27. № 4. С. 686–694.
17. Юнг К.Г. Человек и его символы / Пер. с англ. В.В. Зеленского. М., 2020.

REFERENCES

1. Barthes R. *The Death of Author*. In: Barthes R. *Izbrannyje raboty. Semiotika. Pojetika* [Selected Works. Semiotics. Poetics]. Moscow, *Progress Publ.*, 1989.
2. Galieva M.R. Kontseptual'naja znachimost' mifologemij v hudozhestvennom tekste [The Conceptual Importance of Mythologem in Literary Text]. *Filologičeskije nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Problems of Theory and Practice]. № 2 (9). 2011. Pp. 52–56.
3. Golubkov M.M. *Ubiystvennaja ironija: počemu Polyakov tak zhestok?* [Irony That Kills: Why Polyakov Is So Cruel?] In: Jurij Polyakov: kontekst, podtekst, intertekst i drugije priključenija teksta. Učenyje (i ne očen') zapiski odnogo seminarina [Jury Polyakov: Context, Subtext, Intertext and Other Adventures of the Text. Scholarly (and Not So Much) Notes of a Seminar]. Moscow, *AST Publ.*, 2020.
4. Dautova R.V. *Fenomen nostalgii na rossijskom televidenii* [The Phenomenon of Nostalgia in Russian Television]. In: Gumanizacija informacionnogo prostranstva v kontekste dialoga kul'tur: materialy Meždunarodnoj naučno-praktičeskoj konferencii, posvjashhennoj 80-letiju so dnja roždenija pervogo dekana fakulteta žurnalistiki Kazanskogo universiteta F. Agzamova [The Humanization of Information Space in the Context of the Dialogue of Cultures: Readings of the International Conference, Devoted to the 80th Jubilee of the First Dean of Kazan University Faculty of Journalism F. Agzamov]. Kazan, 2016.
5. Konovalova N.I. Mifologema kak svernytuju sakral'nuju tekst [Mythologem as Condensed Sacral Text]. *Politicheskaja lingvistika. Razdel 3. Jazyk — politika — kultura* [Political Linguistics. Part 3. Language — Politics — Culture]. № 4 (46). 2013. Pp. 209–215.
6. Maslova V.A. *Lingvokulturologija* [Linguoculturology]. Moscow, *Academia Publ.*, 2001.
7. Meletinsky E.M. *Obsheje ponjatije mifa i mifologii* [The General Notion of Myth and Mythology]. In: *Mifologičeskij slovar'* [The Mythological Dictionary]. Moscow, *The Soviet Encyclopedia Publ.*, 1990.
8. Petrova M.V. Kulturnyj fenomen nostalgii po SSSR na rossijskom televidenii [A Cultural Phenomenon of Soviet Nostalgia in Russian Television]. *Jaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2015. Vol. 1, № 1. Pp. 51–55.
9. Polyakov Ju. *Gipsovyy trubach. Odnazhdy v Rossii* [The Plaster Trumpeter. Once in Russia]. Moscow, *AST Publ.*, 2020.
10. Polyakov Ju. *Gribnoj tzar* [The Mushroom Tsar]. Moscow, *AST Publ.*, 2022.
11. Polyakov Ju. *Kozlenok v moloke* [The Baby Goat in Milk] In: Polyakov Ju. *Krasnyj telefon* [The Red Telephone]. Moscow, *AST Publ.*, 2019.

12. Polyakov Ju. *Liubov v epokhu peremen* [Love at the Times of Changes]. Moscow, *AST Publ.*, 2020.
13. Polyakov Ju. *Nebo padshih* [The Sky of the Fallen]. In: Polyakov Ju. *Krasnyj telefon* [The Red Telephone]. Moscow, *AST Publ.*, 2019.
14. Polyakov Ju. *Sovdetstvo* [Sovchildhood]. Moscow, *AST Publ.*, 2021.
15. Halizev V. Mifologija XIX–XX vekov i literatura [Mythology of XIX–XX Centuries and Literature]. *Lomonosov Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology*. 2002. № 3. P. 7–21.
16. He Jinhua. Kartina mira v romane Ju. Polyakova *Sovdetstvo* [The Picture of the World in Yu. Polyakov's Novel "Sovchildhood"]. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary Studies. Journalism*. 2022. Vol. 27. No. 4. P. 686–694. (In Russ.)
17. Jung K.G. *Chelovek I ego simvoly* [Man and his Symbols]. Moscow: *Institute of General Humanitarian Research*, 2020. (In Russ.)

Поступила в редакцию 01.04.2024

Принята к публикации 11.06.2024

Отредактирована 04.07.2024

Received 01.04.2024

Accepted 11.06.2024

Revised 04.07.2024

ОБ АВТОРАХ

Хэ Цзиньхуа — кандидат филологических наук, выпускник кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; he.jinhua@yandex.ru

Голубков Михаил Михайлович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; m.golubkov@list.ru

ABOUT THE AUTHORS

He Jinhua — PhD in Philology; he.jinhua@yandex.ru

Mikhail Golubkov — Dr. Habil., Professor, Head of the Department of the History of Contemporary Russian Literature and Modern Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; m.golubkov@list.ru

РОМАН ЭРСКИНА КОЛДУЭЛЛА «ВСЮ НОЧЬ НАПРОЛЕТ» (1942): ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ МЕЖДУ ПРОПАГАНДОЙ И ИСКУССТВОМ

А.С. Фисенко

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии
наук, Москва, Россия; alexa_fisenko@mail.ru*

Аннотация: Американский писатель Эрскин Колдуэлл, находившийся в СССР, когда началась Великая Отечественная война, написал несколько документальных книг о войне в Советском Союзе и роман о партизанском движении «Всю ночь напролет» (*All Night Long*). Книга была ориентирована на американского читателя, имела целью познакомить его с Россией/СССР и привлечь внимание американской общественности к военным действиям на востоке Европы. В романе с опорой на собранные им истории красноармейцев и партизан, а также на впечатления от поездки на фронт Колдуэлл изобразил борьбу советских крестьян с немецкими захватчиками. История о партизанах наполнена шаблонными ситуациями, идеологически выверенными диалогами, предсказуемыми поворотами сюжета и пропагандистскими штампами. Несмотря на то, что знакомство Колдуэлла с опытом ведения партизанской войны ограничивалось лишь беседами с военными корреспондентами и одним-единственным разговором с настоящим партизаном во время поездки на фронт, американская критика в целом положительно приняла роман, в то время как в СССР он так и не был переведен, а в прессе не появилось ни одного критического отзыва на книгу. Роман «Всю ночь напролет», как и предыдущие книги и статьи Колдуэлла о Советском Союзе, нес в себе большое пропагандистское значение и следовал идеологическим установкам, которые диктовала жестокая реальность войны и которые в тот момент были важнее, чем попытки запечатлеть действительность во всей ее полноте и сложности.

Ключевые слова: Эрскин Колдуэлл; американская литература; Вторая мировая война; союзнические отношения; партизанское движение; архивные материалы

Финансирование: Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00393 «Россия/СССР и Запад: встречный взгляд. Литература в контексте культуры и политики в XX веке», <https://rscf.ru/project/23-18-00393/>.

Для цитирования: Фисенко А.С. Роман Эрскина Колдуэлла «Всю ночь напролет»: художественный текст между пропагандой и искусством // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 4. С. 160–169.

ERSKINE CALDWELL'S NOVEL *ALL NIGHT LONG*: A LITERARY TEXT BETWEEN PROPAGANDA AND ART

A. Fisenko

Lomonosov Moscow State University; A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; alexa_fisenko@mail.ru

Abstract: Erskine Caldwell, an American writer who was in the USSR when the Great Patriotic War broke out, wrote several documentary books about the war in the Soviet Union and a novel about the partisan movement, *All Night Long*. The purpose of the book was to familiarize the American reader with Russia/USSR and to attract the attention of the American public to the military actions in the East of Europe. In the novel, based on his collected stories of Red Army soldiers and partisans, as well as on his impressions from a trip to the front, Caldwell portrayed the struggle of Soviet peasants against the German invaders. The story of the partisans is filled with formulaic situations, ideologically calibrated dialogues, predictable plot twists, and propaganda stamps. Despite the fact that Caldwell's acquaintance with the experience of guerrilla warfare was limited to conversations with war correspondents and a single conversation with a real partisan during a trip to the front, American critics generally accepted the novel positively, while in the USSR it was never translated, and not a single critical review of the book appeared in the press. The novel *All Night Long*, like Caldwell's previous books and articles about the Soviet Union, had a great propaganda value and followed the ideological guidelines dictated by the brutal reality of the war, which at that time were more important than attempts to capture reality in its entirety and complexity.

Keywords: Erskine Caldwell; American literature; World War II; relations of allies; partisan movement; archival materials

Funding: The research was carried out at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences and was financially supported by the Russian Science Foundation, grant no. 23-18-00393 "Russia and the West Viewing Each Other: Literature at the Intersection of Culture and Politics, XX Century", <https://rscf.ru/project/23-18-00393/>.

For citation: Fisenko A.S. (2024) Erskine Caldwell's Novel *All Night Long*: A Literary Text Between Propaganda and Art. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 160–169.

В мае 1941 г., незадолго до начала Великой Отечественной войны, в Советский Союз приехал американский писатель Эрскин Колдуэлл вместе со своей женой, известным фотографом Маргарет Бурк-Уайт. Поездку в СССР Колдуэлл задумал давно, еще в середине 1930-х (о чем свидетельствует его переписка с Союзом советских писателей и редакцией журнала «Интернациональная литература» [Панова, Фисенко 2023]). Сроки приезда несколько раз переносились, и в результате американские гости стали свидетелями последнего месяца мирной жизни и начала германского вторжения. Война застала их в Сочи. Срочно вернувшись в Москву, Колдуэлл и Бурк-Уайт отказались уезжать (как предлагали им в посольстве США) и остались в Москве: они писали репортажи, выступали в эфире радио *Columbia Broadcasting System*. Результатом их работы стали вышедшие в 1942 г. документальные книги «Россия в войне», «Москва под огнем. Военный дневник: 1941», «Снимки Русской войны», «Дорога на Смоленск» и роман о советских партизанах «Всю ночь напролет» (*All Night Long*, 1942). Все они были ориентированы, в первую очередь, на американского читателя, имели целью познакомить его с Россией/СССР, показать стойкость народа и мудрость руководства — в общем, представить Советский Союз достойным и духовно близким союзником.

Приступая к работе над книгой, писатель хотел исчерпать материал, собранный им за время пребывания в СССР в ходе бесед с красноармейцами и единственной поездки к линии фронта, а также вновь привлечь внимание американской общественности, которое на тот момент было приковано к Тихоокеанскому региону, к военным действиям на востоке Европы. Именно там, по мнению Колдуэлла, были сосредоточены основные силы и интересы стран «оси», и Советский Союз остро нуждался в поддержке Америки. Колдуэллом двигало желание уже в качестве романиста, а не военного журналиста, сплотить своих соотечественников и побудить их активнее помогать СССР. В автобиографии Колдуэлл пишет: «Цель романа состояла в том, чтобы в художественной форме изобразить, какую роль во время войны играло гражданское население в Советском Союзе. Мне казалось, что так называемая партизанская война должна была стать важной составляющей международных конфликтов в будущем и что описание ее реалий будет интересно американцам» [Caldwell 1951: 209].

Роман был написан за три с половиной месяца; в апреле 1942 г. рукопись была доставлена в издательскую компанию Duell, Sloan and Pearce, а 27 ноября того же года появилась на прилавках нью-йоркских магазинов и была распродана тиражом более 175 000 экземпляров. В том сезоне роман вошел в подборку «Книжной лиги

Америки», которая ежемесячно выбирала для своих подписчиков лучшую новую книгу. Кинокомпания Metro-Goldwyn-Mayer за пятьдесят тысяч долларов купила у Колдуэлла права на экранизацию и привлекла писателя к работе над сценарием к фильму, который, впрочем, так и не был снят.

Книга имела подзаголовок «Роман о партизанской войне в России», а также посвящение русской женщине — Лидии Михайловне Мирцевой, «олицетворявшей дух советского партизанского движения». Мирцева была служащей ИККИ (Исполнительного комитета Коминтерна); известно, что спустя два года после визита Колдуэлла и Бурк-Уайт в СССР она работала референтом по Америке Иностранной комиссии Союза советских писателей, где получила следующую характеристику от последнего главреда журнала «Иностранная литература» (1942–1943) Б.Л. Сучкова: «[Мирцева] враждебно настроена к Советской власти и поддерживает подозрительные связи с иностранцами. <...> Критикуя отношение Советского правительства к иностранцам, Мирцева говорила, что иностранцы в СССР поставлены в жесткие условия как в смысле цензуры, свободы передвижения, так и общения с советскими гражданами, и что таким отношением к иностранцам Советское правительство восстанавливает их против себя» [Лубянка 2007: 63–64].

О встречах и беседах с Мирцевой не упоминается ни в травелогах, ни в переписке Колдуэлла, ни в документальной книге Бурк-Уайт «Снимки Русской войны». Вероятно, разговоры их носили конфиденциальный характер, и Колдуэлл не стремился разглашать их содержание. Можно предположить, что свое мнение о притеснениях иностранных корреспондентов в Советском Союзе Мирцева вынесла отчасти из общения с этой американской парой, стесненной ужесточившейся в условиях войны цензурой и ограниченной в передвижениях по стране [Панова, Фисенко 2023]. Как бы то ни было, остается открытым вопрос, почему в посвящении романа «Всю ночь напролет» Мирцевой приписывается роль вдохновительницы партизанского движения.

Тексту романа также предшествует глоссарий русских слов и выражений. Среди них как служебные части речи, междометия и наречия (*da, tak, khorosho, mozjno, pazhalusta*), так и существительные, обозначающие местные реалии (*kapusta, kolkhoz, mujik, kopeck, papirosi, podzol, tovarish*), и актуальные военные термины (*diversionist, fashisti, nemetski, nemchura, partisan*). Вероятно, Колдуэлл стремился разнообразить речь своих героев и погрузить читателей в атмосферу живой русской речи. Писатель также подвергся влиянию западного стереотипа о том, что советские граждане при общении друг

с другом используют полную форму имени, поэтому герои романа (даже 12-летний мальчик) именуются *Sergei, Nikolai, Fyodor, Ivan, Vladimir* и т. д.

История начинается с размеренного описания пейзажа ранней зимы или поздней осени, который видит за окном главный герой романа Сергей Короков — советский тракторист, вступивший в ряды партизанского движения. Читатель, который смотрит на окружающее глазами героя, открывает для себя полную картину надвигающейся беды: «...в четверти мили отсюда, гусеничные бронетранспортеры и лязгающие танки мчались на восток, к Москве по черной липкой грязи» [Caldwell 1942: 3–4]. Вид вражеской военной техники и следующая за ним оккупация немецкими захватчиками деревни Ивановки, расположенной в восточной части Белоруссии, заставляют героя разлучиться с женой Наташей и скрыться в лесу. Сергей убивает нескольких немецких солдат и встречает политрука соседнего колхоза Николая Сорокина; вместе они добираются до штаба партизанского отряда, которым руководит Иван Павленко — старый партизан, потерявший всю свою семью во время обрушившегося на его деревню немецкого блицкрига. Среди других персонажей — движимый жаждой мести Федор Смирнович и мальчик Владимир. После успешно выполненного задания командир отправляет Сергея и Федора в Вындомск — город, где располагается железнодорожная станция, которую партизанам предстоит уничтожить, и куда немцы свозят с оккупированных территорий девушек и женщин. В этом городе герои встречают диверсантку — немку фройляйн Альмендингер, а также Иосифа Боронова, партизана из другого отряда. Двадцать партизан пускают под откос воинский эшелон и уничтожают десятки немецких солдат, взрывают автоколонну с боеприпасами и мост через Днепр.

В финале Сергей спасает заложниц и воссоединяется с женой, при этом четко осознавая, что в душе его не наступит мир, пока родная земля не будет освобождена от захватчиков. Он вновь покидает Наташу, чтобы «загнать свиней обратно в их загон» [Ibid., 282].

На оккупированных территориях фашисты демонстрировали особую жестокость по отношению к мирным жителям; расправы с мирным населением натуралистично изображены в тексте романа: «Они вспороли ее тело, разрезав еще не рожденного ребенка пополам. <...> Ей исполнилось всего 12 лет прошлым летом. Немцы насильовали ее раз за разом — каждый из них — я не знаю, сколько часов. Она кричала, совсем как ее мать, умоляя меня спасти ее» [Ibid., 82–83], «...дюжины человеческих тел, скрученных в гротескные формы, — замученные мужчины и женщины» [Ibid., 161].

Колдуэлл стремился удерживать внимание читателя за счет динамичных и ярких сцен: «Некоторые немцы разбили окна и выпрыгнули наружу, но их тела, пронзенные выпущенными из автоматических винтовок пулями со стальными наконечниками, падали на землю, подобно мертвым насекомым, погибшим от пламени свечи» [Ibid., 233–234]. Подобные кинематографичные описания не раз встречаются на протяжении всей книги и, вероятно, отражают надежды писателя на экранизацию.

До своего вынужденного бегства из родной деревни Сергей мало знал о событиях на фронте и на оккупированных территориях, поэтому герои, встречающиеся ему на пути, своими историями рисуют и дополняют сложившуюся в первые месяцы войны картину боевых действий. Такая модель повествования перекликается с принципами построения травелога «Дорога на Смоленск»: в нем участники войны посвящали в происходящее несведущего во многих вопросах американского корреспондента.

Партизаны, выбранные Колдуэллом в качестве объекта художественного изображения, действительно играли важную роль во Второй мировой войне. В романе показаны принципы устройства и деятельности партизанского отряда, которые соответствовали положениям Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля 1941 г. С содержанием документа Колдуэлл ознакомился в дни своего пребывания в Москве: 17 июля он передавал этот текст в эфире CBS [Caldwell 2014: 408]. Партизаны в романе — бесстрашные, вдохновленные идеалами Коммунистической партии и объединенные единым патриотическим порывом люди, потерявшие семью и дом и оттого готовые сражаться за общее дело до самой смерти. Такая картина сложилась у американского писателя из бесед с фронтовыми журналистами и красноармейцами; именно такой образ партизан рисовался в советской прессе в первые месяцы войны. В реальности все было не так однозначно: между отрядами была слабо налажена связь, Красная армия не всегда могла доставлять партизанам необходимые продукты и снаряжение, сами отряды зачастую не следовали приказам советского руководства, а были вынуждены действовать по своему усмотрению [Колотушкин 2019].

Поскольку целевой аудиторией романа были американские читатели, Колдуэлл стремился передать дух и атмосферу советской публицистики и художественной литературы, которые были «мобилизованы» и нацелены на решение военно-патриотических задач. Главный герой на протяжении романа претерпевает незначительные изменения, и связаны они скорее не с развитием его индивидуальных качеств, а с возрастающим пониманием значения массовой борьбы, где каждый человек важен не как личность, а как единица сопро-

тивления. В речах героев часто звучат патриотические лозунги и высказывания, почерпнутые Колдуэллом из заголовков газет, сообщений Совинформбюро и надписей на агитационных плакатах «Окна ТАСС»: «Мы будем преследовать их на каждом дюйме земли, убивая одного за другим, пока не останется ни одного гитлеровца. За каждую отнятую у нас жизнь мы заберем две их» [Caldwell 1942: 58], «Каждый партизан обязан служить нашей Родине с преданностью красноармейца» [Ibid., 74] и т. д.

Серьезный тон повествования, обусловленный реалиями военного времени, не оставляет в романе места для иронии; единственный предмет насмешек — немецкая армия. Несмотря на изображенные Колдуэллом страшные картины пыток и казней, сами солдаты вражеских сил выведены в сатирическом ключе: «Если мы не выберемся отсюда, они начнут стрелять в нас!» — «Эти немцы? — насмешливо крикнул кто-то. — Они не смогут даже попасть горячей картошкой по крупу слепой лошади!» [Ibid., 115]. «Теперь отправляют на фронт детсадовцев, — сказал Федор. — Посмотри на его лицо! Держу пари, что следующих, кого они пришлют сюда, даже не успеют отлучить от материнской груди» [Ibid., 103]. Сами немцы у Колдуэлла тоже говорят о себе весьма самокритично; один из офицеров жалуется на свое тяжелое положение: «Русские не дураки! Партизаны каждую ночь крушат наши поезда и взрывают мосты! Они крадут рельсы и топят их в этих чертовых болотах быстрее, чем мы успеваем уложить на них дорожное полотно. Если эти умники из Берлина знают, как бороться с партизанами, им следовало бы приехать сюда самим и рискнуть быть зарезанными однажды ночью» [Ibid., 203].

Роман о партизанах наполнен шаблонными ситуациями, идеологически выверенными диалогами и предсказуемыми поворотами сюжета. Отзывы критиков и рядовых читателей на роман были противоречивыми, но в целом положительными: в условиях военного времени отношение американской прессы к союзникам и, соответственно, роману о сражающейся России было подчеркнуто доброжелательным. Так, в одном из журналов в ноябре 1942 г. появилась следующая рецензия: «[Книга “Всю ночь напролет”] взволновала меня больше, чем все, что когда-либо писал Эрскин Колдуэлл. Здесь, в краткой и пронзительной истории за кулисами русской партизанской войны, его дар смешивать реализм с напряженными эмоциональными моментами проявляется в лучшем виде. <...> Я никогда не слышал по радио репортажей о “мужчинах, женщинах и детях, сражающихся за Сталинград”, и не читал записки в ежедневной прессе, но книга открыла мне глаза на эти события» [Review of... 1942].

В газете *The New York Post* героев Колдуэлла сравнили с партизанами, изображенными в романе Хемингуэя «По ком звонит колокол», и высоко оценили повествовательную технику писателя: «Даже объектив миссис Колдуэлл [Маргарет Бурк-Уайт. — А.Ф.] не может сфокусироваться на предмете с большей пронизательностью, чем проза Эрскина Колдуэлла. <...> Действие очистило разум Колдуэлла от мрачных теней, которые украшали его рассказы о Юге. Книга “Всю ночь напролет”, безусловно, будет стоять в одном ряду с “Божьим маленьким акром” как главное творение Колдуэлла» [Caldwell 2014: 460].

Корреспондент журнала *The Saturday Review* отметил, что книгу «Всю ночь напролет» нельзя назвать романом в полном смысле этого слова. Главная претензия автора статьи заключалась в том, что персонажи «южных» романов душой принадлежали той земле, где они жили, в то время как партизаны в книге «Всю ночь напролет» духовно не были русскими: «Увезите Сергея подальше от покрытых “белым мхом” березовых рощ среднерусского плоскогорья. Поселите его в сербских горах, и он будет действовать как четник с мертвой хваткой. Высадите его возле китайского рисового поля, и Чан Кайши сможет использовать его в качестве ночного снайпера. Он — выдающийся воин, изображенный среди изысканных описаний русского пейзажа. Но его родина — пишущая машинка автора» [Wolfe 1942: 8].

В Советском Союзе книга «Всю ночь напролет», за исключением фрагментов начальных глав романа [Колдуэлл 1965], не переводилась, поэтому читатели могли ознакомиться с ней только в оригинале. Вниманием роман обошли и на страницах советской прессы: ни в одной из центральных газет не было упомянуто о выходе этой книги. Лишь спустя три года поэтесса и переводчица М.И. Алигер высказалась о нем в своем выступлении на X пленуме Правления Союза Советских писателей СССР: «Я недавно прочла на английском языке роман Колдуэлла о русских партизанах в начале нашей войны. Этот роман — жалкое зрелище. Это на уровне наших “эпизодов”, идущих от Информбюро, причем, что самое ужасное, — это попытки философии. Когда партизан убивает немца, идет несколько страниц рассуждений по поводу того, почему он его убил, и попытки объяснить это философски и идейно, и это так убого и жалко, что в лучшем случае вызывает улыбку, а чаще — еще больше гневные настроения» [Мы предчувствовали... 2015: 404].

Итак, Колдуэлл изобразил партизан в выгодном для военного времени свете. К тому моменту, когда книга оказалась в руках читателей, США находились в состоянии войны почти год, и в течение этого года Советскому Союзу уже удалось остановить и отразить

атаки стран «оси» на нескольких фронтах; при этом исход войны все еще был неясен. Роман, как и предыдущие травелоги и статьи Колдуэлла о России, нес в себе большое пропагандистское значение и следовал идеологическим установкам, которые диктовала жесткая реальность войны и которые в тот момент были нужнее, чем попытки запечатлеть действительность во всей ее полноте.

ИСТОЧНИКИ

1. «Мы предчувствовали польханье...». Союз советских писателей СССР в годы Великой Отечественной войны. Июнь 1941 — сентябрь 1945 гг. Т. 2. Кн. 2. 1944 — 2 сентября 1945 гг. М., 2015.
2. Колдуэлл Э. Русские ночи. Фрагмент начальных глав романа [All Night Long] / Пер. Л. Никольская // «Смена», 1965. 21.05–2.06.
3. Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 — март 1953: Документы высших органов партийной и государственной власти / Сост. Хаустов В.Н., Наумов В.П., Плотникова Н.С. М., 2007.
4. Caldwell E. All Night Long: A Novel of Guerilla Warfare in Russia. New York, 1942. P. 3–4.
5. Caldwell E. Call It Experience: The Years of Learning How to Write. New York, 1951.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колотушкин В.Г. Проблемы организации партизанского края на северо-западе РСФСР в 1941–1942 гг. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 3 (60). С. 26–32. (In Russ.)
2. Панова О.Ю., Фисенко А.С. Эрскин Колдуэлл в военной Москве (май — сентябрь 1941) // Литература двух Америк. 2023. № 14. С. 189–246.
3. Caldwell J. E. Erskine Caldwell, Margaret Bourke-White, and the Popular Front (Moscow 1941). Dissertation for the Degree of Doctor of Philosophy. The University of Arizona, 2014.
4. Review of All Night Long by Erskine Caldwell // “Kirkus Reviews”, 1942. 27.1. URL: <https://www.kirkusreviews.com/book-reviews/a/erskine-caldwell/all-night-long-2/#review> (дата обращения: 21.12.2023).
5. Wolfe A.F. Mr. Caldwell’s Russian Landscape. Rev. of *All Night Long*, by Erskine Caldwell // “The Saturday Review”. 1942. 19.12. P. 8.

SOURCES

1. «My predchuvstvovali polykhan'e...» Soyuz sovetskikh pisatelei SSSR v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. Iyun' 1941 — sentyabr' 1945 gg. [“We Had a Presentiment of a Blaze...” The Union of Soviet Writers of the USSR during the Great Patriotic War. June 1941 — September 1945]. Vol. 2. Book 2. Moscow: ROSSPEN Publ., 2015. (In Russ.)
2. Caldwell E. All Night Long: A Novel of Guerilla Warfare in Russia. New York: *The Book League of America*, 1942. P. 3–4.
3. Caldwell E. Call It Experience: The Years of Learning How to Write. New York: *Duell, Sloan and Pearce*, 1951.
4. Caldwell E. Russkie nochi. Fragment nachal'nykh glav romana [Russian Nights. A Fragment of the Opening Chapters of the Novel]. *Smena*, 1965. 21.05–2.06. (In Russ.)

5. Lubyanka. Stalin i MGB SSSR. Mart 1946 — mart 1953: Dokumenty vysshikh organov partiinoi i gosudarstvennoi vlasti [Lubyanka. Stalin and the MGB of the USSR. March 1946 — March 1953: Documents of the Highest Organs of Party and State Power]. Moscow: *Materik Publ.*, 2007. (In Russ.)

REFERENCES

1. Caldwell J.E. *Erskine Caldwell, Margaret Bourke-White, and the Popular Front (Moscow 1941)*. Dissertation for the Degree of Doctor of Philosophy. The University of Arizona, 2014.
2. Kolotushkin V.G. *Problemy organizatsii partizanskogo kraya na severo-zapade RSFSR v 1941-1942 gg.* [Problems of the Organization of the Partisan Region in the North-West of the RSFSR in 1941–1942]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura* [The Caspian Region: Politics, Economy, Culture], 2019, no. 3 (60), pp. 26–32. (In Russ.)
3. Panova O.Yu., Fisenko A.S. *Erskin Kolduell v voennoi Moskve (mai — sentbyar' 1941)* [Erskine Caldwell in Wartime Moscow, May — September 1941] *Literatura dvukh Amerik* [Literature of the Americas], 2023, no. 14, pp. 189–246 (In Russ.)
4. Review of All Night Long by Erskine Caldwell. *Kirkus Reviews*, 1942. 27.1. URL: <https://www.kirkusreviews.com/book-reviews/a/erskine-caldwell/all-night-long-2/#review> (accessed: 21.12.2023).
5. Wolfe A.F. Mr. Caldwell's Russian Landscape. Rev. of *All Night Long*, by Erskine Caldwell. *The Saturday Review*, 1942. 19.12. P. 8.

Поступила в редакцию 23.12.2023

Принята к публикации 11.06.2024

Отредактирована 05.07.2024

Received 23.12.2024

Accepted 11.06.2024

Revised 05.07.2024

ОБ АВТОРЕ

Фисенко Александра Сергеевна — аспирант кафедры истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; младший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН; alexa_fisenko@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexandra Fisenko — PhD Student, Department of History of Foreign Literatures, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Junior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; alexa_fisenko@mail.ru

ВЫЗРЕВАНИЕ ВЕРЛИБРА В «ПРОСОДИЧЕСКОМ ТИГЛЕ» ПЕРЕВОДА

Е.М. Белавина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; kat-belavina@yandex.ru*

Аннотация: Целью статьи является исследование предпосылок появления формы свободного стиха (верлибра) во французском литературном языке 1820-х гг. На примерах переводов и переложений европейской поэзии (английской, американской, немецкой, сербской) показаны просодические изменения, присутствующие в публикациях писательниц (М. Деборд-Вальмор, Э. Вояр), не достигших пика славы, но подготовивших поле для восприятия и осмысления новой поэтической формы, которое произошло в 1880-х гг. И лингвисты (Якобсон), и стиховеды (Гаспаров) обращали внимание, что в стихах, где значение слито с формой, перевод приводит к значительным трансформациям, свидетельствующим о поиске адекватных средств выражения (так, стихотворение По “Raven” было переведено Бодлером и Малларме поэтической прозой, Роллина и Губером — силлабическим стихом). Поэтическую адаптацию с полной заменой просодии оригинала на привычную для читателя форму можно считать проявлением доместикации, а перевод поэтической прозой, подчеркивающий иноязычное происхождение текста, — форенизацией. Между этих двух крайних решений располагается запись нерифмованного поэтического текста в столбик. Эта острающая форма оставалась маргинальной, считалась допустимой только в сфере перевода. Нерифмованные переводы (с разбивкой на стихи/строки) стали прототипом верлибра, теоретическое обоснование которому было дано в 80-е годы XIX в. Поэтический язык является высшей формой развития национального языка, вот почему преодоление границ, установленных традицией, имеет не только эстетическое значение, но несет подспудное философское содержание, связанное с культурными ценностями и основными принципами построения общества (национального или многонационального).

Ключевые слова: верлибр; французская литература; поэтический перевод

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-04-14

Для цитирования: Белавина Е.М. Вызревание верлибра в просодическом тигле перевода // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 4. С. 170–184.

THE MATURATION OF VERS LIBRE IN THE PROSODIC CRUCIBLE OF TRANSLATION

Ekaterina Belavina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; kat-belavina@yandex.ru

Abstract: The aim of the article is to investigate the preconditions for the emergence of the form of vers libre in the French literary language in the 1820s. The examples of translations and arrangements of European poetry (English, American, German, Serbian) show the prosodic changes present in the publications of female writers (M. Desbordes-Valmore, E. Voïart) who did not reach the peak of fame, but prepared the field for the perception and comprehension of the new poetic form, which took place in the 1880s. Both linguists (Jakobson) and literary historians (Gasparov) have pointed out that in poems where meaning is merged with form, translation leads to significant transformations, indicating a search for adequate means of expression (Poe's poem "The Raven", translated by Baudelaire and Mallarmé (poetic prose), Rollinat and Hubert (syllabic verse)). Poetic adaptation with a complete replacement of the original prosody by a form familiar to the reader can be considered a manifestation of domestication, and translation in poetic prose, emphasizing the foreign language origin of the text, — foreignization. Between these two extreme forms lies the recording of unrhymed poetic text in columnar form. This defamiliarizing form remained marginal, considered acceptable only in the sphere of translation.

Non-rhymed translations (presented into verses/lines) became the prototype of vers libre, the theoretical justification of which was given in the 1880s. Poetic language is the highest form of development of a national language, that is why overcoming the boundaries established by tradition has not only aesthetic value, but carries an underlying philosophical content associated with cultural values and the basic principles of building a society (national or multinational).

Keywords: vers libre; French literature; poetic translation language of French poetry; contemporary poetry

For citation: Belavina E. (2024) The Maturation of Vers Libre in the Prosodic Crucible of Translation. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 170–184.

Становление верлибра во Франции, как и его рецепция в России, сопровождалась очень бурными литературными дискуссиями¹, возможно, именно потому, что менялось невербальное, просодическое «невыразимое» поэзии, неподконтрольное, адресующееся к подсознательному.

Становление верлибра проходит через нарушение правил, связанных с просодическими модификаторами (цезура, рифма, метр). Происходит подтачивание силлабики изнутри за счет вольного об-

¹ См., напр., две обзорные статьи: [Белавина 2023; Егольникова 2020].

ращения с цезурой, внутренних рифм, асимметрии синтаксического и метрического членения фонетической цепи стиха.

Верлибр как нерифмованный стих без каких-либо внутренних соотношений с нормативной системой [Backès, p. 157] *avant la lettre*, до осмысления этой новой формы теоретиками, существовал в литературном языке уже с 1820-х годов, когда во Франции активно шли процессы культурного трансфера, связанные с иноязычной поэзией (переложения, переводы, псевдопереводы).

После ожесточенных споров во Франции сложилось мнение, что, раз невозможно передать звучание оригинала, предпочтительно переводить без метрики², правда, дихотомия «проза/поэзия» на тот момент четко предполагала взаимоисключение ее членов [Богинская 2016]³.

Во французской переводческой традиции XIX–XX вв. ярко выражены тенденции передавать стихотворные оригиналы прозой либо значительно менять поэтическую форму оригинала в переводе. Эти процессы находят теоретическое обоснование во многих работах французских исследователей и переводчиков, которые говорят о неизбежности смысловых и стилистических потерь в переводах, точно передающих поэтическую форму оригинального текста.

Как можно судить по результатам исследований ([Lombez 2005, 2008] с опорой на [Van Bragt 1995; Van Hoof 1991]), в эпоху романтизма активно развивается перевод стихов не только с английского, немецкого, испанского языков, но и с греческого, китайского, персидского, санскрита, арабского, обусловленный историческими процессами (торговые связи, наполеоновские военные кампании, война в Греции 1822–1828 гг., французское вторжение в Испанию 1823 г.). Культурный трансфер [Дмитриева 2024] является ответом на запрос читателя, интерес общества к чужому, к инаковости (*altérité*) по историческим причинам.

² «Хороший перевод (поэзии), что бы ни говорили и ни писали много раз, [...] более возможен в прозе, чем в стихах» [Cent ans de théorie française de la traduction, p. 205].

³ К вопросу истории спора обращается А.П. Богинская. Легко заметить, что переводчики не видят возможности избежать терминологического выбора между поэзией и прозой: «Поэтические тексты переводились в прозе в разных культурных традициях и в разные эпохи. Так, в начале XVIII века Анна Дасье в своем предисловии к переводу “Илиады” Гомера высказала мнение о невозможности точного стихотворного перевода [...]. Только проза, по ее мнению, способна достоверно отразить оригинал. Подобная точка зрения была не редкостью во Франции и позднее: “В XIX веке в отношении поэтического перевода встает один основной вопрос: следует ли переводить поэзию прозой или стихами? Если перевод в прозе точен, но невыразителен, то перевод в стихах, по определению, может лишь исказить оригинал» [12, с. 428].

Именно столкновение с иноязычной просодией, другими системами стихосложения позволяет как бы вынести поэтическую функцию за скобки, просодически маркировать иностранца как «своего» или как «чужого».

Характерным был комментарий переводчика Н. Лемерсье, признающего невозможность передать в переводе красоту оригинального текста⁴. В книге рифмованные переводы предваряются заметкой об образности оригинала.

Вероятно, значение мировых шедевров Шекспира, Гете, Шиллера, Пушкина, написанных ямбическим пентаметром без обязательной рифмы, тоже сыграло свою роль в формировании новой эстетики.

В оптике теории культурного трансфера [Лагутина 2008; Лобачева 2010; Дмитриева 2011, 2024], под которым понимается динамика семантических трансформаций, сопровождающих переход культурного объекта в другую культуру, особый интерес представляет именно эпоха романтизма. Становление перевода как профессиональной деятельности совершится позднее, во второй половине XIX в. В эпоху романтизма поле литературной деятельности между переводом, переложением и подражанием не было регламентировано.

В подражаниях мелодия стиха меняется. Так, например, Марселина Деборд-Вальмор (1786–1859) в серии стихотворений “*Imitation de Moog*” в подражании Т. Муру полностью преобразует просодию оригинала, строки из которого приведены как эпиграф:

I

Oh! Come to me when daylight sets;
Sweet! Then come to me
When smoothly go our gondolets
O'er the moonlight sea

Entends-tu les gondoles
S'égarder sur les flots;
Les tendres barcarolles
Des jeunes matelots?

[Desbordes-Valmore 2019: 203]

В эпиграфе видна гетерометрия (8/6/8/6) с ассонансами, свойственными англоязычной традиции (перекрестные созвучия a/b/a/b), а в стихотворении-подражании ритм ускоряется: 6-сложники с точными рифмами.

⁴ «Этот стих о храбрости Фотоса, одного из сыновей сулиота Дзавеласа, встречается в нескольких отрывках сборника: я сожалею, что наш язык не позволяет мне сохранить дословно эти откровенные и характерные обороты речи» [Lemerrier, I: 48].

В остальных частях стихотворения просодия переложения совершенно эмансипируется от оригинала. После строк Мура, связанных перекрестно (*Gayly sounds the castanet, // Beating time to bounding feet, // When, after daylight's golden set, // Maids and youths by moonlight meet*), Деборд-Вальмор пишет 10-сложником со смежной рифмовкой:

Quand le soleil couchant sur les flots se balance,
Quand la mandora au loin conduit gaiment la danse,
Et au pied bondissant mesure chaque pas,
Que la danse du soir a de grâce et d'appât!

[Desbordes-Valmore 2019: 206]

В части III эпиграф из Мура записан в две строки, хотя в оригинале разбивка на четыре строки происходит после *gondolier/hear*:

Row gently here, my gondolier. So softly wake the tide,
That not an ear on earth may hear, but hers to whom we glide.

Деборд-Вальмор опять прибегает к 6-сложникам и смежным рифмам:

Sur l'eau qui te balance
Reste seul en silence;
Garde mon gondolier,
Ton poste familier

[Desbordes-Valmore 2019: 208]

Стихотворение было напечатано впервые в 1826 г., пользовалось популярностью, несколько раз перепечатывалось в периодике⁵, прежде чем было включено в сборник «Плачи» (1833). В творчестве Мура Деборд-Вальмор привлекает песенное начало и открытость к мотивам многих культур. В каждом из ее переложений — оммаже, восторженном подношении ирландскому поэту — присутствует смена длины строк, подобная песенной структуре (соответствие куплетам и рефренам), сохранена общая тональность и образность, но именно просодия изменена полностью. Вряд ли это можно объяснить тем, что такой музыкальный автор, как Деборд-Вальмор, не посчитал фоннику, мелодику, звукопись Мура важными. Скорее, это подтверждение мнения, получившего позднее во Франции широкое распространение, о том, что музыку стиха сохранить априори невозможно, а значит, следует вообще отказаться от попытки ее передать.

Культурный трансфер в первой трети XIX в. не всегда уточняет, идет ли речь о переводе или переложении, поскольку понятие лите-

⁵ [Kaleidoscope 1826; Chansonier des dames 1827; Le Souvenir des ménestrels, La Guirlande des dames 1829]; цит. по [Desbordes-Valmore 2019: 203].

ратурного профессионального перевода находится на стадии становления.

Так, например, стихотворения североамериканской поэтессы Лукреции Дэвидсон (1808–1825) были переведены в прозе поэтессой Амеде Пишо внутри статьи Робера Саути для *Quarterly Review* 1829 года [Desbordes-Valmore 2019: 165].

Деборд-Вальмор, узнав о безвременной гибели юной поэтессы, посвятила ей оду⁶. В книге после стихотворного текста помещено пояснение, где упоминаются переводы, опубликованные Пишо. Далее приведен перевод стансов, написанных Дэвидсон в возрасте 15 лет:

“Etoile du soir! Astre étincelant;

Diamant de la couronne du ciel, ah! Si mon âme était libre, comme elle prendrait son essor vers toi!

Que tu es calme et belle ! Semblable à la clarté pure d’une lampe allumée sur l’autel de la vertu! [...]”

Перевод стихотворения “The Star” выполнен в прозе, разбивка на строфы передана пробелом между абзацами⁷.

Сама Деборд-Вальмор включила переложение первого стихотворения, написанного Дэвидсон в возрасте 9 лет, «Эпитафия малиновке», в рассказ «Колоколец, или Королевство Са-Са»:

Blessé par une flèche, le rouge-gorge est mort!

Il est devenu corps, le petit chanteur;

Il repose immobile et renversé.

Jamais plus il n’enflera son gosier sonore comme un chalumeau de la vallée.

Le rouge-gorge ne charmera plus notre oreille par ses notes plaintives;

Ses ailes, qui battaient contre la fenêtre,

N’y viendront plus chercher dans l’hiver une retraite atténuée

Il ne becquetera plus les miettes répandues au foyer par les enfants.

La rage d’une flèche a frappé le rouge-gorge.

Le charmant volatile rendu son souffle musical.

Et le voilà muet, serré dans les doigts de la mort

Ami de l’innocence, souris et pleure!⁸

⁶ Desbordes-Valmore. “Lucretia Davidson”. In “Le Mémorial de la Scarpe”, 1832 [Desbordes-Valmore 2019: 161–166].

⁷ В комментированном издании “Pleurs” (2019) перевод ошибочно приписан Деборд-Вальмор, но этот текст поэтесса переписывает из книги Пишо (Amédée Pichot, 1795–1877) [Amédée Pichot. Lucretia Davidson, Histoire d’une jeune Américaine morte à l’âge de 17 ans, la Revue de Paris, 1829, p. 14].

⁸ Desbordes-Valmore M. Contes. Présentés par Marc Bertrand. Lyon: Presses universitaires de Lyon, 1989, p. 147.

В тексте переложения допускаются ассонансы, которых мы не обнаружим в собственном творчестве Деборд-Вальмор [mort/chanteur]. Оригинальный текст Дэвидсон имеет рифменные окончания строк, причем его образный строй отличается жестоким натурализмом, опередившим свое время, далеким от возвышенной элегичности Деборд-Вальмор⁹.

Возможно, Деборд-Вальмор не была знакома с оригинальным текстом, а представила его по описанию Пишо. В данном случае интересна форма с разбивкой на строки без рифмы, к которой прибегает Деборд-Вальмор для попытки воссоздания «Эпитафии малиновке».

Поэтические переводы с полной заменой просодической структуры и эфонического оформления затрагивали как раз те произведения, где, казалось бы, форма неразрывно слита с содержанием, что не раз становилось предметом рассмотрения [Венедиктова 2017]. Так, например, знаковое стихотворение Эдгара По, о котором Р. Якобсон пишет: «Здесь [т. е. в «Вороне»] мы напрямую соприкасаемся с таинственностью идеи, воплощенной **в материи звука**, с тайной слова, лингвистического знака, Логоса — тайной, требующей прояснения» [Jacobson 1978: 2], переводилось без попытки сохранить просодию и функциональную фонику.

Невозможность воспроизвести все семиотические слои означивания, задействованные поэтом с помощью ресурсов английского языка и способствовавшие тому, что на французском языке появились знаменитые переложения поэтической прозой Бодлера (1871) и Малларме (1875) стихотворения Эдгара По (1845). Впрочем, существует и стихотворный перевод Эжена Губера (E. Goubert, 1869), в котором можно наблюдать опору на привычные для французского читателя просодические схемы:

XIV.

Then, methought, the air grew denser, perfumed from an unseen censer
Swung by Seraphim whose foot-falls tinkled on the tufted floor.
“Wretch,” I cried, “thy God hath lent thee—by these angels he hath sent thee
Respite—respite and nepenthe from thy memories of Lenore;
Quaff, oh quaff this kind nepenthe and forget this lost Lenore!”
Quoth the Raven “Nevermore.”¹⁰

⁹ Poems Lucretia Maria Davidson, Matthias Oliver Davidson, Catharine Maria Sedgwick, Felix Octavius Carr Darley. New York, Hurd and Houghton, 1871. (340 p.) P. 227.

¹⁰ Poe E.A. illustrated by Gustave Doré; with a comment upon the poem by Edmund Clarence Stedman. London, 1883 p. 22; *Poe E.A. Le Corbeau, The Raven* Traduction par Stéphane Mallarmé. P., 1875; *Poe E.A. Le Corbeau. Traduction par Maurice Rollinat. Choix de poésies*, P., 1926.

XIV.

Il me semblait que l'air /était beaucoup plus dense,	6+6 a	
Qu'il était parfumé /par l'encensoir voilé	6+6	B
Qu'invisible agitait /un séraphin ailé.	6+6	B
«Le ciel, dis-je, au corbeau, / le ciel par sa puissance	6+6 a	
«Te fait son messenger; mais, / — je le veux, — promets	6+6	C
«D'oublier ma Lénore! «Ah! dit l'oiseau, jamais!» ¹¹	6+6	C

Э. Губер предпочел привычный слуху и глазу французского читателя александрийский стих без внутренних рифм с регулярной цезурой в опоясывающих рифмах (1/4 стих) и смежную рифмовку (стих 2/3 и 5/6). Специалист в области исследований перевода поэзии, доктор сравнительного литературоведения Кристин Ломбе, профессор университета Нанта, характеризует этот перевод как «этноцентрический» (*éthnocentrique*): происходит просодическая доместикация, стирается инаковость, что наблюдается в любом случае, каков бы ни был язык оригинала [Lombes 2008].

Культовое стихотворение Эдгара По стало предметом множественных переводов (силлабика — Морис Роллина¹²; поэтическая проза — Бодлер¹³, Малларме¹⁴), что указывает на активный поиск новых форм выражения. Переводы поэтической прозой, выполненные Бодлером и Малларме, разрабатывают линию обновления средств выразительности французской поэзии. Традиционная рифменная структура ощущалась как сковывающая в стремлении произвести на читателя впечатление, сопоставимое с чтением англоязычного оригинала.

Поэтический перевод в большей степени, чем какой-либо другой, является результатом соглашения между автором, читателем, переводчиком и издателем о том, что следует считать **переводом** (автор в данной схеме, по многим причинам, — звено факультативное). Из установок участников этого условного соглашения складывается теория и история перевода.

Между двух крайностей рецепции — неэквиметрическим рифмованным переложением (просодическая доместикация) и пере-

¹¹ Цит. по: Variations sur une omelette irlandaise: extraits de traductions de l'anglais du premier chapitre de Bogmail de Patrick McGinley: précédées de Les belles infidèles mises à nu par leurs traducteurs, même: suivies de The Raven d'Edgar Allan Poe: strophes VI à X et leurs traductions par Charles Baudelaire, Stéphane Mallarmé, Bernard H. Gausseron, etc., Marval, 1996. P. 57.

¹² Edgar Allan Poe. Le Corbeau. Traduction par Maurice Rollinat. Choix de poésies, 1926. P. 264–270.

¹³ Poe E.A. Le Corbeau. Traduction par Charles Baudelaire. Histoires grotesques et sérieuses, Paris, 1871.

¹⁴ Poe E.A. Le Corbeau. The Raven Traduction par Stéphane Mallarmé. P., 1875.

водом поэтической прозой (просодическая форенизация) — развивается гибридная форма: перевод без метра и рифмы с записью в столбик.

Так, например, поэтесса Элиза Вояяр¹⁵ отказывается от рифмы, переводя Шиллера¹⁶:

C'était un pieux serviteur que Fridolin,
Élevé dans la crainte de Dieu
Par sa dame et sa maitresse,
La comtesse de Saverne.
Elle était si douce, elle était si bonne!
Mais eut-elle eu les caprices de l'orgueil,
Il se fut efforcé de les satisfaire
Avec joie et pour l'amour de Dieu.

[Schiller 1829]

Э. Вояяр переводит, стремясь сохранить образы, строчка за строчкой («стих за стихом», как указано на титульном листе), и сербскую поэзию по немецкому подстрочнику:

Lorsque la tête du noble Lazare fut abattue,
Sur la sanglante plaine d'Amsel
Aucun des Serviens ne put la trouver
La tête du tzar demeura longtemps dans la fontaine :
Bien longtemps! Elle y resta quarante étés

[Chants populaires des Serviens: 180]

Ломбе констатирует, что в основном переводчики, практиковавшие гибридную форму, напоминающую верлибр, были франкофонами-билингвами, например, из Эльзаса, Лотарингии, Швейцарии [Lombez 2008].

Показателен и более поздний пример, подтверждающий эту тенденцию: Эдуар Шюре (Edouard Schuré, 1841–1929), эльзасец, литературный критик, переводчик, знаток немецкой поэзии и, в частности, немецких *Lieder*, опубликовал историю этого жанра, в предисловии заявляя, что намеренно отказался от традиционной французской просодии: «Я не во всех своих переводах придерживался правил

¹⁵ Élise Voïart (1785–1866, Нанси), писательница, переводчица, выучила немецкий благодаря свекру М. Вутерсу. Во втором браке воспитывала падчерицу Амабль Тастю. Хозяйка либерально настроенного салона.

¹⁶ Der Gang nach dem Eisenhammer // Ein frommer Knecht war Fridolin, // Und in der Furcht des Herrn // Ergeben der Gebieterin, // Der Gräfin von Savern. // Sie war so sanft, sie war so gut; // Doch auch der Launen Übermuth // Hätt' er geeifert zu erfüllen // Mit Freudigkeit, um Gottes willen. В оригинале четырехстопный ямб, схема рифмовки абабввГГ. Автор статьи благодарит Д.В. Сичинаву за комментарий фрагмента на немецком языке.

французской просодии, некоторые из которых, кстати, весьма произвольны [...]. Иногда [...] я обходился простыми ассонансами или даже рифмовал только один раз в четырех строках. Короче говоря, я придаю большее значение ритму, чем рифме» [Schuré 1876].

Большая свобода по отношению к норме стандартизованного литературного французского языка сформировалась именно под влиянием региональной маркированности участников литературного трансфера. Для культурного трансфера характерна именно языковая интерференция — «взаимоналожение элементов одной языковой системы на элементы другой языковой системы под воздействием двуязычия» [Фещенко, Бочавер 2016: 16]. Перевод оказывается нишей языковой свободы, зоной, не регламентированной правилами, которая дала новое дыхание французской поэзии. К такому выводу приходит Кристин Ломбе: «Перевод, таким образом, представляется идеальной площадкой, где французский стих может соприкоснуться с до сих пор малоизвестными традициями» [Lombez 2008].

Если рассмотреть перевод не с точки зрения лексического анализа меры точности [Гаспаров 2001], а осознать как лабораторию языка, подготовившую эстетику мультинационального, транснационального поэтического кода, то динамика просодических трансгрессий выйдет на первый план. Оптика культурного трансфера позволяет увидеть континуальность перехода, трансформационные процессы, сопутствующие переносу знаний и информации из одной культуры в другую [Фещенко, Бочавер 2016].

Поэтический язык — высшая степень развития национального языка [Эткинд 1963], он предполагает свод правил, хранящихся в коллективной памяти, вырабатывается в соответствии с литературными и театральными практиками, с практиками восприятия поэзии — в чтении, публичном, актерском или авторском, или в чтении беззвучном при восприятии печатного носителя.

Под влиянием культурного трансфера [Эспань 2018] в XIX в. национализм начинает уступать место процессам, выходящим за рамки национальных государств. На примерах переводов Э. Войар и М. Деборд-Вальмор мы увидели, что такая нерифмованная неметрическая поэтическая речь бытовала в литературном поле (задолго до того, как Мария Крысинска стала оспаривать свое право первенства на изобретение новой формы [Wierzbowska 2016]), однако не считалась самостоятельной, играла лишь вспомогательную роль, воспринималась как бы более гибкой, чтобы передать инаковость (*altérité*), присутствие *другого*. Возможно, это один из импуль-

сов, который позволил развиваться новой форме — верлибру, сократившему время рецепции, явившемуся ответом на запрос общества на интернациональное стирание просодии.

Суждения французского теоретика и практика верлибра Э. Дюжардена (1861–1949) о связи между первыми переводами Лафорга из Уитмена и принятием французским обществом верлибра как новой поэтической формы вписываются в вектор культурного трансфера-переноса-перевода: «Я не проверял, соответствует ли форма [которую Лафорг придает своему переводу Уитмена] оригиналу, но это именно та форма, которую обретал свободный стих. Если бы они были опубликованы без имени автора, эти стихи были бы свободным стихом <...> и это кажется мне значительным. <...> В любом случае ясно <...> что они могли подсказать молодому поэту идею свободного стиха <...> [Dujardin 1922: 49–50].

Важно осознавать, что при всей «кастовости» литературного мира, непроницаемого для новичков, маргинальные жанры перевода и литературной критики, которые либо становятся начальным этапом развития литературной манеры, либо временным прибежищем автора, вытесненного с авансцены, все же являются значительной частью литературного языка.

Дюжарден употребляет метафору проницаемости границ (пористости, porosité) переводом и поэтическим письмом [Dujardin 1922: 50].

Позднее Борхес повторит и расширит это наблюдение, объявив любое поэтическое письмо переводом.

Генезис главного события в преобразовании французского стиха в XIX веке — кристаллизации верлибра — происходит задолго до символистов¹⁷. Этот процесс оказывается связан не только с общей тенденцией «освобождения» от французского стиха, но и с созданием переводов поэтических произведений на французский язык. Именно в них разрабатывается письмо, которое впоследствии будет называться верлибром.

Выбор верлибра в качестве основной поэтической формы связан с когнитивными процессами восприятия и порождения речи в ситуации многоязычия, стирания национальной метрической матрицы и отказа от просодического маркирования иностранца как «чужого».

¹⁷ Присутствие верлибра в XVIII веке в так называемых «псевдопереводах» подробно анализирует К. Ломбе [Lombes 2005].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белавина Е.М.* На обломках Бастилии рифм // Литература двух Америк. 2023. № 14. С. 30–50. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2023-14-30-50>.
2. *Богинская А.П.* Проблема передачи поэтической формы (на материале французских переводов «Евгения Онегина») // Вестник Брянского государственного университета. Исторические науки и археология / Литературоведение / Языкознание/ Педагогические науки, 2016. № 2 (28). С. 149–156.
3. *Венедиктова Т.Д.* По следу серафимов: между поэзией и аналитической прозой (Чтение «Ворона» Э.А. По). Литература двух Америк. 2017. № 2. С. 117–133.
4. *Гальцова Е.Д.* Творчество Андре Бретона как энциклопедия сюрреализма. М., 2019.
5. *Гаспаров М.Л.* Подстрочник и мера точности // Гаспаров М.Л. О русской поэзии. Анализ. Интерпретации. Характеристики. М., 2001. С. 361–372.
6. *Дмитриева Е.Е.* Теория культурного трансфера и компаративный метод в гуманитарных исследованиях: оппозиция или преемственность? // Вопросы литературы. 2011. Июль–Август (№ 4). С. 302–313.
7. *Дмитриева Е.Е.* Теория культурного трансфера как освоение чужого (на правах введения в тему) // Новое литературное обозрение. 2024. № 1. С. 127–138.
8. *Егольникова К.А.* «От чего не свободен свободный стих»: дискуссия о русском верлибре // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2020. № 9. С. 116–123. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-9-116-123
9. *Лагутина И.Н.* Россия и Германия на перекрестке культур: культурный трансфер в системе русско-немецких литературных взаимодействий конца XVIII — первой трети XX века. М., 2008.
10. *Лобачева Д.В.* Культурный трансфер: определение, структура, роль в системе литературных взаимодействий // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 8. С. 23–27.
11. *Мешонник А.* Ритм до смысла // In Мемогіам Георгій Константинович Косиков: Матеріали к творчещій біографії. Воспоминания / Сост. В.М. Толмачев. М., 2011. С. 93–106.
12. *Фещенко В.В., Бочавер С.Ю.* Теория культурных трансферов: от переводоведения — через cultural studies — к теоретической лингвистике // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии. Коллективная монография / Отв. ред. В.В. Фещенко. М., 2016.
13. *Эткинд Е.* Поэзия и перевод. М., 1963.
14. *Backès J.-L.* Le vers et les formes poétiques dans la poésie française, P., 1997.
15. Chants populaires des Serviens, recueillis par Vuk Stefanović Karadžić et traduits d'après Talvy, par Mme Élise Voïart, (2 vol.). P., T. 2 1834.
16. *Dujardin É.* Les premiers poètes du vers libre, P., 1922.
17. Index biographique français, Munich, 2004.
18. *Jakobson R.* Six Lectures on Sound and Meaning. Cambridge, Mass. & L., 1978.
19. *Lombez C.* La traduction supposée ou de la place des pseudotraductions poétiques en France // Linguistica Antverpiensia, Anvers, 4/2005.
20. *Lombez C.* La traduction poétique et le vers français au XIXe siècle // Romantisme, 2008/2 (n°140). DOI: 10.3917/rom.140.0099. URL: <https://www.cairn.info/revue-romantisme-2008-2-page-99.htm> (дата обращения: 01.09.2023).
21. *Van Bragt K.* Bibliographie des traductions françaises (1810-1840) — Répertoire par disciplines, avec la collaboration de L. D'hulst et de J. Lambert. Louvain, Presses universitaires de Louvain, 1995.

22. Van Hoof H. Histoire de la traduction en Occident. P. Louvain Laneuve, 1991.
23. Variations sur une omelette irlandaise: extraits de traductions de l'anglais du premier chapitre de Bogmail de Patrick McGinley: précédées de Les belles infidèles mises à nu par leurs traducteurs, même: suivies de The Raven d'Edgar Allan Poe: strophes VI à X et leurs traductions par Charles Baudelaire, Stéphane Mallarmé, Bernard H. Gausseron, etc., Marval, 1996.
24. Wierzbowska E.M. Autour du vers libre. Le cas de Marie Kryszewska (Ire partie. 1885–1900). Cahiers ERTA. 2016. № 18, p. 187–216. URL: https://www.researchgate.net/publication/318287670_Autour_du_verse_libre_Le_cas_de_Marie_Kryszewska_Ire_partie_1885-1900 (дата обращения: 17.08.2022).

REFERENCES

1. Belavina E.M. Na oblomkah Bastilii rifm [On the Wreckage of the Bastille of Rhymes]. *Literatura dvuh Amerik* [Literature of the Two Americas]. 2023, no. 14, pp. 30–50. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2023-14-30-50>. (In Russ.)
2. Boginskaja A.P. Problema peredachi poeticheskoy formy (na materiale francuzskih perevodov «Evgenija Onegina») [The Problem of the Transmission of Poetic Form (on the Material of French Translations of 'Eugene Onegin')]. *Vestnik Brjanskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoricheskie nauki i arheologija /Literaturovedenie/ Jazykoznanie/ Pedagogicheskie Nauki* [Bulletin of Bryansk State University. Historical Sciences and Archaeology / Literary Studies / Linguistics / Pedagogical Sciences], 2016, no. 2 (28), pp. 149–156. (In Russ.)
3. Venediktova T.D. Po sledu serafimov: mezhdru poeziej i analiticheskoj prozoy (Chtenie «Vorona» Je.A. Po) [On the Trail of Seraphim: Between Poetry and Analytical Prose (Reading 'The Raven' by E.A. Poe)]. *Literatura dvuh Amerik* [Literature of the Two Americas], 2017, no. 2, pp. 117–133. (In Russ.)
4. Gal'cova E.D. Tvorchestvo Andre Bretona kak jenciklopedija sjurrealizma [Creativity of André Breton as an Encyclopaedia of Surrealism]. M., IWL RAS Publ., 2019. 348 p. (In Russ.)
5. Gasparov M.L. Podstrochnik i mera tochnosti [Word-for-Word Translation and the Measure of Accuracy]. In Gasparov M.L. *O russkoj poezii. Analizy. Interpretacii. Harakteristiki*. [On Russian Poetry. Analyses. Interpretations. Characteristics]. Moscow, 2001. pp. 361–372. (In Russ.)
6. Dmitrieva E.E. Teorija kul'turnogo transfera i komparativnyj metod v gumanitarnyh issledovanijah: oppozicija ili preemstvennost'? [Theory of Cultural Transfer and Comparative Method in Humanitarian Research: Opposition or Continuity?]. *Voprosy literatury* [Questions of Literature]. 2011, no. 4, pp. 302–313. (In Russ.)
7. Dmitrieva E.E. Teorija kul'turnogo transfera kak osvoenie chuzhogo (na pravah vvedenija v temu) [Theory of Cultural Transfer as the Mastering of the Alien (As an Introduction to the Topic)] // *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2024, no. 1. pp. 127–138. (In Russ.)
8. Egoľnikova K.A. «Ot chego ne svobodn svobodnyj stih»: diskussija o russkom verlibre ['What Free Verse Is Not Free from': A Discussion on Russian Vers Libre] *Vestnik RGGU. Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul'turologija*. 2020, no. 9, pp. 116–123. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-9-116-123 (In Russ.)
9. Lagutina I. N. Rossija i Germanija na perekrestke kul'tur: kul'turnyj transfer v sisteme russko-nemeckih literaturnyh vzaimodejstvij konca XVIII — pervoj treti XX veka [Russia and Germany at the Crossroads of Cultures: Cultural Transfer in the System

- of Russian-German Literary Interactions of the End of the 18th — First Third of the 20th Century]. Moscow, Nauka, 2008. 342 p. (In Russ.)
10. Lobacheva D.V. Kul'turnyj transfer: opredelenie, struktura, rol' v sisteme literaturnyh vzaimodejstvij [Cultural Transfer: Definition, Structure, Role in the System of Literary Interactions]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University]. 2010, no. 8, pp. 23–27. (In Russ.)
 11. Meschonnic A. Ritm do smysla [Rhythm before Sense]. In *Memoriam Georgij Konstantinovich Kosikov: Materialy k tvorcheskoj biografii. Vospominanija* [In Memory of Georgiy Konstantinovich Kosikov: Materials for Creative Biography. Memories]. Moscow, Nauka, 2011, pp. 93–106. (In Russ.)
 12. Feshhenko V.V., Bochaver S.Ju. Teorija kul'turnyh transferov: ot perevodovedenija — cherez cultural studies — k teoreticheskoj lingvistike [Theory of Cultural Transfers: from Translation Studies — through Cultural Studies — to Theoretical Linguistics]. Ed. by V.V. Feshchenko. *Lingvistika i semiotika kul'turnyh transferov: metody, principy, tehnologii. Kollektivnaja monografija* [Linguistics and Semiotics of Cultural Transfers: Methods, Principles, Technologies. Collective Monography], Moscow, Kul'turnaja revoljucija, 2016. 500 p. (In Russ.)
 13. Etkind E. Pojezija i perevod [Poetry and Translation]. Moscow, Leningrad, Sovetskij pisatel', 1963. 430 p. (In Russ.)
 14. Backès J.-L. Le vers et les formes poétiques dans la poésie française, P: Hachette., 1997. 160 p.
 15. Chants populaires des Serviens, recueillis par Vuk Stefanović Karadžić et traduits d'après Talvy, par Mme Élise Voïart, (2 vol.). P., T. 2 1834.
 16. Dujardin É. Les premiers poètes du vers libre, P. Mercure de France, 1922. 72 p.
 17. Index biographique français, Munich, 2004.
 18. Jakobson R. Six Lectures on Sound and Meaning. Cambridge; Mass. & L., 1978.
 19. Lombez Ch. La traduction supposée ou de la place des pseudotraductions poétiques en France, *Linguistica Antverpiensia*, Anvers, 4/2005.
 20. Lombez C. La traduction poétique et le vers français au XIXe siècle », *Romantisme*, 2008/2 (n° 140). DOI: 10.3917/rom.140.0099. [URL: <https://www.cairn.info/revue-romantisme-2008-2-page-99.htm>] Assessment date: 01.09.2023
 21. Van Bragt K., Bibliographie des traductions françaises (1810-1840) — Répertoire par disciplines, avec la collaboration de L. D'hulst et de J. Lambert. Louvain, Presses universitaires de Louvain, 1995.
 22. Van Hoof H. Histoire de la traduction en Occident, P. Louvain Laneuve, 1991.
 23. Variations sur une omelette irlandaise: extraits de traductions de l'anglais du premier chapitre de Bogmail de Patrick McGinley: précédées de Les belles infidèles mises à nu par leurs traducteurs, même : suivies de The Raven d'Edgar Allan Poe : strophes VI à X et leurs traductions par Charles Baudelaire, Stéphane Mallarmé, Bernard H. Gausseron, etc., Marval, 1996.
 24. Wierzbowska E.M. Autour du vers libre. Le cas de Marie Kryszyska (Ire partie. 1885–1900). 2016 URL:https://www.researchgate.net/publication/318287670_Autour_du_vers_libre_Le_cas_de_Marie_Kryszyska_Ire_partie_1885-1900 (Assessment date: 17.08.2022).

Поступила в редакцию 10.01.2024

Принята к публикации 11.06.2024

Отредактирована 05.07.2024

Received 10.01.2024

Accepted 11.06.2024

Revised 05.07.2024

ОБ АВТОРЕ

Белавина Екатерина Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языкознания; kat-belavina@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina Belavina — PhD in Philology, Associate Professor, Department of French Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; kat-belavina@yandex.ru

НЕИЗДАННЫЙ «ТРАНСПОРТНЫЙ СБОРНИК» МОСКОВСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПРОЛЕТАРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ КАК ФАКТ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПО АРХИВНЫМ МАТЕРИАЛАМ ОР ИМЛИ РАН)

Д.С. Московская, Н.Ю. Бакшаева

Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия; nbobresova@gmail.com

Аннотация: В 1930 г. в рамках кампании по призыву ударников в литературу Московская ассоциация пролетарских писателей (МАПП) организовала литературные бригады на транспорте. На страницах журнала «На литературном посту» (журнал марксистской критики) регулярно помещалась информация о деятельности транспортных бригад. Одним из плодов творчества низовых писателей должен был стать так называемый «Транспортный сборник», в котором приняли участие рабочие-строители железной дороги и члены МАПП. Сборник так и не был опубликован, хотя его набор был осуществлен для издательства ГИХЛ. Выявленный в составе фонда МАПП Отдела рукописей ИМЛИ РАН, он интересен сегодня как характерный образец творчества низовых писателей, проходивших обучение в литературных кружках под руководством членов МАППа, принадлежащий литературной эпохе, получившей название «пролетарский эпизод» советской литературы. В статье рассмотрены сформированные обучением в мапповских литературных кружках авторы идеологические интерпретации понятий «масса», «герой», «машина» и др.; предпринята попытка установить причины неудачи публикации сборника в преддверии ликвидации литературных организаций и масштабных перемен в железнодорожном транспорте, проведенных Народным комиссариатом путей сообщения СССР в годы второй пятилетки.

Ключевые слова: пролетарские писательские ассоциации; низовое литературное движение; массовый писатель; призыв ударников в литературу; писательская бригада, транспорт

Финансирование: Исследование выполнено в рамках проекта РФФ, проект № 20-18-00394 «Стенограмма»: Политика и литература. Цифровой архив литературных организаций 1920–1930-х гг.: <https://rscf.ru/project/23-18-45005/>

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-04-15

Для цитирования: *Московская Д.С., Бакшаева Н.Ю.* «Транспортный сборник»: из истории массовой пролетарской литературы (по материалам ОР ИМЛИ) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 4. С. 185–200.

**THE UNPUBLISHED “TRANSPORT COLLECTION”
OF THE MOSCOW ASSOCIATION OF PROLETARIAN
WRITERS AS A FACT OF SOVIET LITERATURE
(BASED ON ARCHIVAL MATERIALS
OF THE DEPARTMENT OF MANUSCRIPTS
OF A.M. GORKY INSTITUTE OF WORLD LITERATURE)**

D.S. Moskovskaya, N.Ju. Bakshaeva

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; nbobrova@gmail.com*

Abstract: In 1930, as part of a campaign to recruit *udarniks* to literature, the Moscow Association of Proletarian Writers (MAPW) organized literary brigades on transport. On the pages of the literary magazine *On the Literary Post* (*Na literaturnom postu* — the magazine of Marxist criticism), information about the activities of transport brigades was regularly posted. The fruits of the work of grassroots writers was to be the so-called “Transport Collection”, which was compiled by railway construction workers and MAPW members. The collection was never published, although it was typed in the publishing house Federation (Federaciya). A version of the set with editorial corrections is stored in the MAPW fund of the Department of Manuscripts at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. The book is interesting today as a characteristic example of the grassroots writers’ work. The mass writers studied in the literary groups under the guidance of MAPW members, belonging to the literary era called the “proletarian episode” of Soviet literature. The article analyzes the author’s interpretations of the concepts of “mass”, “individuality”, “hero” and “antagonist” formed by studying in the MAPW literary groups. An attempt has been made to establish the reasons for the failure of the publication on the eve of the literary organizations’ dissolution and large-scale changes in railway transport carried out by the People’s Commissariat of Communication Routes of the Soviet Union during the second five-year plan.

Keywords: associations of proletarian writers; mass writer; the grassroots literary movement; *udarniks* in literature; writers’ brigade; transport

Funding: This research is supported by the Russian Science Foundation, Project No 20-18-00394 (head of the research project: Prof. ScD Daria Moscovskaya): <https://rscf.ru/project/23-18-45005/>

For citation: Moskovskaya D.S., Bakshaeva N.Ju. (2024) The Unpublished “Transport Collection” of the Moscow Association of Proletarian Writers as a Fact of Soviet Literature (Based on Archival Materials of the Department of Manuscripts of A.M. Gorky Institute of World Literature). *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 185–200.

Вопрос о месте в истории литературы писателей «второго ряда» и значении несовершенных в художественном отношении произведений ставился русскими формалистами в связи с проблематизацией движущих сил литературной эволюции. «Для анализа литературной эволюции <...> мы вовсе не обязаны отбирать исключительно “хорошее”», — писал Ю. Тынянов [Тынянов 1977: 95] и в комментарии к неизданной трагедии В. Кюхельбекера «Аргивяне» убедительно продемонстрировал, как литературно неудачное творение способно дезавуировать формально-содержательные изменения в обновляемых внеположными литературе соседними «социальными рядами» художественных формах. Следуя этой научной логике, в морфологию пореволюционного литературного процесса должны быть включены масштабные социальные изменения, приведшие к появлению на рынке литературного производства массового писателя и читателя — создателей и потребителей «массовой литературы».

В первое пореволюционное десятилетие плотина между культурным и субкультурным литературными потоками была разрушена. Стихийный рост литературных кружков на предприятиях Москвы, Ленинграда, провинциальных центров свидетельствовал, что обучение, образование и культура после революции приобрели особую социальную ценность [Московская, Романова 2021: 190]. Одновременно с ростом вовлеченных в художественное творчество масс изменился рецептивный порог тех, кому это творчество адресовалось. Созданный этими переменами пролетарский поэт Демьян Бедный в своем выступлении 6 января 1925 г. на Всероссийском совещании пролетарских писателей напомнил, что новый советский писатель должен знать не только, что он пишет, но главное — для кого пишет. «И когда вы будете твердо помнить это, тогда вы будете думать, как вы это напишете», т. е. ориентироваться на *своего* читателя — того, кто бок о бок с тобой работает в цеху или в избе-читальне далекой деревни, для которого революция — это кардинальное изменение в социальном статусе, в образе жизни и смысле существования. Напомнил Демьян Бедный в этой связи и о социальной ответственности пролетписателя, об агитационном эффекте его творчества, призванного «окормить» и вдохновить многомиллионного читателя, убедить его в том, что перед ним родной ему автор, живущий заботами и интересами рабочего или крестьянского трудового коллектива. Обратился Демьян Бедный и к опыту В.И. Ленина в общении с народом, к доступности и демократизму языка вождя революции и, подводя итог, призвал «прислушиваться

к своему читателю с уважением к массе, к рабочему и крестьянину, слушать его с любовью и возвращаться к нему с благодарностью»¹.

Создание не узко элитарной, доступной пониманию лишь немногих читателей из образованных классовых прослоек, а подлинно массовой литературы, обучение новых кадров, вовлечение широких масс рабочих и крестьян в культурное строительство стало тем делом, за которое с энтузиазмом взялись пролетарские литературные писательские ассоциации — Всероссийская ассоциация (ВАПП) и Московская ассоциация (МАПП).

Московская ассоциация пролетарских писателей была создана в 1923 г. на Первой конференции пролетарских писателей по инициативе групп «Октябрь», «Молодая гвардия» и «Рабочая весна». Печатным органом ассоциации был журнал «На посту». Актив МАППа составили рабочие кружки. В апреле 1924 г. МАПП стал секцией ВАППа и получил доступ к формированию его литературной политики [Московская, Бакшаева, Романова 2022: 17]. В руководство ВАППа вошли А. Безыменский, С. Родов, И. Вардин, Л. Авербах, стремившиеся «выпрямить линию партии в области литературы, побудить ее к осознанию роли литературы и необходимости использовать ее в классовой борьбе»². В дальнейшем история МАППа как региональной секции связана с деятельностью ВАППа и созданного позже РАППа. В феврале 1930 г. состоялась первая областная конференция МАППа, была принята резолюция о призыве ударников в литературу: около 2000 молодых низовых писателей присоединилось к организации, что составило около 85 % от общего числа членов.

Простой рабочий с фабрики чувствовал себя в МАППе на равных с профессиональным писателем, потому что для МАППа и тот и другой были прежде всего учениками, обучавшимися под руководством идеологически подкованного и специально делегированного для этой цели члена ассоциации (руководы) не столько художественности, сколько умению «правильно по-марксистски мыслить», что одинаково «необходимо как для рабкора, так и для пролетарского писателя для того, чтобы действительно овладеть материалом, чтобы <...> идеологически оформить в классовом смысле»³.

Неслучайным итогом литературной эволюции 1920-х гг. стал так называемый «очерковый бум» — расцвет жанра документального очерка, в котором могли найти себя как профессиональные литераторы, призванные пролетарскими ассоциациями на производство

¹ ОР ИМЛИ Ф. 155 (ВАПП). Оп. 1. Д. 39. Л. 14.

² *Либединский Ю.* Классовое и групповое // На посту. 1923. № 4. С. 58.

³ ОР ИМЛИ РАН. Ф. 155 (ВАПП). Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 4.

и мало что в рабочем процессе понимающие, так и рабочие писатели [Московская 2012]. Его фактографическая основа освобождала их от заботы о высоте художественной формы, на этом этапе литературного ученичества недостижимой.

То, что сегодня, с дистанции времени, воспринимается как своеобразное «короткое замыкание» в историко-культурной цепи», как нарушение «процесса художественно-эстетических трансформаций», как «творчество без творцов» [Добренко 1999: 20, 22], в свое время выглядело и переживалось совсем иначе. Литературно-художественная практика 1920-х гг., в ходе которой осуществлялось идеологическое воспитание и эстетическое образование профанного массового писателя, придавала молодой советской литературе неповторимый облик «литературы народа», а не «партии и власти» [Бем 2001: 379], литературы «огромного морального потенциала» [Бем 2001: 389], под чары которой подпадал даже иностранный читатель [Бем 2001: 389]. Советская литература с ее злободневностью и публицистической заостренностью, боевой реальностью трудовых будней по-своему и по-новому в глазах зарубежного читателя продолжала традиции большой русской литературы, ибо никогда «русский писатель не боялся с головой окунуться в современность» [Бем 2001: 391].

Когда в 1930 г. остро встал вопрос о месте правопреемницы ВАППа — Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП) — в помощи успешному завершению первой пятилетки, РАПП выбросил лозунг «ударники производства — в литературу». Во исполнение требования руководящего органа МАПП взялся за организацию литературных объединений нового типа — «писательских бригад», отвечающих производственному духу времени и агитирующих работников фабрик и заводов за перевыполнение промфинплана. Такого рода небольшие литературные объединения представляли собой группу партийных и беспартийных ударников производства и уже функционирующего на этом объекте литературного кружка, который возглавлял и которым руководил «литературный бригадир» — представитель МАППа.

В соответствии с курсом на «решительное подтягивание транспорта к уровню тех требований, которые ставит перед ним бурный рост основных отраслей народного хозяйства»⁴, МАПП выбросил лозунг: «Проверяем выполнение обращения правительства и ЦК

⁴ Обращение Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б), 15 января 1931 г. О железнодорожном транспорте. Ко всем партийным, советско-хозяйственным, железнодорожным, профсоюзным и комсомольским организациям // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т.: Сб. док. за 50 лет. Т. 2. 1929–1940 гг. М: Политиздат. 1967.

партии на транспорте»⁵ — и заключил договор с Московским областным отделом союза железнодорожников на организацию девяти специальных литературных «транспортных бригад» (по количеству железных дорог) с тем, чтобы взять «культурные участки на транспорте на буксир»⁶. В штаб входили представители литературных кружков железнодорожников и литературных бригад. В фонде МАППа сохранились стенограммы совещаний штаба по транспорту⁷, которые позволяют реконструировать деятельность Московской ассоциации, литературных кружков железнодорожников и бригад на транспорте с мая по август 1931 г.

Писательские «транспортные бригады» создавались даже тогда, когда на той или иной железной дороге не было собственного литературного рабочего кружка. В таком случае назначенные МАППом бригадиры сами связывались с партийно-комсомольским активом железной дороги и устанавливали порядок работы среди транспортников. Задачей «литературного бригадира» было договориться о том, как и когда будут появляться писатели на производстве, кто и каким образом будет инструктировать рабочих при встрече с писателями, поэтому помимо бригадиров-писателей к каждому участку прикреплялся один освобожденный работник железной дороги, ответственный за литературную деятельность. В отличие от кружков, деятельность которых была направлена на литературную учебу [Московская, Бакшаева, Романова 2022: 12], деятельность писательских транспортных бригад была сугубо практической: нужно было осветить работу железной дороги, напечатать заказные публикации, регулярно печатать тематические очерки в местных газетах и осуществлять свои литературные проекты в клубах при каждом участке. Работа шла весь 1930 год, а первые отчеты о работе писательских бригад на транспорте стали появляться в журнале «На литературном посту» к середине ударного для первой пятилетки 1931 г. и в первых номерах 1932 г.⁸ К этому моменту в журнале «На литературном посту» уже публиковались статьи транспортных бригадиров⁹ — функционеров пролетарской ассоциации, отзывы и рецензии на рассказы писателей-ударников и о героях-ударниках на транспорте¹⁰, и был представлен план по изданию отчетного «Транспортного сборника»¹¹. Вопросы, связанные с публикацией, обсуждались на совещании

⁵ ОР ИМЛИ. Ф. 158 (МАПП). Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 4.

⁶ ОР ИМЛИ. Ф. 158 (МАПП). Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 5.

⁷ ОР ИМЛИ. Ф. 158 (МАПП). Оп. 1. Ед. хр. 20; ОР ИМЛИ. Ф. 158 (МАПП). Оп. 1. Ед. хр. 21; ОР ИМЛИ. Ф. 158 (МАПП). Оп. 1. Ед. хр. 115.

⁸ На литературном посту. 1931. № 17; № 31–32; 1932. № 8.

⁹ На литературном посту. 1931. № 1.

¹⁰ На литературном посту. 1931. № 12; № 19.

¹¹ На литературном посту. 1932. № 2.

писательских бригад МАПП 19 августа 1931 г.: «Постановлением Секретариата МАПП решено издать сборник о героях пятилетки на транспорте в размере 5–8 листов. Срок для этого дан 4 мес. <...> Необходимо собрать весь уже напечатанный материал о героях транспорта, а также надо создать новые произведения. <...> Реализоваться продукция будет в ГИХЛе»¹². В 1931 г. произведения десяти авторов — заводчан, кружковцев, ударников и бригадиров железных дорог (все члены МАППа) — были отобраны для печати. Формировался прозаический и поэтический контент «Транспортного сборника», дошедшего до набора, но так и не увидевшего свет: ему суждено было остаться забытым в архиве литературным памятником профанной массовой пролетарской литературы эпохи первой пятилетки.

Кто же были те люди, которых новая социально-политическая реальность призвала в литературу? Один из них, Ерман Минеевич Цигальницкий¹³, — поэт, ударник Казанской железной дороги, автор стихотворения «Слово о 57-ми», представленного в «Транспортном сборнике». Известно, что Цигальницкий участвовал в заседаниях штаба МАПП по транспорту, принимал решение по вопросу организации литературных бригад¹⁴. Галина Томашевская — бригадир на Савеловской железной дороге, член районного комитета МАПП — в «Транспортном сборнике» выступила как автор стихотворения «Паровоз» и рассказа «Машинист Тихонов». Из протокола совещания 11 мая 1931 г.¹⁵ представителей литературных кружков железнодорожников и бригад, выделенных для работ на транспорте, узнаем, что Томашевская, Григорьев (авторы сборника) и А.А. Сурков (редактор сборника) были назначены бригадирами на Савеловскую, Виндаскую, Октябрьскую и Северную железные дороги. Еще один автор сборника, некто Сахаров, — ударник на Северной железной дороге, к 1931 г. заведующий вспомогательным поездом, автор рассказа «Товарищ Постников». Из его анкеты кружковца-члена МАПП¹⁶ узнаем, что в тот момент он был еще комсомольцем, учился в агротехникуме, руководил литкружком при вузе, выступал как поэт-очеркист, имел опыт сотрудничества с редакцией газеты «Северянка», печатался в рабочих многотиражках и журнале «На литературном посту», состоял в кружке «Паровоз» и продолжил работу в литкружках после роспуска литературных объединений в 1932 г., после образования Оргкомитета ССП. В до-

¹² ОР ИМЛИ. Ф. 158 (МАПП). Оп. 1. Ед. хр. 115. Л. 2.

¹³ Варианты имени: Цыгальницкий Ермак.

¹⁴ ОР ИМЛИ. Ф. 158 (МАПП). Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 6.

¹⁵ ОР ИМЛИ. Ф. 158 (МАПП). Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 20.

¹⁶ ОР ИМЛИ. Ф. 158 (МАПП). Оп. 1. Ед. хр. 174. Л. 23.

кладе о «Творческой работе ударников» член РАПП и критик М.И. Серебрянский положительно отозвался о стихах Сахарова. Высокую оценку творчеству Сахарова дал также секретарь РАПП, поэт и драматург В.М. Киришон, на втором занятии актива МАПП 29 августа 1931 г.¹⁷, а в ноябре 1931 г. на открытом собрании актива МАПП¹⁸ было вынесено решение о премировании поэта. Аркадий Ильич Ситковский, член МАПП и РАПП, бригадир «транспортной бригады», выступил автором стихотворения «Поезд прибывает без опоздания»¹⁹ для «Транспортного сборника»; Н. Астахов (имя и отчество не установлены), представивший в «Транспортном сборнике» рассказ «Ошибка», ударник Северной железной дороги, слесарь²⁰, прошел литературный путь, схожий с творческой биографией Сахарова²¹. Григорий Наумович Грин — ударник Электромашиностроительного московского завода памяти Революции 1905 г., автор рассказа о молодом рабочем «Кадры» для «Транспортного сборника», дослужился до члена редколлегии «Молодая Гвардия» и секретаря МАППа²²; Сергей Васильев — бригадир, автор стихотворения про ударника «Старший бригадир Мартьянов»; Яков Александрович Хелемский — ударник Киевской железной дороги, автор стихотворения «Рождение паровоза». В. Касимов (имя и отчество не установлены) — автор повести «Поворотный круг»²³; Л. Новский (имя и отчество не установлены) — бригадир «Транспортной бригады», представил в «Сборник» рассказ «На посту» о старшем стрелочнике и председателе месткома.

Редактором транспортного сборника был назначен Сурков. Весной 1931 г. в качестве члена МАПП он уже трудился бригадиром на железной дороге и литконсультантом в рабочих кружках²⁴. Как оказалось, работал он не слишком эффективно: на заседаниях транспортных бригад представители кружков требовали разобраться с «неразберихой», вызванной назначением Суркова бригадиром.

¹⁷ ОР ИМЛИ. Ф. 158 (МАПП). Оп. 1. Ед. хр. 39. Л. 2.

¹⁸ ОР ИМЛИ. Ф. 158 (МАПП). Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 93.

¹⁹ В ОР ИМЛИ хранятся рукописи А.И. Ситковского. Стихотворения: «Чугун республике» (1932), «Манджурская экзотика» (1934), «Свежий огурец» (1934), «Путь ударника» (б.д.), «Стихи о рабочем классе» (б.д.), «Шустрый дождь, сырое небо...» (б.д.). Автобиография (б.д.).

²⁰ ОР ИМЛИ. Ф. 158 (МАПП). Оп. 1. Ед. хр. 174. Л. 28.

²¹ Астахов Н. — член актива и руковод кружка «Паровоз», комсомолец, образование — среднее, прозаик, тема творчества — транспорт, печатался в рабочих многотиражных газетах, продолжал работу в кружках после 1932 г.

²² Известно, что на Грина возложили ответственность за создание сборника о героях пятилетки (ОР ИМЛИ. Ф. 158 (МАПП). Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 51.).

²³ В сборнике представлена глава из повести.

²⁴ ОР ИМЛИ. Ф. 158 (МАПП). Оп. 1. Ед. хр. 20. Л. 69.

Судя по датам, оставленным на рукописи, Сурков получил на редактирование сборник в августе 1931 г.

Сборник открывали пять стихотворений, затем следовал раздел прозы с шестью рассказами. Сквозной образ книги — «рабочая трудовая масса», в которой выделяются две группы героев — главные и второстепенные. Главные персонажи индивидуализированы нюансами подлинных анкетных данных, а не художественной проработкой характеров и судеб. Так, в стихотворении Ситковского «Поезд прибывает без опоздания...»²⁵ упоминается реальный ударник — машинист Конько, о его награждении орденом Ленина Ситковский докладывал на заседании штаба МАПП по транспорту 22 мая 1931 г.: «Мы считаем, что это такая фигура, которая может сделаться знаменем для борьбы с ликвидацией прорывов на транспорте. <...> Предполагается, что мы напишем стихотворение, посвященное Конько»²⁶.

С главными героями связана цепь событий, составляющих нехитрый производственный сюжет и вовлекающих в действие группу второстепенных персонажей. Так, в рассказе «На посту» Новского главному герою, старшему стрелочнику, потребовалась помощь бригады, чтобы разгрузить вагоны. Откликнувшиеся на его призыв представлены недифференцированной рабочей массой — это «полтораста ударников завода “Борец”» и «300 человек», отправленных заводом «Свобода»²⁷. В повести «Поворотный круг» Касимова кульминацией сюжета стал общественный суд над «летунами и прогульщиками»²⁸. Суд проходит без официального обвинителя, без директора — полноправного представителя Советской власти на заводе. Судит прогульщиков коллектив завода, действующий как единый производственный организм. Из рассказа в рассказ образ трудовой человеческой массы оказывается все теснее связан и переплетен с производственным объектом — заводом как сверхличным социальным организмом. У него есть свой голос — песня, звучащая в рассказе «Кадры» Грина: «Мы — дети заводов, шуршащих приводов, / Блестящих станков и машин! / Нас выслали села, гурьбою веселой / Мы в ногу идем как один»²⁹. Это голос завода, а в перспективе марксистской философии — голос производственных сил как совокупности средств производства и рабочей силы, которые оказываются фактически подлинными героями книги. Сборник, представляющий собой своеобразный «производственный свертхтекст»,

²⁵ ОР ИМЛИ. Ф. 158 (МАПП). Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 12.

²⁶ ОР ИМЛИ. Ф. 158 (МАПП). Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 41.

²⁷ ОР ИМЛИ. Ф. 158 (МАПП). Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 18.

²⁸ ОР ИМЛИ. Ф. 158 (МАПП). Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 18.

²⁹ ОР ИМЛИ. Ф. 158 (МАПП). Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 101.

запечатлевает в отдельных новеллах и стихотворениях образные и сюжетные решения, дублирующие или дополняющие друг друга производственно-биографическими деталями, а их авторы-создатели уподобляются одному из персонажей рассказа «Машинист Тихонов» Томашевской, в бесчисленных стихах запечатлевающему «свою жизнь, похожую на тысячи других»³⁰.

Заводские «массы» в очерке Новского поют, и в их песне сливаются воедино машина и человек: «Рожок стрелочника, гудок маневрового паровоза, хриплое дыхание пара, всхлипы свистка — все вместе создает песню уверенную, бодрую, но беспокойную»³¹. В производственные песни вовлечены на равных рабочий и машина — как составляющие части индустриальной мощи социализма. Их действия согласованы, их чувства и переживания мотивированы производством — они единый рабочий гигантский механизм: «Молчит суровый машинист, / Шурует кочегар, / Помощник рельсы сторожит, / Мелькает гул платформ, / Зовет в лесные мятежи открытый семафор...»³². Трансформируется и образ главного действующего лица: человек уступает машине, и паровоз, оттесняя человека, претендует на роль идеального героя, вступающего в борьбу за социализм как подлинный ударник: «Был натиск напорист, / был натиск не сдержан, / был в пламя и в сажу одет кочегар. / Подпрыгнули поршни, / задергался стержень, / ворвался над шпалами пенистый пар. / И яркие искры, / по рельсам расплавив, / пошел наворачивать локомотив...»³³. Еще немного, и герой уже захочет позаимствовать целый ряд свойств и качеств у своей машины — паровоза или станка: «...бьющая песней сверла кровь комсомольца в жилах...»³⁴. Рабочий-ударник и машина слажены в труде настолько, что можно ожидать появления внешнего (портретного) сходства: «Здоровый мускулистый парень зорко смотрит на фрез. Режет сталь, брызжет стружка»³⁵, «Парень простого покроя / без всяких кудрей, без чугунного блеска кожи...»³⁶. Путь навстречу этому знаменательному и желаемому единству рабочей силы и средств производства проходит через акт инициации — первое появление в трудовом коллективе и первый опыт общественной активности, когда, подобно молодому ударнику Григорию из рассказа Грина, герой отвергает домашний уют ради производственного подвига: «Мама, я сегодня

³⁰ ОР ИМЛИ. Ф. 158 (МАПП). Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 107.

³¹ ОР ИМЛИ. Ф. 158 (МАПП). Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 50.

³² ОР ИМЛИ. Ф. 158 (МАПП). Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 10.

³³ ОР ИМЛИ. Ф. 158 (МАПП). Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 15.

³⁴ ОР ИМЛИ. Ф. 158 (МАПП). Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 50.

³⁵ ОР ИМЛИ. Ф. 158 (МАПП). Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 116.

³⁶ ОР ИМЛИ. Ф. 158 (МАПП). Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 34.

приду поздно: нонче опять субботник, прорыв у нас на заводе, понимаешь?»³⁷. Таков и идеальный предзавкома из повести Касимова — Лешка: «Лешка был нужен повсюду: или в завкоме хороводился, или носился по цехам»³⁸.

Прозрачная, строящаяся на примитивном социально-психологическом противопоставлении композиция системы персонажей сталкивает рабочих старой школы, некогда участвовавших в революционных событиях и включившихся в борьбу за восстановление завода, и заводчан нового поколения. Из старых — рабочий Андреич в «Поворотном круге» Касимова, который в 1917 г. смог организовать людей и сделать верный выбор: «Даешь Москву — кричат деповцы — Гони паровоз! Где дежурный? Прицепляй вагоны. Всяк кричит. Все хозяева. Потом уж меня комиссаром выбрали. Порядок навел»³⁹. Подобен ему и герой Ильичев в рассказе Новского «На посту» — председатель месткома станции Бутырская. В одиннадцать лет он пас с отцом скотину, в годы войны пошел на ситценабивную фабрику (бывш. Циндель), в 1916 г. стал машинистом — «взрослая тяжелая работа», на Даниловской заставе стоял с винтовкой, затем сменил шинель на высокие сапоги землекопа — укладчика узкоколейных путей Каширской электростанции, герой труда, дважды премирован, дорос до старшего стрелочника и председателя месткома, организовал ударные бригады. Все эти подвиги объясняются тем, что он «большевик с прошлого года»⁴⁰.

Рабочие старой школы вызывают пристальное внимание авторов сборника — их портреты индивидуализированы: «Постникову 47 лет. У него стаж 37 лет, сухощавая сутулая фигура. Суетливый блеск серых глаз. Приятная живость, энергия. Говорит всегда быстро. Дремать не любит. Изогнутая линия шрама на правой щеке»⁴¹; его путь в революцию и дальше — в социализм своеобразен и неповторим, отсюда его социально-психологические противоречия: Постников не соблюдал служебные предписания и действовал, руководствуясь смекалкой. Индивидуализированы и другие герои-рабочие с дореволюционным стажем: Андреич любит выпить; Ильичев не досмотрел за дочерью, отдавая все силы работе. И самый главный его жизненный выбор — вступить в партию. Но не каждый готов окончательно порвать с прежней жизнью, не исключение и машинист Тихонов: «Потом Кровавое воскресенье. Потом революция.

³⁷ ОР ИМЛИ. Ф. 158 (МАПП). Оп. 1. Ед. хр. 343. Л. 103.

³⁸ ОР ИМЛИ. Ф. 158 (МАПП). Оп. 1. Ед. хр. 343. Л. 40.

³⁹ ОР ИМЛИ. Ф. 158 (МАПП). Оп. 1. Ед. хр. 343. Л. 31.

⁴⁰ ОР ИМЛИ. Ф. 158 (МАПП). Оп. 1. Ед. хр. 343. Л. 62.

⁴¹ ОР ИМЛИ. Ф. 158 (МАПП). Оп. 1. Ед. хр. 343. Л. 74.

Потом работал на железной дороге. Но не партийный. Тянет к церквушке»⁴².

Если путь молодого рабочего-героя прост и понятен, его образ клиширован, а биография стандартна, то со старым героем все сложнее: перед ним стоял, и не раз, трудный жизненный выбор. Ему сложнее стать частью производственной силы социализма, история его прошлой, дореволюционной жизни — потенциальная помеха в слаженном движении социалистической сверхмашины в светлое будущее, но он еще не прямой и не главный враг, как, например, прогульщик-летун. В «Поворотном круге» Касимова даны краткие портретные зарисовки этих летунов, призванных на заводской общественный суд: один «бреет губы, чтобы усы выросли»; другой «подвыпивший и строит рожи»⁴³. Сборник представляет тунеядцев как заводских долгожителей, паразитирующих на теле завода, «вырабатывающих меньше молодых парнишек-комсомольцев»⁴⁴, но проживающих «в казенных вагонах», «гармошку имеющих» и составляющих «бригаду самую худшую»⁴⁵.

Сборник, посвященный ударникам социалистического производства и созданный непрофессиональными начинающими писателями-рабочими, не был опубликован. Более полугода он пролежал без движения. В апреле 1932 г. Сурков оставил отзыв о «Транспортном сборнике», предназначенный для Государственного издательства художественной литературы (ГИХЛ).

Бригадир посчитал книгу не годной к публикации:

«Считаю, что сборник печатать не следует.

Мотивы:

1. Материал устарел.
2. Большинство произведений и поэтических, и прозаических не находятся на таком художественном уровне, который бы давал возможность говорить о целесообразности печатания несмотря на задержку сдачи.
3. В материале тема транспорта так, как этот вопрос ставится партией, не раскрыта и не освещена.
4. Во многих произведениях есть чрезвычайно большое количество ляпсусов технического и фактического порядка.

С Секретариатом МАПП есть договоренность о снятии сборника с издания. Вообще же считаю необходимым в ближайшее время организовать *новый* сборник о *транспорте* (курсив наш. — Д.М.,

⁴² ОР ИМЛИ. Ф. 158 (МАПП). Оп. 1. Ед. хр. 343. Л. 112.

⁴³ ОР ИМЛИ. Ф. 158 (МАПП). Оп. 1. Ед. хр. 343. Л. 22.

⁴⁴ ОР ИМЛИ. Ф. 158 (МАПП). Оп. 1. Ед. хр. 343. Л. 116.

⁴⁵ ОР ИМЛИ. Ф. 158 (МАПП). Оп. 1. Ед. хр. 343. Л. 64.

Н.Б.) на более высокой идейной и художественной основе и на материале, охватывающем сегодняшние боевые задачи транспорта»⁴⁶.

Неудачная издательская судьба транспортного сборника лишь отчасти может быть объяснена его невысоким художественным уровнем: он был ожидаем. Не связана она и с тем, что Сурков мог быть напуган перспективой дискредитировать массовое литературное пролетарское производство в глазах читателя: к этому времени пролетарская литература уже обогатилась выдающимися произведениями и в целом высоко зарекомендовала себя в глазах читателя. Например, в список обязательной для прочтения литературы, предназначенный для низовых литературных кружков, были включены: «Цемент» Гладкова, «Неделя» Либединского, «Чапаев» Фурманова, «Реки огненные» Артема Веселого, «Железный поток» Серафимовича, «Разгром» Фадеева, «Юр-Базар» Шведова⁴⁷. Скорее всего, отрицательный отзыв Суркова был связан с внутренними конфликтами и предчувствием грядущих перемен в судьбе пролетарских ассоциаций. В марте 1932 г. кампания МАПП по показу героев пятилетки подверглась острой критике на заседании секретариата РАППа [Шешуков 1970: 299]. Тогда генеральный секретарь РАПП Л. Авербах констатировал: «Политического экзамена Московская ассоциация не выдержала. Московская ассоциация пролетарских писателей на разрешении этой задачи обанкротилась»⁴⁸. Следующим роковым для судьбы сборника событием стало обнародование 23 апреля 1932 г. партийного постановления о перестройке литературных организаций, ликвидировавшего литературные группировки, и в первую очередь — пролетарские ассоциации.

Но из актуальной повестки тема транспорта в массовой пролетарской литературе не ушла. Транспортные бригады отвечали установкам горьковского проекта по созданию «Истории фабрик и заводов», в котором кружковцы, рабкоры, рабочие трудились наряду с профессиональными писателями и историками [Журавлев 1997: 7]. Неудивительно, что в число первых историй фабзаводов вошла история Казанской железной дороги⁴⁹.

На I Всесоюзном съезде советских писателей в августе 1934 г. выступила делегация московских железнодорожников и коллектива высших учебных заведений транспорта с обоснованием не ослабев-

⁴⁶ ОР ИМЛИ. Ф. 158 (МАПП). Оп. 1. Ед. хр. 343. Л. 120–121.

⁴⁷ ОР ИМЛИ. Ф. 40 (РАПП). Оп. 1. Ед. хр. 49. Л. 25–28.

⁴⁸ ОР ИМЛИ. Ф. 40 (РАПП). Оп. 1. Ед. хр. 57. Л. 20.

⁴⁹ Отзыв о рукописи «История Казанской дороги» [1932] // А.М. Горький и создание «Истории фабрик и заводов». 1958. С. 213.

шей актуальности темы транспорта в литературе⁵⁰. В феврале того же года по лекалу МАППа вновь были созданы литературные транспортные бригады⁵¹. В 1934 г. проект поддержали Народный комиссариат путей сообщения, ЦК Железнодорожников и газета «Гудок»⁵². Поддержка сверху литературной деятельности на транспорте осуществлялась накануне прихода к руководству НКПС Л.М. Кагановича: Союз советских писателей продолжил взятый МАППом курс на укрепление советской литературы творчеством низовых писателей.

В феврале 1934 г. на совещании с писателями по вопросу о задачах писательских бригад на транспорте были приняты конкретные решения, опиравшиеся на опыт работы мапповских бригад: была одобрена инициатива создания транспортного общественно-политического и литературно-художественного журнала, к деятельности бригад подключилась секция драматургов Оргкомитета ССП и «Литературная газета». У транспортных бригад МАППа и ССП оказались схожие цели: «отобразить в стихах, очерках, коротких рассказах жизнь, работу и борьбу за социализм, за социалистическую реконструкцию железнодорожного транспорта»⁵³. Спустя два года после разгрома литературной групповщины к организации работы с низовыми писателями Оргкомитет Союза писателей подошел обстоятельнее.

«Центральная установка какого-либо течения сказывается на периферии литературы огромными и неожиданными даже результатами», — писал Ю. Тынянов [Тынянов 1977: 93]. Неудача «транспортного» проекта МАППа мало значима для истории литературы, но сам по себе он небезразличен для «пролетарского» эпизода в истории советской литературы. Он обнаружил центральную установку государства и партии на социальные интересы и запросы массового низового читателя, способствовавшую формированию нового течения в истории русской литературы — литературы советской.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бем А.Л. Исследования. Письма о литературе / Сост. С.Г. Бочарова; Предисл. и коммент. С.Г. Бочарова и И.З. Сурат. М., 2001.
2. Добренко Е.А. Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб., 1999.
3. Журавлев С.В. Феномен «Истории фабрик и заводов»: горьковское начинание в контексте эпохи 1930-х годов. М., 1997.

⁵⁰ Первый Всесоюзный съезд советских писателей 1934: Стенографический отчет. Москва: Гос. изд-во «Художественная литература». 1934. С. 347–348; 670.

⁵¹ ОР ИМЛИ. Ф. 41 (ССП). Оп. 1. Ед. хр. 122.

⁵² На литературном посту. 1931. № 22: «Гудок» — единственная газета, до сих пор никак не откликнувшаяся на призыв ударников в литературу».

⁵³ ОР ИМЛИ. Ф. 41 (ССП). Оп. 1. Ед. хр. 122.

4. *Московская Д.С.* К истории производственного очерка (1929–1932 гг.) По документам ОР ИМЛИ РАН // *Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения.* 2012. № 2. С. 814–827.
5. *Московская Д.С., Бакшаева Н.Ю., Романова О.В.* Массовость и «массовизация» в раннесоветском литературном процессе // *Studia Litterarum.* 2022. Т. 7. № 4. С. 10–33. doi: 10.22455/2500-4247-2022-7-4-10-33
6. *Московская Д.С., Романова О.В.* Литературные кружки как инструмент строительства пролетарской культуры. 1920–1932 гг. (по документам отдела рукописей ИМЛИ РАН) // *Вестник славянских культур.* 2021. № 61. С. 189–198. doi: 10.37816/2073-9567-2021-61
7. *Тынянов Ю.Н.* Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.
8. *Шешуков С.И.* Неистовые ревнителы. Из истории литературной борьбы 20-х годов. М., 1970.

REFERENCES

1. Boehm A.L. Issledovaniya. Pis'ma o literature [Research. Letters about Literature] [comp. by S.G. Bocharov; preface and comm. by S.G. Bocharov and I.Z. Surat]. Moscow: *Languages of Slavic Culture Publ.*, 2001. (In Russ.)
2. Dobrenko, E.A. Formovka sovetskogo pisatel'ia. Sotsial'nye i esteticheskie istoki sovetskoi literaturnoi kul'tury [The Making of the Soviet Writer: Social and Aesthetic Origins of Soviet Literary Culture]. St. Petersburg, *Akademicheskii proekt Publ.*, 1999. (In Russ.)
3. Zhuravlev S.V. Fenomen "Istorii fabrik i zavodov": gor'kovskoe nachinanie v kontekste epohi 1930-h godov [The Phenomenon of "The History of Factories and Plants": Gorky's Undertaking in the Context of the Era of the 1930s]. Moscow: *IRI RAS*, 1997. (In Russ.)
4. Moskovskaya D.S. K istorii proizvodstvennogo ocherka (1929–1932 gg.) Po dokumentam OR IMLI RAN [On the History of the Production Essay (1929–1932) According to the Documents of the OR IMLI RAS]. *Tekstologicheskii vremennik. Russkaya literatura XX veka: Voprosy tekstologii i istochnikovedeniya.* 2012, no. 2, pp. 814–827. (In Russ.)
5. Moskovskaja D.S., Bakshaeva N.Ju., Romanova O.V. Massovost' i «massovizacija» v rannesovetskom literaturnom processe [Mass Character and "Massovization" in the Early Soviet Literary Process]. *Studia Litterarum.* 2022, vol. 7, no. 4, pp. 10–33. doi: 10.22455/2500-4247-2022-7-4-10-33 (In Russ.)
6. Moskovskaja D.S., Romanova O.V. Literaturnye kruzhki kak instrument stroitel'stva proletarskoj kul'tury. 1920-1932 gg. (po dokumentam otdela rukopisej IMLI RAN) [Literary Circles as a Tool for Building Proletarian Culture. 1920–1932 (According to the Documents of the Department of Manuscripts of the IWL RAS)]. *Vestnik slavjanskih kul'tur.* 2021, no. 61, pp. 189–198. doi: 10.37816/2073-9567-202161-189-198 (In Russ.)
7. Tynyanov Ju.N. Poetika. Istoriya literatury. Kino [Poetics. The History of Literature. Cinema]. Moscow: *Nauka Publ.*, 1977. (In Russ.)
8. Sheshukov S.I. Neistovye revniteli. Iz istorii literaturnoj bor'by 20-h godov [Furious Zealots. From the History of the Literary Struggle of the 20s.]. Moscow, *Prometheus Publ.*, 1970. (In Russ.)

Поступила в редакцию 29.01.2024
 Принята к публикации 11.06.2024
 Отредактирована 06.07.2024

Received 29.01.2024

Accepted 11.06.2024

Revised 06.07.2024

ОБ АВТОРАХ

Московская Дарья Сергеевна — доктор филологических наук, главный научный сотрудник ИМЛИ РАН; d.moskovskaya@bk.ru

Бакшаева Наталья Юрьевна — соискатель, научный сотрудник ИМЛИ РАН; nbobresova@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Moskovskaya Daria — DSc in Philology, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; d.moskovskaya@bk.ru

Bakshaeva Natalya — PhD Student, Department of Manuscripts, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; nbobresova@gmail.com

ОСМЫСЛЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА В ЭМИГРАНТСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА «ЛЮТЕР»): ТРАДИЦИЯ И ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЕ

О.В. Кулешова

Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия; kuleshova.o.v@gmail.com

Аннотация: Христоцентричная философия Мережковского лежит в основе его эмигрантского творчества. Христос в его понимании — величайшая Личность в истории, соединившая Божескую и человеческую природу, вершина философской концепции писателя, начало всех его культурных и философских построений. Сравнительный анализ фрагментов романа «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского и романа-биографии «Лютер» Д.С. Мережковского позволяет сделать выводы о наследовании Мережковским идей Достоевского в осмыслении исторического христианства, отношения к католической церкви, понимания философской категории свободы, вопросов социального устройства общества, опасности создания тоталитарного атеистического государства. Отвечая на вопросы: «Что такое Церковь? Что такое Христос? Что такое Личность?» — Мережковский идет по пути преодоления традиционной романной формы, предвосхищая «смерть» романа XX столетия. Образ Лютера нужен Мережковскому для воплощения собственных идей о приближении Царства Божия в Третьем Завете Духа-Матери и создании экуменической Церкви, понимании Личности Христа. Но приближаясь к жанру философского эссе при описании духовного портрета Лютера, писатель остается в рамках художественного осмысления действительности, создает художественный образ, используя поэтические фигуры языка, прибегая к развернутым сравнениям и метафорам, апеллируя к ассоциативному мышлению. Создавая художественный образ Лютера-реформатора, Мережковский использует реальные биографические факты его жизни, преследуя цель не просто воссоздать духовный облик значимой исторической фигуры, но обосновать ее надмирное и внеисторическое значение, опираясь на художественную ткань повествования. Роман Мережковского далек от традиционной формы биографического и исторического романов. Это жанр романсированной биографии, «единственный в своем роде Мережковский», как говорили о нем современники.

Ключевые слова: Д.С. Мережковский; эмигрантское творчество; осмысление христианства; традиции Ф.М. Достоевского; преодоление традиции; преодоление романного жанра; жанр романсированной биографии

Для цитирования: Кулешова О.В. Осмысление христианства в эмигрантском творчестве Д.С. Мережковского (на примере романа «Лютер»): традиция и ее преодоление // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 4. С. 201–212.

COMPREHENSION OF CHRISTIANITY IN D.S. MEREZHKOVSKY'S EMIGRANT WORK (ON THE EXAMPLE OF THE NOVEL *LUTHER*): TRADITION AND ITS OVERCOMING

O.V. Kuleshova

*Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; kuleshova.o.v@gmail.com*

Abstract: Merezhkovsky's Christ-centered philosophy lies at the heart of his emigrant work. Christ in his understanding is the greatest Person in history who united the divine and human natures, the pinnacle of the writer's philosophical conception, the beginning of all his cultural and philosophical constructions. The comparative analysis of fragments of the novel *The Brothers Karamazov* by F.M. Dostoevsky and the novel-biography *Luther* by D.S. Merezhkovsky allows us to draw conclusions about Merezhkovsky's inheritance of Dostoevsky's ideas in comprehending historical Christianity, attitude to the Catholic Church, understanding of the philosophical category of freedom, issues of social structure of society, the danger of creating a totalitarian atheistic state. Answering the questions: What is the Church? What is Christ? What is Personality? Merezhkovsky follows the path of overcoming the traditional novel form, anticipating the "death" of the novel of the twentieth century. Merezhkovsky needs the image of Luther to realize his own ideas about the approach of the kingdom of God in the Third Covenant of the Spirit-Mother and the creation of an ecumenical Church, the understanding of the Person of Christ. But approaching the genre of philosophical essay in describing the spiritual portrait of Luther, the writer remains within the framework of artistic comprehension of reality, creates an artistic image using poetic figures of language, resorting to extended comparisons and metaphors, appealing to associative thinking. Creating an artistic image of Luther the Reformer, Merezhkovsky uses real biographical facts of his life, pursuing the goal not just to recreate the spiritual image of a significant historical figure, but seeks to substantiate his supra-worldly and extra-historical significance, relying on the artistic fabric of the narrative. Merezhkovsky's novel is far from the traditional form of biographical and historical novels. It is a genre of novelized biography, "the only Merezhkovsky of his kind", as his contemporaries said of him.

Keywords: D.S. Merezhkovsky; emigrant creativity; comprehension of Christianity; traditions of F.M. Dostoevsky; overcoming tradition; overcoming the novel genre; genre of the novelized biography

For citation: Kuleshova O.V. (2024) Comprehension of Christianity in D.S. Merzhkovsky's Emigrant Work (On the Example of the Novel *Luther*): Tradition and Its Overcoming. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 201–212.

Имя Д.С. Мережковского связано в сознании русского читателя с символизмом в литературе Серебряного века. Дореволюционные произведения писателя исследованы достаточно подробно. Много внимания уделялось филологической наукой знаменитой трилогии «Христос и Антихрист» и сочинению «Л. Толстой и Достоевский». Мережковский воспринимался как писатель, следовавший традициям символизма и интегрировавший ницшеанские идеи в собственную философию.

Эмигрантское творчество писателя, оторванное от российской аудитории долгие годы вследствие исторических причин, вернулось в Россию достаточно поздно. Первым отечественным издателем Мережковского в 90-е годы, выпустившим полное собрание его эмигрантских сочинений, стал главный научный сотрудник ИНИОН РАН А.Н. Николукин. Тексты Мережковского вернулись к российскому читателю, но в силу сложности, насыщенности философскими и богословскими цитатами, неясности жанровой специфики так и остались неизвестными широкой массе отечественных исследователей. Современные исследователи делали попытки определить жанровую специфику позднего творчества писателя, опираясь на отдельные произведения эмигрантского периода. Среди огромной массы научной литературы, посвященной Мережковскому, подобных работ не так уж и много. Можно выделить статьи В.В. Полонского [Полонский 2005; 2008; 2016], В.М. Толмачева [Толмачев 2018], Е.А. Осьминой [Осьмина 2023], А.В. Дехтяренко [Дехтяренко 2020], М.Ю. Игнатьевой (Оганисьян) [Игнатьева (Оганисьян) 2021], так или иначе касавшиеся этой темы. О неуловимости жанра книг Мережковского периода эмиграции пишет В.М. Толмачев в статье, посвященной книге «Наполеон» (1927). «Конечно, это и не роман, и не биография, а некое синтетическое мистериальное сочинение. Оно вышло из-под пера символиста, который меняет местами историю и поэзию, то есть об истории пишет своего рода стихи, и стихи порой по-символистски темные. <...> Историк в его восприятии всегда сочинитель, а исторический факт в этом случае всегда и метафора (материал, преобразенный воображением), и символ, скрывающий неизвестное, и неизвестное, способное возвыситься до мифа» [Толмачев 2018: 332]. Е.А. Осьмина обнаруживает у Мережковского научный дискурс, опираясь на трилогию «Тайна Трех», «Тайна Запада», «Иисус Неизвестный», и определяет жанр «Иисуса Неизвестного» как религиозно-философский трактат

с включением художественных отрывков [Осьминина 2023: 149]. В.В. Полонский относит тот же роман к «метаисторической публицистико-философской прозе» [Полонский 2008: 110]. Он же указывает и на присутствие житийных традиций в эмигрантском творчестве Мережковского [Полонский 2005: 570–572]. А.В. Дехтяренко отмечает признаки соединения романа, биографического исследования и публицистики [Дехтяренко 2020: 58]. На сложность метода Мережковского, сплавливающего различные литературные жанры, указывает и Т. Пахмусс [Pachmuss 1990]. Об эклектическом типе мировоззрения Мережковского рассуждает О.А. Пчелина [Пчелина 2020].

На наш взгляд, поздние сочинения Мережковского — это явление культуры в широком смысле слова. Их сложно отнести к художественной литературе в ее строгом определении, это и не философский трактат, поскольку Мережковский широко использует художественные образы для изложения своих идей, это и не богословское сочинение, так как тексты далеки от богословских канонов. Говоря о специфике эмигрантских сочинений Мережковского, хотелось бы сослаться на высказывания эмигрантской критики. Широкий спектр мнений можно обнаружить и у современников писателя. Однако некоторые оценки заслуживают особого внимания, поскольку глубоко освещают природу его творчества. Методологию позднего Мережковского пытается определить Н. Бахтин в статье «Мережковский и история» [Бахтин 1926]. Все творчество писателя — «медленное прорастание в глубинные и плодоносные пласты Истории... Для него познание прошлого — реальное общение в духе и лестница посвящений». Бахтин защищает Мережковского от обвинения в необъективном освещении исторических событий, утверждая, что «всякое осознание былого... роковым образом неадекватно», и определяет творчество писателя как мифотворчество. Бахтин не стремится выделять из живого многообразия поздних произведений писателя их схему или идейный остов, видя «главное обаяние Мережковского последних лет — именно в живом нарастании, переплетении, скрещивании многообразных мотивов и тенденций, по законам какого-то ему одному свойственного контрапункта».

В статье «Д.С. Мережковский (1865–1941)» М.О. Цетлин, подчеркивая внутреннее единство всех произведений писателя, определил его тему как «роль христианства в современной жизни». Литература для Мережковского — вторая, не менее глубокая реальность. Он никогда не был истинным поэтом и не имел глубокой связи с символизмом, отрицал эстетизм, искусство для искусства; «в новой религиозно-философской одежде возрождал идейность и тенденцию». «Мережковский не стремится к живописности, его романы

бледней и схематичнее, он художник как бы помимо воли. Для него романы только удобная форма, чтобы выявить антиномии и проблемы собственного духа, только своеобразные и длинные притчи и апологи. Он вкладывает в уста разных героев свои собственные мысли. Но, рожденные в духовном горении, из духовной проблематики, эти романы хранят печать духовного благородства». Цетлин оправдывает свободное обращение Мережковского с историческим материалом, защищая его от обвинений в историческом невежестве. Оправдание для Мережковского — высокая цель служения высшей правде. Его эссе построены на антитезах, иллюстрированных цитатами. Язык точный и чистый, насыщенный чувством и страстью. Цетлин отмечает некоторое ослабление оформляющей силы в эмигрантском творчестве Мережковского, но вместе с тем находит много глубокого и значительного, восхищается силой мысли и высоким напряжением духа, сохранившимся у писателя до глубокой старости [Цетлин 1942].

Своеобразие жанра позднего Мережковского определяет и Г.П. Струве в труде «Русская литература в изгнании» [Струве 1956]. Особенность метода писателя заключается в отказе от условной формы «исторического романа». Эмигрантские сочинения Мережковского Струве характеризует как художественно-философскую прозу, уточняя, что «это единственный в своем роде Мережковский». Мережковский проецирует настоящее в прошлое, что придает написанному злободневный интерес. Эсхатологические думы о Евангелии «Третьего Завета» заставляли автора подчинять себе (часто насильственно) героев житийных и биографических романов. Романы «перенасыщены эрудицией и культурой, но художественная плоть их беднее и суше, чем в лучших частях знаменитой трилогии. Часто стилистическая манера автора раздражает назойливым и навязчивым однообразием».

Соглашаясь со всеми высказанными выше замечаниями о позднем творчестве Мережковского, необходимо сказать, что в основе его лежит христоцентричная философия писателя. Христос — начало и вершина всех его философских построений. Все, что было в истории до прихода Христа, приготавливало и предсказывало его появление. Христос — величайшая Личность, соединившая Божескую и человеческую природу. Он пришел спасти мир, но мир его не узнал. Все, что происходит после, — дурная бесконечность истории, вражда и война бесконечная. «Дух дышит, где хочет, и голос Его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит?» (Иоанн, 3:8). Эта излюбленная Мережковским цитата из Иоанна повторяется в разных вариациях практически в каждом его романе. Роман «Иисус Неизвестный» — вершина философской концепции писате-

ля. Остальные романы, созданные в жанре романсированной биографии, повествуют об исторических Личностях, отмеченных, по мысли Мережковского, дыханием Святого Духа. Они стремятся приблизиться к Личности Христа и привести человечество к завершению земной истории, наступлению эсхатологического конца, установлению Царства Божия на земле, как на небе, которое должно произойти в Третьем Завете Духа-Матери. Фактически исключительная Личность становится движущей силой истории, но это не Личность, осуществляющая исторический прогресс, это и не ницшеанская богоборческая Личность, стремящаяся обойтись без Бога, это Личность, способствующая наступлению Благочестивого Конца, существованию человечества в эсхатологии, в Духе, во Христе. Поэтому говорить о влиянии Ницше на позднее творчество Мережковского не приходится. Скорее это преодоление влияния, отталкивание от ницшеанских идей. У Ницше воля к власти, достижение абсолютной полноты бытия, гордыня человека, отрицающего существование Бога. У Мережковского Личность, стремящаяся ко Христу, ведущая человечество к эсхатологии, Благому Концу, через нее обнаруживается дыхание Святого Духа. Интересен выбор Мережковским исторических персонажей для своих романов. В один ряд поставлены святые католического мира, реформаторы и фигуры вполне светские: «Наполеон» (1929), «Лица святых от Иисуса к нам: Павел, Августин» (1936), «Франциск Ассизский» (1938), «Жанна д'Арк и Третье Царство Духа» (1938), «Данте» (1939), «Реформаторы: Лютер, Кальвин, Паскаль» (1941), «Испанские мистики: Святая Тереза Иисуса. Святой Иоанн Креста. Маленькая Тереза» (издана только в 1998 г.).

На примере анализа романа «Лютер» хотелось бы рассмотреть особенности осмысления христианства в эмигрантском творчестве Мережковского.

Следуя гегелевско-гераклитовской философии, Мережковский использует во всех своих произведениях триаду: тезис, антитезис, синтез. Первый Ветхий Завет — Бога Отца (дохристианское человечество), Второй Новый — Сына (историческое христианство), Третий — Духа-Матери (эсхатология, Царство Божие на земле). Два Завета друг с другом враждуют, а в Третьем согласуются. Эти представления Мережковского опираются и на учение средневекового монаха Иоахима Флорского.

Из одной формулы вырастают все образы романа. «Что такое Церковь? И что такое Личность? Что такое Христос?» — этими вопросами Мережковский начинает разговор о Лютере. И сразу, отсылая читателя к наследию Гете, обращается к его строкам: «Личность будь для человека / Высшим благом на земле...» [Ме-

режковский 2002: 5], называет немецкого поэта одним «из последних пророков Личности» и одним «из первых от нее отступников, делающих роковую для человеческой личности попытку оторвать ее от того единственно живого корня, на котором она растет и которым питается, — от Личности Божественной — Христа» [Мережковский 2002: 5]. В романе нет ни одного цельного персонажа — все антиномично. В истории не может быть гармонии, а лишь противоречия, гармония достижима только в эсхатологии. А потому Гете и величайший пророк Личности, и первый от нее отступник. «Ветвь человеческой Личности, отсеченная от лозы своей — Личности Божественной — Христа, не может уцелеть», по мысли Мережковского [Мережковский 2002: 6].

Из этого утверждения вырастает у Мережковского и противопоставление государства и церкви: «Государство, в лучшем случае, личности не видит, а в худшем — казнит. Церковь ставит Личность во главу угла, потому что сам Основатель Церкви есть первое и последнее, никогда не превзойденное и непревосходимое явление божественно-человеческой Личности» [Мережковский 2002: 7].

Углубляя эту антиномию, Мережковский обосновывает различия между Церковью и Государством: «Высшее в государстве — закон, т. е., в последнем счете, насилие над личностью. Высшее в Церкви — любовь, т. е. в последнем счете, воскрешающее освобождение личности. Государство приносит человека в жертву себе; в Церкви приносит в жертву Себя за человека Тот, Кого весь мир не стоит». [Мережковский 2002: 7]. Из пренебрежения к Личности Мережковский выводит и бесперспективность исторического прогресса и несостоятельность государственных систем ведущих держав XX столетия: «Как сильна в наши дни эта воля к безличности, видно из того, что на обоих полюсах нашей государственности — в коммунизме и фашизме — в самовластии всех над одним и самовластии одного надо всеми, — воля эта господствует одинаково. Противоположнейшие идейности во всем — фашизм и коммунизм — сходятся только в одном — в воле к безличности. <...> борются с Личностью как с исконным врагом своим; подавляют ее как ненужную для себя или вредную силу» [Мережковский 2002: 6].

Антиномичен у Мережковского и образ Лютера. Для него Лютер не просто великий реформатор церкви, он проводник человечества на пути к единой вселенской Церкви, царству Божию на земле. Мережковский относит его к плеяде Личностей, через которых «совершается неисследимое до какого-то последнего срока шествие духа в человечество, от Иисуса к нам» [Мережковский 2002: 8]. Однако для писателя образ Лютера не так однозначен. Мережковский говорит о движении «не одного Духа, а двух, Святого и Не-

чистого» и о великом борении между ними. «Слыша голос Духа, люди не знают, «откуда он приходит и куда уходит»: вот почему так часто и легко смешивают они голос Духа Божия с иным голосом, не от Бога идущим» [Мережковский 2002: 9].

Нужно сказать, что, создавая образ Лютера, Мережковский следует традиции Достоевского. Осмысление исторического христианства Мережковским восходит к идеям Достоевского, высказанным в поэме «Великий Инквизитор» в романе «Братья Карамазовы». Сравнительный анализ фрагментов произведений отчетливо это демонстрирует. Великий Инквизитор Достоевского, изгоняющий Христа во имя свое, вырастает в романе Мережковского в образ Папы — земного бога, дьявола, Антихриста. Мережковский приводит цитаты из исторических и богословских источников в подтверждение своих идей. Например, ссылается на мнение Эразма, используя его как беспристрастное свидетельство: «В общем растлении всего христианского мира жизнь так далеко отошла от евангельской, что для всех очевидно, как необходимо преобразование Церкви [реформа] <...> Мир томится такою жаждой евангельской истины, почерпнутой в самом ее источнике, что, если не открыть людям дверей, то они их выломают» [Мережковский 2002: 11]. «Лютер выломает двери, и хорошо сделает», — пишет Мережковский [Мережковский 2002: 11]. В этом и заключена его историческая миссия. «Это и значит: первая точка Церкви есть “то, что происходит <...>” между Христом, единственной Личностью Божественной, и личностью человеческой во Христе, тоже единственной. Третьего между ними двумя — посредника, Папы — не может быть» [Мережковский 2002: 13].

Мысль Достоевского об утрате свободы воли и объединении людей во всемирном общем и согласном муравейнике под властью Великого Инквизитора, рассуждения о преклонении перед силой чуда, власти и авторитета воплощаются у Мережковского в неприятии современных ему государственных устройств и социальных отношений в обществе.

Именно личный религиозный опыт Лютера высоко ценит Мережковский: «Этим-то *личным* религиозным опытом Лютер, вышедший или выпавший из Церкви, и нужен сейчас нам, тоже выпавшим из нее, нужнее всех, кто в ней остается. Этой-то волею к Личности мог бы он спасти и нас, погибающих так жалко и страшно, от воли к безличности» [Мережковский 2002: 12].

Но главное в учении Лютера для Мережковского то, что оно «пролагает между двумя Церквями, Восточной и Западной, путь к Единой Вселенской Церкви» [Мережковский 2002: 13]. Лютер становится для писателя провозвестником экуменизма. Ссылаясь на

высказывание самого Лютера, Мережковский видит его «дровосеком, прорубающим в лесной чаще просеку». «Лютер еще не вывел людей из того темного дикого леса, где заблудились они, как Данте в преддверии ада, но может вывести: все еще и донныне единственно верный путь христианского человечества — это Лютерова “просека”» [Мережковский 2002: 13].

В этом видится ему светлая сторона Лютера, но, согласно антиномическому мышлению Мережковского, есть еще и темная. Лютер не всегда может отличить Дух Божий от Иного, идущего не от Бога. «Неразличение Духов» — одна из роковых немощей Лютера, а другая — бессилие или недостаточная сила надежды» [Мережковский 2002: 13]. Отрекаясь от видимой Церкви, Лютер охладевает к «внешнему земному устроению Церкви» и предоставляет его Государству. И фактически свободная любовь ко Христу, на основе которой должна строиться истинная вера, оказывается подчиненной закону и насилию государства. Бунт, мятеж Лютера против католической Церкви и Папы Антихриста оборачивается бессилием: «Прежде я думал, что можно управлять людьми по Евангелию; но теперь я понял, что это — безумие: люди презирают учение Христа; чтобы ими управлять, нужен государственный закон, меч и насилие» [Мережковский 2002: 17].

Антиномия лежит и в основе отношения Лютера к католической Церкви. С одной стороны, бунт, отречение. «Я обличу эту буллу как нечестивую ложь... ибо она осуждает самого Христа... Вот когда я наконец убедился, что Папа — Антихрист, Рим — престол Сатаны», — восклицет Лютер, узнав о своем отречении от Церкви [Мережковский 2002: 15]. С другой стороны, Лютер предчувствовал, «что отказ его от Видимой Церкви есть отказ от последней надежды — отчаяние» [Мережковский 2002: 17]. «“Римскую Церковь я готов почтить со всем смирением... выше всего, что на небе и на земле, кроме одного Бога” <...> Видно по этому, что кровью изойдет сердце его от разрыва с Церковью и что, может быть, лучшую половину сердца он оставит в ней», — пишет Мережковский [Мережковский 2002: 17–18].

Мережковский идет по пути преодоления традиционной романной формы, предвосхищая «смерть» романа XX столетия. Жизнеописание Лютера не главная цель для писателя. Лютер нужен ему для воплощения собственных идей о создании вселенской Церкви, понимания исторического христианства, Личности Христа и евангельских истин. Приближаясь к жанру философского эссе при создании духовного портрета Лютера, писатель все-таки остается в рамках художественного осмысления действительности, создает художественные образы, используя поэтические фигуры языка,

прибегая к развернутым сравнениям и метафорам, апеллируя к ассоциативному мышлению. Создавая художественный образ Лютера-реформатора, Мережковский использует реальные биографические факты его жизни, опираясь на исторические и богословские источники, но преследует при этом цель не столько воссоздать духовный облик значимой исторической фигуры, сколько обосновать ее метафизическое, надмирное, вневременное значение. Роман Мережковского — это сплав философских умозаключений и художественных приемов и образов; безусловно, он далек от традиционной формы биографического и исторического романов. Это жанр романсированной биографии, «единственный в своем роде Мережковский», как говорили о нем современники.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин Н. Мережковский и история // Звено. 1926. 24 янв.
2. Дехтяренко А.В. Блез Паскаль в творческом осмыслении Д.С. Мережковского // Национальные коды в европейской литературе XIX–XXI вв. Литературный канон в контексте межкультурной коммуникации. Коллективная монография. Нижний Новгород, 2020. С. 52–62.
3. Игнатьева (Оганисьян) М.Ю. «Воображаемые линии»: источники «Св. Иоанна Креста» Д.С. Мережковского // Studia Litterarum. 2021. Т. 6. № 4. С. 224–242.
4. Кулешова О.В. Притчи Дмитрия Мережковского: единство философского и художественного. М., 2007.
5. Мережковский Д.С. Реформаторы: Лютер, Кальвин, Паскаль. Брюссель, 1990.
6. Мережковский Д.С. Собрание сочинений. Реформаторы. Испанские мистики / Редкол.: О.А. Коростелев, А.Н. Николюкин, С.Р. Федакин. М., 2002.
7. Осьминина Е.А. Трилогия Д.С. Мережковского «Иисус Неизвестный» как религиозно-философский трактат // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 12 (880). С. 145–150.
8. Полонский В.В. К проблеме «христианского кода» в творчестве Д.С. Мережковского периода эмиграции (1920–1930 годы) // Проблемы исторической поэтики. Т. 7. Петрозаводск. 2005. С. 562–575.
9. Полонский В.В. Мифопоэтика и динамика жанра в русской литературе конца XIX– начала XX века. М., 2008.
10. Полонский В.В. Русский Данте конца XIX — первой половины XX в.: Опыты рецепции и интерпретации классики до и после революционного порога // Toronto Slavic Quarterly: Academic Journal in Slavic Studies. Toronto, 2016. No 57. С. 111–130.
11. Пчелина О.В. Эклектизм как мировоззрение: случай Д.С. Мережковского // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2020. № 2. С. 92–101.
12. Струве Г.П. Русская литература в изгнании. Нью-Йорк, 1956 // [Электронный ресурс]. URL: <http://russian-teacher.ru/wp-content/uploads/2017/06/%D0%A1%D1%82%D1%80%D1%83%D0%B2%D0%B5-%D0%9B%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0-%D0%B2-%D0%B7%D0%B0%D1%80%D1%83%D0%B1%D0%B5%D0%B6%D1%8C%D0%B5.pdf> (дата обращения: 11.02.2024).

13. Толмачев В.М. Святой Наполеон // Д.С. Мережковский: писатель — критик — мыслитель: Сборник статей / Ред.-сост. О.А. Коростелев, А.А. Холиков. М., 2018. С. 327–335.
14. Цетлин М.О. Д.С. Мережковский (1865–1941) // Новоселье. 1942. № 2. Март // [Электронный ресурс]. URL: <https://biography.wikireading.ru/182711?ysclid=lsiq26vzah703391559> (дата обращения: 11.02.2024).
15. Pachmuss T. Merezhkovsky in exile: the master of the genre of biographie romances. New York, 1990.

REFERENCES

1. Bakhtin N. Merezhkovskii i istoriya [Merezhkovsky and History]. *Zveno*, 1926. 24 jun. (In Russ.)
2. Dekhtyarenok A.V. Blez Paskal' v tvorcheskom osmyslenii D.S. Merezhkovskogo [Blaise Pascal in the Creative Understanding of D.S. Merezhkovsky]. *Natsional'nye kody v evropeiskoi literature XIX–XXI vv. Literaturnyi kanon v kontekste mezkul'turnoi kommunikatsii. Kollektivnaya monografiya* [National Codes in European Literature of the XIX–XXI Centuries. The Literary Canon in the Context of Intercultural Communication. A Collective Monograph]. Nizhniy Novgorod, *Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky Publ.* 2020, pp. 52–62. (In Russ.)
3. Ignat'eva (Oganis'yan) M.Yu. «Vobrazhaemye linii»: istochniki «Sv. Ioanna Kresta» D.S. Merezhkovskogo ["Imaginary Lines": Sources of "St. John of the Cross" by D.S. Merezhkovsky]. *Studia Litterarum*, 2021, v. 6, no 4, pp. 224–242. (In Russ.)
4. Kuleshova O.V. *Pritchi Dmitriya Merezhkovskogo: edinstvo filozofskogo i khudozhestvennogo* [The Parables of Dmitry Merezhkovsky: The Unity of Philosophical and Artistic]. Moscow, Nauka Publ. 2007. 214 p. (In Russ.)
5. Merezhkovskii D.S. *Reformatory: Lyuter, Kal'vin, Paskal'* [Reformers: Luther, Calvin, Pascal. Brussels]. Bryussel', Zhizn' s Bogom Publ. 1990. 404 p. (In Russ.)
6. Merezhkovskii D.S. *Sobranie sochinenii. Reformatory. Ispanskije mistiki* [Collected Works. Reformers. Spanish Mystics]. Editors: O.A. Korostelev, A.N. Nikoljukin, S.R. Fedyakin. Moscow, Respublika Publ. 2002. 543 p. (In Russ.)
7. Os'minina E.A. Trilogiya D.S. Merezhkovskogo "Iisus Neizvestnyi" kak religioznofilosofskii traktat [D.S. Merezhkovsky's Trilogy "Jesus the Unknown" as a Religious and Philosophical Treatise]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2023, vyp. 12 (880), pp. 145–150. (In Russ.)
8. Polonskii V.V. K probleme "khristianskogo koda" v tvorchestve D.S. Merezhkovskogo perioda eh migratsii (1920–1930 gody) [On the Problem of the "Christian Code" in the Works of D.S. Merezhkovsky during the Period of Emigration (1920–1930)]. *Problemy istoricheskoi poetiki*. V. 7. Petrozavodsk. 2005, pp. 562–575. (In Russ.)
9. Polonskii V.V. Mifopoetika i dinamika zhanra v russkoi literature kontsa XIX — nachala XX veka [Mythopoetics and genre dynamics in Russian Literature of the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries]. Moscow, Nauka Publ. 2008. 288 p. (In Russ.)
10. Polonskii V.V. Russkii Dante kontsa XIX — pervoi poloviny XX v.: Opyty retseptsii i interpretatsii klassiki do i posle revolyutsionnogo poroga [The Russian Dante of the Late XIX — First Half of the XX Century: Experiences of Reception and Interpretation of Classics before and after the Revolutionary Threshold]. *Toronto Slavic Quarterly: Academic Journal in Slavic Studies*. Toronto, 2016, no 57, pp. 111–130. (In Russ.)

11. Pchelina O.V. Eklektizm kak mirovozzrenie: sluchai D.S. Merezhkovskogo [Ecclecticism as a Worldview: The Case of D.S. Merezhkovsky]. *Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2020, no 2, pp.92–101. (In Russ.)
12. Struve G.P. Russkaya literatura v izgnanii. N'yu-Iork, 1956 [Russian Literature in Exile. New York]. URL: <http://russian-teacher.ru/wp-content/uploads/2017/06/%D0%A1%D1%82%D1%80%D1%83%D0%B2%D0%B5-%D0%9B%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B0-%D0%B2-%D0%B7%D0%B0%D1%80%D1%83%D0%B1%D0%B5%D0%B6%D1%8C%D0%B5.pdf> (accessed: 11.02.2024)
13. Tolmachev V.M. *Svyatoi Napoleon. D.S. Merezhkovskii: pisatel' — kritik — myslitel': Sbornik statei* [Saint Napoleon. D.S. Merezhkovsky: The Writer as a Critic and Thinker. Collection of Articles]. Ed.-comp. O.A. Korostelev, A.A. Kholikov. Moscow, "Dmitrii Sechin", Litfakt Publ. 2018, pp. 327–335. (In Russ.)
14. Tsetlin M.O. D.S. Merezhkovskii (1865–1941) [D.S. Merezhkovsky (1865–1941)]. *Novosel'e*. 1942, no 2. Mart. URL: <https://biography.wikireading.ru/182711?ysclid=lsiq26vzax703391559> (accessed: 11.02.2024)
15. Pachmuss T. *Merezhkovsky in Exile: The Master of the Genre of Biographie Romancee*. New York, Peter Lang Inc., International Academic Publishers, 1990. 338 p.

Поступила в редакцию 10.03.2024

Принята к публикации 11.06.2024

Отредактирована 08.07.2024

Received 10.03.2024

Accepted 11.06.2024

Revised 08.07.2024

ОБ АВТОРЕ

Кулешова Ольга Валерьевна — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом культурологии ИНИОН РАН; kuleshova.o.v@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Olga Kuleshova — PhD in Philology, Leading Research Fellow, Head of the Department of Cultural Studies, INION; kuleshova.o.v@gmail.com

РЕЦЕНЗИИ

«ЧЕРЕЗ «ЧУЖОЕ» К «СВОЕМУ»: ДИАЛОГ РУССКОЙ И ВЕНГЕРСКОЙ КУЛЬТУР»: монография / Под ред. М.А. Лаппо, В.В. Мароши. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2023. 240 с.

Н.С. Братчикова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; n.bratchikova@mail.ru

Аннотация: Коллективная монография является продолжением исследования категории «свой — чужой» на материале современного русского (русскоязычного) и венгерского художественного текста. Семантическая категория исследуется комплексно, что подразумевает ее изучение на уровне интертекстуальности, в переводах художественного текста, в развитии мотивов классической русской литературы в зарубежном культурном пространстве. Монография характеризуется широтой языкового охвата: помимо заявленной в теме исследования языковой пары «русский — венгерский», в ней представлены материалы по английскому, французскому, польскому языкам в сопоставительном аспекте. В книге четыре раздела — два лингвистических и два литературоведческих, в работе над которыми приняли участие российские и венгерские ученые. Монография вносит существенный вклад в развитие методологии исследования категории «свой — чужой».

Ключевые слова: категория «свой — чужой»; лингвистический и литературоведческий аспект; художественная литература; художественные параллели; диалог культур; перевод; венгерский язык

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-04-17

Для цитирования: Братчикова Н.С. Рецензия на кн. «Через «чужое» к «своему»: диалог русской и венгерской культур»: монография / под редакцией М.А. Лаппо, В.В. Мароши. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2023. 240 с. // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 4. С. 213–219.

THROUGH “SOMEONE ELSE’S” TO “ONE’S OWN”: A DIALOGUE BETWEEN RUSSIAN AND HUNGARIAN CULTURES

Nadezhda S. Bratchikova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; n.bratchikova@mail.ru

Abstract: The collective monograph continues the investigation of the “someone else’s to one’s own” category in the context of contemporary Russian (Russian-language) and Hungarian literary texts. The semantic category is studied comprehensively.

sively, which entails its examination at the level of intertextuality in translations of literary texts and in the development of motifs from classic Russian literature within foreign cultural spaces. The monograph is characterized by its broad linguistic scope; besides the stated research focus on the Russian — Hungarian language pair, it also includes materials in English, French and Polish for comparative analysis. The book is divided into four sections — two on linguistics and two on literary criticism, with contributions from Russian and Hungarian scholars. This work significantly contributes to the development of the methodology for researching the “someone else’s to one’s own” category.

Keywords: “someone else’s to one’s own” category; linguistic and literary aspects; artistic parallels; cultural dialogue; translation; Hungarian language

For citation: Bratchikova N.S. (2024) Through “Someone Else’s” to “One’s Own”: A Dialogue Between Russian and Hungarian Cultures. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, p. 213–219.

Коллективная монография «Через “чужое” к “своему”: диалог русской и венгерской культуры» — продолжение исследования категории «свой — чужой» на материале современного русского (русскоязычного) и венгерского художественного текста.

Впервые в истории финно-угорской филологии проводится совместное российско-венгерское научное исследование, итогом которого стала коллективная монография. Ее авторы (М.А. Лаппо, Е.Ю. Булыгина, М.Б. Смолина, Т.А. Трипольская, А.А. Уразбекова, Ю.И. Пожгаи, Н.В. Шахвердова, В.В. Мароши, К. Хорват, Г. Хорват, Ю.М. Бокарева, К.Н. Бухарбаева) взяли на себя непростой труд исследовать категорию «свой — чужой» на материале современного русскоязычного и венгерского художественного текста. На текущий момент специальная литература, посвященная глубокому изучению отдельно взятой семантической категории в сопоставительном аспекте, отсутствует.

На начальных этапах работы представители российской и венгерской научных школ столкнулись с вполне очевидными трудностями: разными научными подходами и языком описания [Лаппо 2023: 11]. В ходе дискуссий были выявлены общие научные ключевые позиции. Ученые приняли решение рассматривать семантическую категорию с лингвистической и литературоведческой точек зрения. Комплексный подход подразумевал изучение дихотомии «свой — чужой» на уровне интертекстуальности, в переводах художественного текста, в развитии мотивов классической русской литературы в зарубежном культурном пространстве.

Материал изложен логично и последовательно. Анализ практического материала подтверждает аксиологические черты категории «свой — чужой». Обращает на себя внимание широта языкового

охвата в изучении дихотомии: практический материал выходит за рамки ожидаемой языковой пары — русский и венгерский.

В первой главе «Лингвистические предпосылки и основания изучения категории «свое и чужое» [Булыгина, Смолина, Трипольская 2023: 21–54] исследуются различия в языковых картинах мира на материале глаголов движения. Однако, к возможному удивлению читателя, языковой пары «русский — венгерский» как предмета исследования он не увидит: метафорические значения русских глаголов движения при представлении чувства любви и привязанности сопоставляются с английскими и французскими. Исследователи свой выбор языкового материала обосновывают стремлением отчетливо объяснить содержание «своего» на фоне «иного». «Семантико-прагматическая специфика родного языка становится очевиднее в сопоставительных исследованиях, актуализирующих универсальное и уникальное в способах интерпретации действительности» [Булыгина, Смолина, Трипольская 2023: 21]. Исследование проведено тщательно и скрупулезно. Для определения языкового статуса метафорических значений (узуальный/окказиональный характер) исследователи обратились к лексикографическим источникам¹ и данным национальных корпусов указанных языков. В ходе работы авторы раздела пришли к выводу, что в русской картине мира глаголы движения являются этноспецифичными в метафорических эмотивных значениях презентации любви на всех стадиях ее существования, в то время как в английском и французском языках при помощи этих глагольных метафор представлены только начальные этапы развития отношений. Надеемся, что заданный формат исследования пригодится для описания любовных и матримонидальных отношений в венгерской картине мира.

В работе А.А. Уразбековой «Типы и функции иноязычных элементов в художественном тексте» описываются заимствованные из польского языка лексемы и особенности их освоения в русском языке. Бесспорно, исследуемая языковая пара «русский — польский» расширяет лингвистические горизонты и наглядно отражает дихотомию «свой — чужой», но все же применительно к заявленной теме исследования — диалог русской и венгерской культур — она имеет непря-

¹ Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1949–1965; Большой академический словарь русского языка / Под ред. К.С. Горбачевича. М.: Наука, 2004; Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985–1988; Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999; Французско-русский словарь активного типа / Под ред. В.Г. Гака, Ж. Триомфа. 2-е изд. М.: Русский язык, 1998; Французско-русский словарь / Сост. К.А. Ганшина. 6-е изд., испр. и доп. М., 1971.

мое отношение. Справедливо наблюдение М.А. Лаппо о том, что представленный опыт описания лексических заимствований из польского языка в русский и изучение их функций в художественном тексте в контексте категории «свой — чужой» может служить моделью анализа функционирования в тексте заимствований из любого языка.

Вторая глава монографии, «Вопросы художественного перевода в аспекте национально-культурной самоидентификации», в точной мере соответствует теме монографии. Разделы главы посвящены анализу средств репрезентации категории «свой — чужой» на материале художественных текстов на русском и венгерском языках. Исследовательская группа обратилась к анализу адекватности перевода литературных произведений с русского на венгерский язык. Литературное произведение выступает важнейшим пространством маркирования национально-культурной самоидентификации, поэтому в процессе его перевода на иностранный язык необходимо максимально сохранить этнокультурную идентичность текста.

Особого внимания и горячего одобрения заслуживает статья И. Пожгаи «Лингвистическая архаизация как ведущий способ передачи национально-культурной идентичности в венгерском переводе романа Е. Водолазкина «Лавр» (в ракурсе его рецепции венгерскими читателями)» [Пожгаи 2023: 77–99], в которой уделяется внимание вариантам венгерского языка, предложенным для древнерусских фрагментов. Венгерский переводчик Л. Палфальви сумел смоделировать древнерусский язык посредством собственно языковой архаизации (употребление форм древнего венгерского повествовательного прошедшего времени, устаревших форм, слов и синтаксических конструкций), употребления редких слов и слов, принадлежащих к высокому, литературному или народно-поэтическому стилю. Важным является использование автором статьи комментариев переводчика в работе над текстом Е. Водолазкина, например, обращение к языковым ресурсам протестантской Библии, а именно модернизированного (особенно в правописании, графике, отчасти грамматике и лексике) текста первого полного венгерского перевода Библии 1590 г. [Пожгаи 2023: 79]. Перед венгерским переводчиком стояла задача создать такой аналог языка, который должен быть понятен венгерским читателям и при этом может идентифицировать говорящих на нем как древнерусских людей средневековья с большой достоверностью [Пожгаи 2023: 81]. Обращение к анализу венгерского языка, включение различных аспектов его истории в процессе работы над текстом перевода, в выборе подходящих лексических и грамматических форм венгерского языка, даже в тех случаях, в которых, казалось бы, не затрагивается проблематика

дихотомии «свой — чужой», позволяет раскрыть алгоритм адаптации текста, дает перспективу более глубокого осмысления проблем перевода шедевров национальных литератур безотносительно к конкретному языку. Успешность перевода романа подтверждается читательскими отзывами. Венгерская аудитория приняла и оценила произведение, то есть его перевод. Результаты и выводы статьи будут интересны и полезны не только специалистам в области венгерского языка, но и филологам широкого профиля, переводчикам и культурологам.

Заслуживает высокой оценки статья Н.В. Шахвердовой «Концепт “чужое” в переводе романов Б. Акунина² на венгерский язык» [Шахвердова 2023: 100–118]. Работа четко соответствует теме проекта: в ней изучаются межкультурные различия концептов «чужой» и «свой». Прежде чем перейти непосредственно к теме исследования, Н.В. Шахвердова проводит анализ существующих научных изысканий на тему «концепт», «перевод культурного концепта», «стереотипы, безэквивалентная лексика и лакуны». На наш взгляд, раздел мог бы быть более кратким, тем более что, к сожалению, автор апеллирует к исследованиям, уже ставшим классикой и опубликованным более десяти лет назад, что ни в коей мере не умаляет их теоретической значимости. Анализ конкретных лексико-фразеологических средств, объективирующих концепт «чужой», интересен в первую очередь для тех, кто изучает русскую культуру в Венгрии. Исследователь отмечает многослойность концепта «свой — чужой», требующую от переводчика умений и навыков использования приемов доместикации. Интересные наблюдения высказываются автором статьи применительно к «квазисвоему», когда в результате наложения языкового мира одного языка на другой явление воспринимается как свое, но при этом сохраняет чужеродность исходного языка. Н.В. Шахвердова сделала несколько любопытных обобщений по поводу перевода концептов, которые смогут быть проверены и расширены в будущем исследовании.

Третья и четвертая главы монографии представляют собой литературоведческие исследования. Третья глава, «Образные переключки в русской и венгерской литературах», представлена тремя статьями, две из которых посвящены поэзии О. Мандельштама [Мароши 2023: 118–136] и творчеству венгерского поэта Шандора Вёреща [Хорват 2023: 137–146], третья рассматривает поэтику апокалипсиса в романах «Бесы» Ф.М. Достоевского и «Меланхолия сопротивления» Л. Краснахоркаи [Хорват 2023: 147–173]. Материал

² 12 января 2024 г. включен Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов.

главы наглядно демонстрирует поиск автором «своего» слова, преломление «чужого слова» в художественном тексте. Несомненной заслугой исследователей является анализ творческого влияния одного писателя на художественный мир другого. В.В. Мароши изучает «физиологический» подход в статьях и стихах Осипа Мандельштама и доказывает, что освоение поэтом «чужого» происходит через соматическую связь с ним, через мотивы и метафоры осязания. Ученый отмечает, что «в стихах Мандельштама нет маркированных цитат, однако в них множество парафраз, в которых “чужое слово” встраивается в “свое”, и реминисценций, перефразирующих “чужое” порой до неузнаваемости» [Мароши 2023: 135].

Огромный интерес вызывает статья К. Хорват «О поэзии Шандора Вёреша (в свете параллелей с творчеством Осипа Мандельштама)» [Хорват 2023: 137–146]. Автор в этой главе достигает сразу двух целей: во-первых, знакомит читателя с творчеством венгерского поэта Шандора Вёреша (1913–1989); во-вторых, объектом осмысления становятся параллели между творчеством Шандора Вёреша и творчеством Осипа Мандельштама.

В разделе, написанном Г. Хорват, в фокусе авторского внимания оказывается творчество современного венгерского писателя Ласло Краснахоркаи [Хорват 2023: 147–173]. Проведя скрупулезный анализ влияния Ф.М. Достоевского на поэтический мир романов Краснахоркаи, Г. Хорват делает интересные выводы о параллелях в фабуле романов «Бесы» и «Меланхолия сопротивления», в пространственно-временной структуре (хронотоп провинциального городка), в идейных персонажах. Исследователь отмечает, что у Достоевского апокалипсис выступает как персональное начало и становится частью личной трагедии героев. В интерпретации Краснахоркаи апокалипсис демифологизируется и выступает как угроза исчезновения человеческой субъектности и культуры и их растворения в биофизиологических процессах растления. Безусловно, эта статья заслуживает самой высокой оценки. Она читается легко, притом что следует научно-академическому модусу изложения. Чувствуется, что автор глубоко проникся темой, разобрался в ней и охотно делится своими размышлениями с читателем.

В завершающей главе «Интертекст и литературная рецепция: внутри- и межкультурный диалог» анализируется креативная рецепция романа «Преступление и наказание» в современной русской прозе [Мароши 2023: 174–192]. Автор перечисляет большое количество произведений в русской литературе, в которых обыгрывается известный роман Достоевского, комментируются прецедентные

фразы, аллюзии, мотивы, персонажи, делаются отсылки к его сюжету и создаются пародии.

Специалистам в области детской и юношеской литературы будут интересны наблюдения Ю.М. Бокаревой в разделе «Интертекстуальные отсылки в современной российской прозе для детей и подростков», которая определяет функции отсылок к произведениям российской и зарубежной литературы в ракурсе дихотомии «свое — чужое» и вырабатывает типологию данных функций [Бокарева 2023: 193–202]. Достоинством статьи К.Н. Бухарбаевой «Трансформация оппозиции «свой»/«чужой» в романе-сказке о Румини Юдит Берг» является классификация героев известной детской книги, написанной венгерской писательницей, в ракурсе категории «свой — чужой». Исследователь проводит детальный сопоставительный языковедческий анализ имен персонажей и топонимов в четырех различных изданиях одного и того же текста о мышонке Румини [Бухарбаева 2023: 203–222].

Коллективная монография «Через “чужое” к “своему”: диалог русской и венгерской культур» является уникальной в жанровом отношении, потому что объединяет в себе монографическую глубину и многоаспектность охвата материала, обладает дискуссионными чертами, предлагает методологически ценные разработки семантической категории «свой — чужой». Представленные ракурсы исследования являются весьма перспективными и могут быть использованы в дальнейшем изучении влияния любой национальной культуры и литературы на литературный процесс в аспекте «свой — чужой». Уверена, что эта книга будет востребована учеными-филологами, преподавателями, студентами и аспирантами. Полагаю, что она будет интересна тем читателям, которые увлекаются венгерской художественной литературой.

Поступила в редакцию 05.03.2024

Принята к публикации 11.06.2024

Отредактирована 08.07.2024

Received 05.03.2024

Accepted 11.06.2024

Revised 08.07.2024

ОБ АВТОРЕ

Братчикова Надежда Станиславовна — доктор филологических наук, заведующая кафедрой финно-угорской филологии филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; n.bratchikova@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda Bratchikova — Doctor of Philology, Head of the Department of Finno-Ugric Philology at the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; n.bratchikova@mail.ru

**РЕЦ. НА КН.: ЧИРИКОВ ЕВГЕНИЙ. ЭХО ВОЙНЫ /
Сост. М.А. Чириков. Вступ. ст. М.В. Михайловой,
А.В. Назаровой. СПб.: Маматов, 2023. 208 с., илл.**

А.А. Пауткин

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; apautkin@yandex.ru*

Аннотация: Осуществлено новое издание книги Е.Н. Чирикова «Эхо войны», не печатавшейся с 1915 г. Сборник рассказов и очерков мало известного сегодня автора посвящен Первой мировой войне и ее восприятию представителями российского общества. Выход книги заполняет лакуны в общей картине литературного процесса первых десятилетий XX века, является важным событием в изучении творческого наследия писателя и привлечении к нему широкого читательского внимания.

Ключевые слова: Е.Н. Чириков; «Эхо войны»; Первая мировая война; рассказ; очерк

doi: 10.5959/MSU0130-0075-9-2024-47-04-18

Для цитирования: Пауткин А.А. Рец. на кн.: Чириков Евгений. Эхо войны / Сост. М.А. Чириков. Предисл. М.В. Михайловой, А.В. Назаровой. СПб.: Маматов, 2023. 208 с., илл. // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 4. С. 220–224.

**REVIEW OF THE BOOK: CHIRIKOV, EVGENY.
ECHO OF WAR / Ed. by M.A. Chirikov.
Preface by M.V. Mikhailova, A.V. Nazarova.
St. Petersburg: Mamatov, 2023. 208 p., ill.**

Alexey Pautkin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; apautkin@yandex.ru

Abstract: A new edition of E.N. Chirikov's book *Echo of War*, out of print since 1915, has been published. The collection of stories and essays by the author little-known nowadays is devoted to the First World War and its perception by Russian society. The book fills the lacunas in the general picture of the literary process of the first decades of the 20th century, and constitutes an important event in the study of writer's heritage; one can hope it will attract readers to Chirikov.

Keywords: E.N. Chirikov; *Echo of War*; World War I; short story; essay

For citation: Pautkin A. (2024) Review of the Book: Chirikov, Evgeny. Echo of War / Ed. M.A. Chirikov. Preface by M.V. Mikhailova, A.V. Nazarova. St. Petersburg: Mamatov, 2023. 208 p., ill. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 4, pp. 220–224.

Имя Е.Н. Чирикова (1864–1932) известно сегодня лишь специалистам по отечественной литературе конца XIX — начала XX вв. и литературе русского зарубежья. Произведения этого автора практически не издавались до начала XXI в. Только однажды, в 60-х гг. прошлого века, были напечатаны некоторые его повести и рассказы. Ведь после революции Чириков оказался в пражской эмиграции. Забвению был предан и сборник рассказов и очерков «Эхо войны», впервые опубликованный в 1915 г. Новое издание книги, осуществленное при участии правнука писателя М.А. Чирикова, отчасти восполняет картину литературной жизни первых месяцев мировой войны, вновь вводит ряд текстов Чирикова в читательский оборот.

Книгу открывает пространный очерк М.В. Михайловой и А.В. Назаровой, знакомящий с судьбой и творчеством Чирикова. Авторы предисловия предлагают читателю широкую картину литературной и журналистской деятельности, не ограничиваясь рассмотрением какого-то одного периода богатой событиями жизни героя. Важнейшие стороны содержания книги анализируются здесь в контексте всего литературного наследия Чирикова. Не остается без внимания и эмигрантский период его творчества, в частности роман о гражданской войне «Зверь из бездны». Раскрытие непростых отношений автора с критикой, писателями-современниками (в частности с М. Горьким) также является бесспорным достоинством вступительной статьи.

Первая мировая война оставила заметный след в литературе. На Западе это прежде всего произведения авторов, принадлежащих к так называемому «потерянному поколению». У нас на протяжении XX в. появились эпические тексты А.Н. Толстого, М.А. Шолохова, С.Н. Сергеева-Ценского, А.И. Солженицына и др., где события, предшествующие революции, нашли свое художественное отражение. Книге Чирикова, вышедшей уже в 1915 г., уготовано более скромное место среди произведений на данную тему. И дело не только в жанровой природе вошедших в нее рассказов и очерков. Сборник Чирикова не претендует, да и не может претендовать на обобщение судьбоносных для России исторических событий. Его значение и ценность в другом. Перед читателем своего рода ранний оперативный отклик на ситуацию начала и самых первых месяцев войны. Еще не угас патриотический порыв, не проявились все пагубные

особенности «машинной войны», но уже понесены значительные людские потери. Они коснулись многих. Чириков посвящает книгу памяти мужа своей дочери, погибшего на фронте. Заметим, что именно в начальные месяцы боевых действий произойдут знаковые социальные перемены в составе кадрового офицерского корпуса. В войсках на небольших командных должностях все чаще станут появляться так называемые «зауряд-прапорщики» — выходцы из низовых сословий.

Книга носит название «Эхо войны». С высоты прошедших десятилетий может показаться, что речь в ней идет о неких отдаленных последствиях, влиянии былого. Но это не так. Писатель рассказывает о реакции людей в далеком тылу на объявление войны. В центре его внимания переживания родных и близких призываемых на фронт, перемены в обыденной жизни российской провинции. Безмятежность существования героев Чирикова сменяется тревогой, мучительным ожиданием и страхом. Если в очерках и появляются фронтовые заметки, то это вновь впечатления о делах ближнего тыла и людей, обеспечивающих боевую работу в окопах.

Фронтовые впечатления нередко становятся основой произведений, авторы которых в молодости прошли через военные испытания. Чирикову же в начале Великой войны, как ее тогда именовали, пятьдесят лет. Он известный литератор, опытный журналист, побывавший на театре военных действий в конце 1912 г., где стал свидетелем Первой Балканской войны. События, увиденные в Болгарии, по-своему повлияли на антивоенные настроения писателя. Тогда еще никто не знал, что через четыре года, в августе 1916 г., бригады русского экспедиционного корпуса будут высаживаться в Солониках, чтобы сражаться против болгарской армии на Македонском фронте.

В «Эхо войны» вошли два самостоятельных раздела. Один («Здесь») включает в себя ряд рассказов, объединенных одной темой. А во второй части книги («Там») собраны очерки, созданные на основе впечатлений от поездок в прифронтовую зону на территории Польши. В книге также имеются дополнительные материалы, не входившие в ее первоначальное издание. Это очерки, печатавшиеся в газете «Русское слово», и реквием, принадлежащий перу В. Чириковой, дочери писателя.

Герои Чирикова — представители всех сословий российского общества. Это дворяне и крестьяне, провинциальные интеллигенты, студенты и купцы, чиновники и обрусевшие иностранцы (напр., единственный в городе немец-аптекарь — «Война»). Перед читателем

предстают люди разных возрастов — молодежь, старики («Чудо») и даже дети.

В одном из рассказов («Добровольцы») в центре сюжета трогательная история неудачного побега на фронт двух гимназистов, движимых патриотическим порывом, и терпеливое отношение старших к благородным чувствам юношества. Здесь писатель правдиво отразил романтические настроения, вызванные газетной пропагандой. Достаточно обратиться к воспоминаниям Вс. Вишневского («Мои воспоминания (1914–1921)») или беллетризованным мемуарам маршала Р.Я. Малиновского «Солдаты России». Эти подвиги чуть более старшего возраста осуществили свой побег из мирной жизни более успешно.

Особая роль принадлежит сюжетам из госпитального быта, деятельности обоза, перемещения санитарного поезда близ линии фронта. Подобные страницы вызывают в памяти наблюдения врача В.В. Вересаева («На японской войне»). Отметим, что дочь Чирикова отправилась в действующую армию именно сестрой милосердия. Каждодневный самоотверженный труд, повседневность неброского героизма для писателя важнее трескучих газетных репортажей.

Нынешнему читателю непросто погрузиться в эпоху Первой мировой войны, представить не только настроения, но и бытовые детали, внешность людей, живших и сражавшихся более столетия назад. Уже недоступны иллюстрированные издания той поры (напр., «Летопись Великой войны»), публиковавшие списки и фотографии погибших и раненых офицеров. Издание сопровождается небольшим числом фотографий, способствующих визуализации литературного материала. Это портреты автора и его родственников, редкие снимки тыловой госпитальной жизни.

Книге предпослан выразительный фотопортрет писателя. Внимательный читатель отметит, что перед ним штатский человек в военной форме. У немолодого Чирикова необычные погоны военного медика, чиновника двенадцатого класса (губернский секретарь по «Табели о рангах»), приравниваемого к чину армейского подпрапорщика. Писатель в 1914 г. был прикомандирован к подвижному санитарному отряду в качестве корреспондента газеты «Русское слово».

Публикация сборника «Эхо войны» — лишь одно из звеньев в работе по возвращению наследия забытых литераторов, без которых нельзя полноценно представить литературный процесс начала XX столетия. Кроме того, книга Чирикова — своеобразный документ времени, поэтому она способна привлечь внимание многих, кто интересуется людьми и событиями ушедшей в прошлое эпохи.

Поступила в редакцию 01.03.2024

Принята к публикации 11.06.2024

Отредактирована 08.07.2024

Received 01.03.2024

Accepted 11.06.2024

Revised 08.07.2024

ОБ АВТОРЕ

Пауткин Алексей Аркадьевич — профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова;
apautkin@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Alexey Pautkin — Professor, Department of the History of Russian Literature, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; apautkin@yandex.ru

ISSN 0130-0075

ISSN для электронной версии 2949-2688 от 02.05.2023

ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 9. ФИЛОЛОГИЯ. 2024. № 4. 1–224.

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации № 1555 от 14 февраля 1991 г.